

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. Ломоносова

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Латонова Анастасия Вячеславовна

Образ Александра I в английских и немецких газетах (1812–1825 годы)

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

Андреев А.Ю.

Москва – 2024

Оглавление

Введение.....	4
Глава I Образ императора в глазах современников как объект для изучения.....	52
1.1. Результаты изучения образа российского самодержавия в российской и зарубежной историографии: методология и результаты исследования.....	52
1.2. Иностранная пресса первой четверти XIX века как источник по истории России.....	74
Глава II Противостояние с Наполеоном.....	91
2.1. Формирование образа Александра как борца с Наполеоном.....	91
2.2. Александр I – победитель.....	98
2.3. Александр I в Париже: основные черты образа.....	107
2.4. Путешествия Александра по Европе в 1814-1815 гг.....	110
2.5. Финальная репрезентация Александра I как победителя Наполеона.....	117
Глава III Венский конгресс.....	123
3.1. Александр I как монарх-победитель и его отношения с другими монархами на конгрессе.....	123
3.2. Александр I как дипломат. Восприятие его дипломатической деятельности на конгрессе.....	131
3.3. Александр I и окружающее общество в период Венского конгресса. Повседневные репрезентации.....	141
Глава IV Священный союз: идея и политика.....	148
4.1. Восприятие Акта о Священном союзе.....	148
4.2. Реакция в прессе на консервативную политику Священного союза.....	172
4.3. Образы Священного союза на страницах прессы.....	182
4.4. Возникновение «черного мифа» об Александре I.....	186
Глава V Итоги царствования Александра I в отражении прессы.....	214
5.1. Личность самодержца, стоявшего за преобразованием Европы.....	214
5.2. Оценки исторической роли Александра I.....	230

Заключение.....	238
Источники.....	244
Литература.....	250
Приложения.....	266

Введение

Научная значимость и актуальность темы исследования.

Антропологический поворот в науке привел к тому, что в центре внимания исследователей вновь, как в классический период, оказались люди, а не общественные отношения и институты. На новом этапе осмысления человека в истории сформировалось, в частности, такое направление исследований, как изучение образов исторических личностей в массовом сознании. В рамках данного направления ценность имеют как представления, характерные для современников этих личностей, так и представления потомков. Они позволяют понять, с одной стороны, какими выдающиеся люди представляли в глазах публики, а с другой – как общество признавало само себя в тот или иной период, в чем была специфика его ментальности.

Одной из самых актуальных тем в рамках такого направления выступает изучение образа личности во власти, поскольку именно власть всегда задавала тон обществу. В последние два десятилетия публикуется большое количество работ, посвященных именно образам российских самодержцев. Чаще всего в качестве фигуры для исследования при этом можно видеть Петра I и Николая II в силу очевидного переломного характера их правлений. Но, как представляется, не меньшего внимания заслуживает Александр I, на годы царствования которого выпала Отечественная война 1812 г. и следующая за ней принципиальная перестройка международных отношений в Европе в рамках созданного этим императором Священного союза. И если для разносторонней характеристики самого Александра Павловича в литературе на протяжении последних двух веков приводились мнения из самых разных источников, в том числе и иностранных, то обратная задача – составить представление не о реальном Александре, а о его образе в умах иностранных корреспондентов – ставится впервые. Вместе с тем подобное исследование раскрывает как вопрос осознанной самопрезентации в глазах иностранной публики со стороны

Александра I, так и вопрос субъективных представлений о нем (а через него – о России) в международном сообществе.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является британская и немецкая пресса 1812–1825 гг. в ее газетном сегменте. Предмет исследования – образ императора Александра I в этих периодических изданиях. Понятие «образ» в данном случае заимствуется из лексикона политической психологии. Под ним подразумевается сложносоставной социально-психологический конструкт, возникающий в результате формирования представлений о личности и деятельности самодержца в массовом сознании и формирующийся под влиянием как специально конструируемых установок восприятия, так и бессознательных устойчивых компонентов, коренящихся в национальных политических культурах.

Хронологические рамки исследования. Нижняя хронологическая граница – 1812 г. – определяется тем, что именно в контексте освобождения Европы от Наполеона Александр I впервые завоевал пристальное внимание европейской прессы, и в последующее десятилетие это внимание уже не ослабевало. Верхнюю границу – 1825 г. – задает смерть этого императора.

Территориальные рамки исследования связаны с его объектом и предметом и включают в себя территории Российской империи, государств Германского союза и отчасти Австрийской империи, а также земли, находившиеся под властью Соединенного королевства Великобритании и Ирландии.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования состоит в выявлении структуры и содержания образа Александра I в британской и немецкой прессе 1812–1825 гг., а также динамики его изменения в процессе развития политических событий в России и Европе.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

– определить методологические принципы, подходящие для изучения образа российского самодержавного правителя;

- проследить формирование образа Александра I на страницах британских и немецких газет периода Отечественной войны 1812 г. и Войны шестой коалиции;
- проследить изменения этого образа в период Венского конгресса;
- выявить новые компоненты образа, сложившиеся на фоне воплощения Александром I в жизнь идей Священного союза;
- определить место Александра I в ряду других правителей и его историческую роль в восприятии британской и немецкой прессы, а также установить различия в британской и немецкой версиях его образа.

Методологической основой исследования являются имагологический и историко-антропологический подходы, нацеленные на интеграцию материала из различных областей гуманитарного знания и предполагающие «особую чувствительность историка к языку и понятиям изучаемой эпохи, к ее символам и ритуалам»¹. Исследование построено на принципах единства логического и исторического, непротиворечивости выдвигаемых положений и полидисциплинарности, традиционных принципах историзма, сравнительности и проблемности. Эти принципы реализуются посредством сравнительно-исторического, историко-генетического и структурно-системного методов. Кроме того, следует назвать аксиологический метод, при помощи которого были выявлены ценностные доминанты в образе императора в изложении британской и немецкой прессы рассматриваемого периода.

Степень разработанности темы.

Историография заявленной темы естественным образом распадается на три больших пласта и включает в себя исследования образов «другого», «чужого» (то есть, исследования по имагологии), литературу о царствовании Александра I и работы, посвященные истории прессы. Это связано с тем, что, с одной стороны, представляется необходимым вписать образ Александра I в линию образов других российских монархов, а с другой – не менее важно оценить

¹ Кром М.М. Отечественная история в антропологической перспективе // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. М., 2003. С. 180.

тенденции внутри самой английской и немецкой прессы в рассматриваемый период.

Личность и царствование Александра I привлекали интерес исследователей еще в дореволюционную эпоху. Их изучение открывается фундаментальными многотомными трудами официальных историографов – М.И. Богдановича и Н.К. Шильдера.

Н.К. Шильдеру, наряду с честью открытия для публики широчайшего фактологического материала, принадлежит авторство классической периодизации александровского правления с «реформаторским» (1801–1810 гг.) и «реакционным» (1816–1825 гг., «последнее десятилетие») этапами, между которыми (1810–1815 гг.) пролегла борьба с Наполеоном. Эта периодизация будет уточнена затем великим князем Николаем Михайловичем, который выделял в царствовании Александра I уже пять этапов: 1801–1807 гг. – «эпоха колебаний», 1807–1812 гг. – время «союза с Наполеоном», 1812–1815 гг. – период «великой борьбы с Наполеоном», 1816–1822 гг. – «эпоха конгрессов, мистицизм, военные поселения» и 1822–1825 гг. – «эпоха общего разочарования».

М.И. Богданович же, будучи последователем субъективно-идеалистического подхода, положил начало рассмотрению политики Александра I через призму его биографии – поскольку личность императора виделась М.И. Богдановичу основным двигателем истории, а Александр I в его представлении, насмотревшись на несправедливости правлений отца и бабушки, искренне ненавидел тиранию и стремился водворить господство справедливости и идеалы законности. Из представления о великодушном рыцарском характере этого императора выводил всю его политику В.К. Надлер². Эта линия впоследствии будет продолжена одним из крупнейших русских историков второй половины XIX – начала XX века – В.О. Ключевским, со своей стороны, видевшим Александра I «роскошным, но тепличным цветком, не успевшим или не умевшим акклиматизироваться на русской почве», который «рос и цвел

² Надлер В.К. Император Александр I и идея Священного союза. Рига, 1886–1892. В 5 т.

роскошно, пока стояла хорошая погода, а как подули северные бури... завял и опустился»³. Ключевскому, вместе с тем, удалось выявить такие обстоятельства воспитания будущего императора, которые определили его скрытный, двуличный характер. Связанная с этим нерешительность и непоследовательность привела, по мысли этого историка, к тому, что либеральные интенции Александра I не дали плодов, лишь усилив напряжение и антагонизм в обществе. (В то же время, учитель Ключевского С.М. Соловьев – автор первого монографического исследования по внутренней и внешней политике Александра I, – напротив, полагал, что в характере Александра не было ничего сложного – что он был убежденным сторонником модернизации, придерживаясь при этом принципа избегать крайностей⁴).

О сложности и загадочности характера Александра I, которые определялись его воспитанием, вслед за Ключевским писал в своем «Курсе истории России XIX в.» также А.А. Корнилов. Другой либеральный историк, А.Н. Пыпин, пришел к заключению, что Александр I был проникнут «идеалистическими мечтами о свободе и счастье людей»⁵, но ему не хватало реальной знакомства с жизнью народа – в личности императора «было много искреннего энтузиазма и благородных влечений», но они не развились в «прочные, логически усвоенные принципы»⁶. Как и Ключевский, А.Н. Пыпин был уверен, что Александр чувствовал отвращение к деспотизму и стремился «подчинить деспотизм законности, неопределенность абсолютной монархии привести в известные твердые нормы»⁷. Неудачи преобразовательных опытов царя А.Н. Пыпин точно так же видел в двойственности и незаконченности его действий. О неспособности императора к целенаправленной систематической

³ Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 5. Курс русской истории. Ч. 5 / Под ред. В.Л. Янина. М., 1989. С. 194.

⁴ Соловьев С.М. Император Александр I. Политика, дипломатия. М., 2003. С. 634.

⁵ Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I. Спб., 1871. С. 18.

⁶ Пыпин А.Н. Указ. соч. С. 27–28.

⁷ Там же. С. 81–82.

практической работе и стремлении переложить ее тяжесть на плечи других писал в своем очерке «Император Александр I и Аракчеев»⁸ и А.А. Кизеветтер.

С наступлением советского периода в историографии начинает преобладать, скорее, тенденция искать объяснения политике Александра I не в его личной биографии, а в необходимости отвечать объективным вызовам развития общества. У истоков ее стоит А.Е. Пресняков, который в своем труде «Александр I» определяет основное направление александровской политики как «поиски новых форм социально-политической организации страны, соответственно назревшим и остроощутимым потребностям развития ее материальных и культурных сил»⁹. В русле того же подхода С.Б. Окунь в «Очерках истории СССР: конец XVIII – первая четверть XIX в.»¹⁰ и А.В. Предтеченский в «Очерках общественно-политической истории России в первой четверти XIX в.» главную цель внутренней политики Александра I видели в спасении феодально-крепостнической системы от гибели. В частности, С.Б. Окунь полагал, что, будучи в действительности консерватором, император использовал либеральные идеи для того, чтобы оставить все по-старому – иначе говоря, по представлениям этого историка, александровские либеральные порывы были лицемерны. А.В. Предтеченский выражал ту же мысль, только мягче – замечая, что Александр I сознательно шел на уступки (при этом, неожиданно в духе дореволюционной историографии, сводя объяснения к неустойчивости характера Александра I и минутным отклонениям в его настроении – например, при рассмотрении вопроса о подготовке российской конституции и о декларации намерения ввести в России представительное правление). Вместе с тем, подобный «непсихологический» подход советской историографии привнес в разработку темы выводы о таких объективных причинах отказа Александра I от проведения либеральной

⁸ Кизеветтер А.А. Император Александр I и Аракчеев // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. Из истории политических идей. Школа и просвещение. Русский город в XVIII в. Из истории России в XIX столетии. М., 1912. С. 287–401.

⁹ Пресняков А.Е. Александр I. Пг.: Брокгауз и Ефрон, 1924. С. 5.

¹⁰ Окунь С.Б. Очерки истории СССР: конец XVIII – первая четверть XIX в. Л.: Учпедгиз. Ленингр. отд-ние, 1956. – 416 с.

политики, как революции в Италии и Испании, а также восстание Семеновского полка в 1820 г.

Историографические дискуссии последних трех десятилетий показывают, что личность и политические мотивы Александра I по-прежнему остаются в центре внимания исследователей. Не в последнюю очередь это, очевидно, связано с тем обстоятельством, что высказывания самого этого императора во многом не согласуются с фактами его правления (что отмечается и зарубежными авторами; здесь можно привести работу Дж.М. Хартли «Александр I»¹¹, где анализируется, в частности, противоречие между демонстрацией отвращения к исполнению своей власти со стороны Александра Павловича и его реальными политическими амбициями).

В целом, на постсоветском этапе развития историографии можно видеть наличие обоих – дореволюционного и советского – подходов к оценке политических мотивов Александра I. Н.А. Троицкий, в продолжение второго из подходов, полагал, что на поиск новых путей Александра I сподвигал ряд угрожающих ему как самодержцу тенденций, включая распространение европейских либеральных веяний¹². В.Г. Сироткин уточнял эту идею мнением, что политика Александра I в целом проистекала из потребности сблизить социально-политический уклад России и европейских стран для того чтобы Россия смогла войти в союз с последними¹³.

В то же время, некоторые современные историки, вслед за дореволюционными авторами, анализируют личные мотивы императора. По мнению А. Н. Сахарова, в основе отказа Александра I от реформ лежал целый комплекс причин, общественных потрясений и личных драм. В частности, как отмечает автор, «ни одно из крупных государственных начинаний Александра I нельзя рассматривать, с одной стороны, вне его стремления оправдать свое восшествие на престол делами на благо Отечества, «принести счастье людям»,

¹¹ Хартли Дж.М. Александр I. Ростов-на-Дону, 1998.

¹² Троицкий Н.А. Россия в XIX веке. Курс лекций. М., 1997. С. 10.

¹³ Сироткин В.Г. Наполеон и Александр I: Дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801–1812 гг. М., 2003. С. 44.

а с другой – не принимая во внимание постоянного чувства страха за свою жизнь¹⁴. Другие авторы развивают идею о стремлении императора к законности как главном мотиве его преобразований. Так, в работах¹⁵ С.В. Мироненко анализируются попытки самодержавия провести реформы путем создания конституционных учреждений, рассматривается развернувшаяся борьба вокруг уже подготовленных проектов реформ и их крах по причине того, что в реальности к преобразованиям склонялся очень узкий социальный слой. По мнению Н.Я. Эйдельмана также, отказ от преобразований произошел в силу (мнимой или подлинной) узости социальной базы для них и боязни Александра I войти в конфликт с основной массой дворянства¹⁶.

Если от общих мнений историографии о личности и правлении Александра I перейти непосредственно к точкам зрения по поводу его внешней политики, то и здесь можно обнаружить достаточно разные позиции историков. Так, относительно темы противостояния Александра с Наполеоном в советской историографии принята была точка зрения, согласно которой сам факт зарождения этого противостояния лежал на совести французского императора, а Россия была лишь жертвой агрессии. В постсоветский период подобная позиция была оспорена Н.А. Троицким, указывающим на то, что стремление России к европейской гегемонии подтверждает еще ее участие в коалиционных войнах 1799-1807 гг., поражение в которых вкупе с последующим позором Тильзитского мира должно было вызывать у Александра I желание реванша¹⁷.

Иную точку зрения демонстрирует английский исследователь Д. Ливен, в своей книге «Россия против Наполеона. Борьба за Европу» исходя из концепции об убежденности Александра I в том, что безопасность России и Европы взаимосвязаны, а также из представления о нем как о, прежде всего, дите эпохи Просвещения, в силу самого своего воспитания помышляющем об

¹⁴ Сахаров А.Н. Александр I. М., 1998. С. 114.

¹⁵ Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в первой четверти XIX в. М., 1989; Мироненко С.В. Александр I и декабристы: Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М., 2016.

¹⁶ Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 86–88.

¹⁷ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 30.

установлении мира и безопасности в Европе на длительный период. (Здесь можно вспомнить точку зрения В.К. Надлера, согласно которой политика Александра I в отношении Франции диктовалась его взглядом на это государство как на важный элемент системы европейского равновесия и его религиозно-нравственными убеждениями, требующими отвечать на зло добром¹⁸, а также мнение В.М. Безотосного, полагающего, что и Наполеон, и Александр пытались интегрировать Европу, но первый силовым путем, а второй – интеллектуально-нравственным¹⁹). Схожим образом мотивы Александра I в его противостоянии с Наполеоном расценивал и А.Н. Сахаров, выделяя здесь две основных тенденции: положение России как великой европейской державы (с вытекающей отсюда возможностью поделить Европу с Наполеоном), а заодно «крепнущие самодержавные амбиции» Александра; а с другой стороны – его же «либеральные комплексы», перенесенные со внутренней политики на внешнюю²⁰. Последнее замечание подводит нас к другому пласту историографии александровской внешней политики – осмыслению его идеи Священного союза и политики этого союза.

Еще Н.К. Шильдер критически полагал, что с образованием Священного союза на Европу «опускалась темная завеса реакции», а непосредственно Россия вступала на «апокалипсический путь»²¹; В.О. Ключевский метафорически определял Александра I во главе союза как «караульного часового чужих престолов против народов»²². В советское время эта точка зрения была охотно подхвачена, поскольку с позиций ленинско-марксистского подхода Священный союз с его антиреволюционной политикой инвариантно заслуживал самых жестких оценок. Если оставить в стороне массу работ, вскрывающих якобы корни заговора монархов против нарождающихся

¹⁸ Надлер В.К. Указ. соч. Т. 5. С. 617.

¹⁹ Безотосный В. Два императора: великий полководец и великий дипломат в судьбе Европы (Александр I и Наполеон) // Родина, 2002, № 8. С. 6–9.

²⁰ Сахаров А.Н. Указ. соч. С. 214.

²¹ Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. В 4 т. СПб., 1897–1898. Т. 3. С. 360.

²² Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. М., 1989. Т. 5. С. 427.

революционных сил, то можно выделить работу А.Н. Шебунина «Европейская контр-революция в первой половине XIX века»²³, в которой, во всяком случае, внимание уделено предполагаемым личным мотивам Александра I – по мысли этого автора, замысел Священного союза возник у российского императора на фоне собственной непопулярности на Родине (а именно, неверия в него общества в противостоянии с Наполеоном) и желания в этой связи обрести поддержку в Европе, а также постоянной занятостью войной отвести от себя угрозу дворянского недовольства в самой России. Нельзя сказать, чтобы подобные взгляды были изжиты и в постсоветское время. В частности, Н.А. Троицкий – обыгрывая известное выражение об австрийском канцлере Меттернихе как о «кучере Европы» – писал, что Александра I следует признать седоком, который «доверялся кучеру, пока тот ехал в нужную для седока сторону»²⁴ – поскольку это российский император созывал союзные конгрессы, предлагал вопросы к повестке дня и по большей части сам определял на них ответы.

Однако еще по мысли С.М. Соловьева Священный союз создавался российским императором, напротив, с целью упрочения либерального курса в международных отношениях – Александр I с самого начала своего правления стремился к равновесию всех политических сил в Европе²⁵, а когда равновесие омрачилось революциями, то Священный союз как общеевропейское правительство должен был бы устранять столкновения, мешающие конечной цели общего равновесия и порядка – но мысль его не поняли и трактовали в реакционном ключе²⁶. Для А.Н. Сахарова, вслед за В.К. Надлером²⁷, Священный союз также был продолжением базовой александровской идеи о возможности устройства европейского мира на основе справедливости, сотрудничества и уважения прав наций. Между тем, отрицать факт

²³ Шебунин А.Н. Европейская контр-революция в первой половине XIX века. Ленинград: Сеятель, 1925. - 232 с.

²⁴ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 60.

²⁵ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 635–636.

²⁶ Там же. С. 541.

²⁷ Надлер В.К. Указ. соч. Т. 5. С. 634.

консервативной политики Священного союза с началом 1820-х гг. невозможно, и это необходимо было объяснить если не посредством демонизации Александра I как реакционера, то как-либо еще.

В «Истории внешней политики России. Первая половина XIX века. От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.» в качестве объяснения подобной политики приводится мнение о том, что Александр I разочаровался в идее поддержания коллективной безопасности в Европе на фоне конфликта интересов между членами Священного союза, которые так или иначе были несовместимы с идеей общеевропейского равновесия²⁸. О.В. Орлик в этой связи напоминает вывод А.Е. Преснякова о заведомой невыполнимости замыслов Священного союза, пытавшегося одновременно сохранить абсолютизм, облекая его в формы законности, избежать реакции и при этом подавить либеральные проявления в обществе²⁹. О.Р. Айрапетов, при оценке внешней политики Александра I исходящий из парадигмы, что во главу угла император всегда ставил российские национальные интересы, в русле этой парадигмы рассматривает и вопросы создания Священного союза и его последующей политики. Так, по мнению исследователя, Александр I создавал Священный союз из мысли, что неравновесное положение европейских сил (с угнетением недавно проигравшей войну Франции) могло бы пробудить во французах реваншистские настроения, что было совершенно не нужно России³⁰. Кроме того, его, по мнению О.Р. Айрапетова, тяготил «миллион погубленных жизней», и император искал мира в Европе, чтобы дать отдых пострадавшим за годы борьбы с Наполеоном русским людям³¹. И в 1818 г. Александр I еще рассчитывал вернуться к либеральным реформам в России, для чего требовалось благополучие во внешней сфере, однако последовавшие вскоре

²⁸ История внешней политики России. Первая половина XIX века. От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г. М., 1999. С. 176–177.

²⁹ Орлик О.В. Россия в международных отношениях 1815–1829 гг. (От Венского конгресса до Адрианопольского мира). М., 2002. С. 51.

³⁰ Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 4 т. Т. 1. Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. М., 2017. С. 377–378.

³¹ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 385.

революции в Италии и Испании, восстание Семеновского полка в самой России и прочие проблемы подвели его к осознанию, что ослабление контроля подкосит едва созданную систему порядка и спокойствия в Европе³².

Однако на современном этапе вопрос о побудительных мотивах Александра к самому созданию Священного союза по-прежнему остается в поле рассмотрения исследователей, и на смену парадигме поиска политико-прагматических мотивов приходит внимание к христианской сути этой александровской идеи. В.С. Парсамов в статье «Александр I и проблема общеевропейского единства в 1814–1815 гг.»³³ выдвинул мысль о том, что идея договора как средства регулирования международных отношений к моменту рассматриваемых событий себя дискредитировала, поскольку у всех игроков на европейской политической арене преобладали частные (и при том меняющиеся) интересы, поэтому Александр I сделал ставку на христианское чувство европейцев. Как опыт применения евангельских понятий, мотивов и символики для преодоления кризиса международных отношений и основания нового миропорядка идею и политику Священного союза рассматривает³⁴ А.Ю. Андреев. Подобный подход, наряду с прочим, уточняет бытовавшее в историографии мнение, будто Александр I в своей внешней политике исходил из просвещенческой идеи баланса сил. Он демонстрирует, что именно понимание того, что система себя изжила и оказалась бесполезной для

³² Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 389.

³³ Парсамов В.С. Александр I и проблема общеевропейского единства в 1814–1815 гг. // Вестник истории, литературы и искусства. Т. 4. М., 2007. С. 312–323.

³⁴ Андреев А.Ю. «Политическая теология» императора Александра I: идеи, репрезентации, практика // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. Т. 106. М., 2022. С. 62–80. См. также: Андреев А.Ю. Начало «нового века»: рождественская символика в царствовании Александра I // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. Т. 44, № 1. М., 2012. С. 40–48; Андреев А.Ю. «Литургика» Священного союза: к вопросу о религиозных взглядах Александра I // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. Т. 12. М., 2016. С. 123–154; Андреев А.Ю. Император Александр I, митрополит Московский Филарет и идеи Священного союза // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. Т. 13. М., 2017. С. 104–121.

предотвращения общеевропейских войн, побудило Александра к поиску других оснований для внешней политики – не чисто материальных, а богословских.

Обратимся теперь к работам, рассматривающим вопросы имагологии самодержавия. Имагология первоначально сложилась как раздел сравнительного литературоведения, посвященный изучению образов и представлений различных наций в литературном дискурсе. Со временем она стала междисциплинарным подходом (назовем здесь некоторые работы филологов³⁵ и историков³⁶). Культурные различия в имагологии стали изучаться уже не с точки зрения своей сущности, а с точки зрения отношения к ним, восприятия их другими – а национальные культуры, скорее, не как образцы идентичности, а как образцы идентификации³⁷.

История развития имагологии и ее методологические принципы в наше время были прекрасно изложены в работе голландского историка Й. Леерссена “Imagology: History and Method”³⁸ [«Имагология: История и метод»]. Среди этих принципов хотелось бы подчеркнуть следующие: следует всегда помнить о субъективности источников; в качестве предмета исследования необходимо понимать не общество, а его репрезентацию; наряду с изучением образа как такового во внимание принимается характер и эмоциональная окраска контекста, в котором этот образ представлен; также имеет значение целевая

³⁵ Кишина Е.В. Комплексное исследование категории «свойственность – чуждость» в русском языке // Вестник Томского государственного университета, 2009, № 320. С. 11–14; Лаптева М.П. «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики: дисс. на соискание уч. степ. доктора филологических наук: 10.02.01. Астрахань, 2012; Матвеева А.А. Оценочная параметризация лингвокультурологической категории «свой-чужой» в английском языке. Уфа, 2012. С. 206–223.

³⁶ Шукуров Р.М. Чужое: опыты преодоления: Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999. 380 с.; Заиченко О.В. Проекция разочарований и надежд: «русский вопрос» в контексте немецкого внешнеполитического дискурса первой трети XIX века: эссе по исторической имагологии. М.: Весь Мир, 2018. – 364 с.

³⁷ Leerssen J. Imagology: History and Method // Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam, 2007. P. 27.

³⁸ См.: Leerssen J. Imagology: History and Method // Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam, 2007. P. 17–32.

аудитория, к которой образ был обращен (иными словами, важно не только то, как преподносится «другой», но и как понимаются «свои»).

Кроме того, в прошлом году появилась еще одна заметная работа, относящаяся к теме имагологии самодержавия в целом. Это книга Д. Ливена «В тени богов: император в мировой истории»³⁹. В ней автор описывает анатомию имперской монархии и принципы, по которым она функционировала; исследует способы, посредством которых императоры использовали религию, идеологию и символику для легитимации своей власти. Начиная свой обзор императорами древности и халифами и заканчивая Габсбургами и Романовыми, Ливен выделяет в образе каждого императора одни и те же четыре ключевых элемента: император всегда был человеком (чаще всего – мужчиной), лидером, наследственным монархом и управлял империей. Вместе с тем, необходимо признать, что анализ всех этих факторов, по большей части, сосредоточен во введении и послесловии, в то время как основной объем работы занимает изложение отдельных биографий.

Непосредственно прилежащие к нашей теме работы по имагологии можно разделить на две подгруппы. Это работы, посвященные исследованию образа российских императоров в глазах их русских подданных – и работы, освещающие эти же образы в видении иностранных (либо входящих в состав империи инородных) наблюдателей. Начнем с первой из подгрупп.

В 1995 г. в англоязычном оригинале (русский перевод – 2002 г.) вышел из печати первый том знаменитой дилогии Р.С. Уортмана «Сценарии власти: Мифы и церемонии российской монархии», охватывающий период от Петра Великого до смерти Николая I (второй том, от времени Александра II до отречения Николая II, увидел свет в 2000 г.; русский перевод появился в 2004 г.) Американский историк ставит проблему изучения саморепрезентации российских самодержцев в обществе (то есть, исследует не столько восприятие монаршего образа в глазах публики, сколько пути конструирования этого образа со стороны самих монархов; публика здесь – скорее, покорный

³⁹ Lieven D. In the Shadow of the Gods: The Emperor in World History. Viking, 2022.

наблюдатель, необходимый монарху в качестве антуража для саморепрезентации). Р.С. Уортман вводит принципиальное для имагологии власти понятие «сценария» (в данном случае, смысловой акцент лежит не в плоскости «режиссирования» политической жизни, но в плоскости театрализованной саморепрезентации монарха, подчеркнуто обращенного к публике действия). «Сценарий» Уортмана – это специфический набор средств, к которому монарх обращается ради преподнесения себя обществу в необходимом ему идеологически амплуа. Такими средствами могут служить манифест о восшествии на престол и коронация, официальные портреты, посвященные этому правителю торжественные оды, военные парады, приемы, его «случайные» или неслучайные встречи с народом и т.д. Несмотря на то, что обильная фактология в работе Уортмана, скорее, привлекается для иллюстрации импонирующих ему «сценариев», нежели служит базой для непредвзятых выводов (что сближает работу с историсофским эссе), игнорировать труд этого автора представляется невозможным в силу его проблемно-методологического значения.

В 2000 г. появляется книга И. Паульманна “Pomp und Politik. Monarchenbegegnungen in Europa zwischen Ancien Regime und Erstem Weltkrieg” («Помпа и политика. Встречи монархов в Европе между Старым порядком и Первой мировой войной»)⁴⁰. На материале официальных встреч европейских правителей XIX века (а также других их публичных саморепрезентаций, включая путешествия) ее автор демонстрирует связь международной политики и действий монархов в символическом поле. Тем самым проблематика, находящаяся в центре внимания Уортмана, смещается в сферу внешней политики.

Вместе с тем, приходится отметить, что несоизмеримо больший интерес в дальнейшей историографии по имагологии самодержавия обретает проблема восприятия монаршего образа со стороны публики – вопрос о том, какие

⁴⁰ Paulmann J. Pomp und Politik. Monarchenbegegnungen in Europa zwischen Ancien Regime und Erstem Weltkrieg. Paderborn, 2000.

репрезентации этого образа складывались в созерцающем его обществе, среди подданных – которые, вопреки подходу Уортмана, могли со своей стороны также выражать свое видение облика того или иного императора параллельно саморепрезентациям правителей.

В 2005 г. появляется статья Е.П. Бариновой «Образ Николая II в сознании русского общества»⁴¹, фокус внимания в которой сосредоточен именно на восприятии фигуры государя со стороны образованных слоев общества. Психологическая сторона отношения дворянства к императору при этом рассматривается в качестве главного индикатора стабильности общества. Возможно, для подобного рассмотрения личность последнего русского императора была неслучайно избрана в первую очередь: исполненность жизни страны драматическими переломами в его правление позволяет проследить яркую динамику мнений о принимающем судьбоносные решения правителе.

В последующие годы в рамках развития данной проблемы в историографии заметно появление интереса к изучению образов государей более раннего периода. В 2006 г. появляется работа Г.В. Ибнеевой «Образ Екатерины II в ранних сочинениях И. Г. Гердера»⁴². Будущий великий философ и теолог интересуется автором как представителем образованной части остзейского общества (в частности – духовенства), чьи ранние сочинения используются для реконструкции восприятия образа Екатерины II в соответствующих кругах. В статье Е.И. Конановой «Мифологический образ Петра I в сочинениях Ф. Прокоповича и В.Н. Татищева»⁴³ прослеживается процесс заложения основ апологетической мифологизации Петра I стараниями современной ему интеллектуальной элиты – начало творения «петровского мифа» в нашей стране и формирования определенного монархического идеала, на который

⁴¹ Баринова Е.П. Образ Николая II в сознании русского общества // Третьи Ознобишинские чтения: Сб. материалов. Инза; Самара, 2005. С. 13–16.

⁴² Ибнеева Г.В. Образ Екатерины II в ранних сочинениях И. Г. Гердера // Россия и Балтия. М.: Наука, 2006. С. 7–15.

⁴³ Конанова Е.И. Мифологический образ Петра I в сочинениях Ф. Прокоповича и В. Н. Татищева // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Научно-образовательный и прикладной журнал, 2007, № 4 (140). С. 67–71.

должна будет равняться имагология последующих правителей из Дома Романовых. Почти тогда же на близкую тему защищается диссертация Н.А. Бугаевой «Петр I в русском общественном сознании конца XVII – первой четверти XVIII века: формирование нового образа государя в России»⁴⁴. И это исследование уже рассматривает не репрезентацию образа монарха со стороны одного из полюсов власть-общество, но впервые ясно очерчивает столкновение официальной презентации царского образа со стороны «верхов» с его общественным восприятием.

Статья О.Н. Мухина «Петр I – царь–харизматик: изменение сакрального образа правителя в России раннего Нового времени»⁴⁵ также рассматривает дуализм встречных репрезентаций монаршего образа со стороны самого монарха и его апологетов и со стороны подданных, однако акцентирует внимание не на противоречиях этих линий, а на неизбежности и необходимости их сосуществования. Это исследование заключает в себе идею, что всякая власть мифологизируется в глазах подданных, поскольку ее представители для упрочения своих позиций склонны распространять о себе мифологизированные образы, а массовое сознание подданных же является той питательной средой, где эти мифы поддерживаются.

Статья А.Ю. Полунова «Земский собор, образ "Белого царя" и политика России по отношению к отдаленным народам в конце XIX – начале XX в.»⁴⁶, посвященная образу последнего русского императора, также исследует воздействие сконструированного консервативной частью элиты царского

⁴⁴ Бугаева Н.А. Петр I в русском общественном сознании конца XVII – первой четверти XVIII века: формирование нового образа государя в России: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (07.00.02). Омск: Изд-во Омского государственного педагогического университета (ОмГПУ), 2008. – 25, (1) с.

⁴⁵ Мухин О.Н. Петр I – царь-харизматик: изменение сакрального образа правителя в России раннего Нового времени // Политическая культура в истории Германии и России: сб. научных статей. Сер. «Германские исследования в Сибири» / Отв. ред. Л.Н. Корнева, С.А. Васютин. Кемерово, 2009. С. 373–385.

⁴⁶ Полунов А.Ю. Земский собор, образ «Белого царя» и политика России по отношению к отдаленным народам в конце XIX – начале XX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви, 2021, № 99 (март-апрель). С. 63–77.

образа на публику. Николай II в ней рассматривается с позиций поддерживаемого его правительством образа «отца» над «детьми»-народами – защитника униженных и гонимых этнических групп в различных регионах, от Дальнего Востока до христианских общин в арабском мире. И это можно расценивать как анализ еще одного «сценария» в уортмановском понимании – когда обращение ряда этнических групп к правителю России – «Белому царю» – отвечало представлениям об особой миссии самой «империи царей».

Другой аспект той же проблемы – образ самодержавного монарха в представлении не исключительно лояльной к нему властной верхушки, но образованной части общества в целом. Так, А.В. Борисова в статье «Образ императора Александра I в трудах современников и исследователей XIX в.»⁴⁷ рассматривает свидетельства представителей ближнего круга императора, светской публики, творческой и интеллектуальной элиты, приводя крайне яркие и интересные суждения об Александре Павловиче. Вместе с тем, приходится отметить, что общие выводы автора не вполне отвечают заявленному в названии статьи имагологическому дискурсу – завершение статьи содержит не столько характеристику образа императора в глазах общества, сколько авторскую оценку его личности на основании приведенных суждений. В свою очередь, П.А. Ремнев в работе «Трансформация образа Александра I в восприятии декабристов»⁴⁸ блестяще выделяет несколько этапов царствования Александра I с позиций участников декабристских обществ – людей, в разные годы александровского правления заведомо по-разному оценивающих его личность на фоне политического развития страны.

Еще один шаг в разработке проблемы – введение в научный оборот новых типов и видов источников для ее решения. Так, рассматривающая мнения о Николае II начала века статья А.М. Мойсинович «Образ Николая II в

⁴⁷ Борисова А.В. Образ императора Александра I в трудах современников и исследователей XIX в. // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2010, № 1 (11). С. 3–7.

⁴⁸ Ремнев П.А. Трансформация образа Александра I в восприятии декабристов // Вестник Омского университета, 2010, № 2 (56). С. 179–187.

политической карикатуре периода первой русской революции»⁴⁹ демонстрирует пример использования визуальных источников для анализа самодержавного образа в глазах образованного общества, а исследование Ю.С. Пальцына «Образ императора Николая II по материалам газет Пермской губернии 1917 года исследует перемены в образе императора Николая II на фоне смены трех политических режимов»⁵⁰ с опорой на газетный материал.

В качестве еще одной исследовательской проблемы можно выделить вопрос об образе самодержавного монарха в глазах современного ему крестьянства – самой удаленной от властных верхов прослойки подданных со своим специфическим мироощущением и кругозором. Этой проблеме посвящена, в частности, диссертация Г.В. Лобачевой «Самодержец и Россия: образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX – начало XX в.)»⁵¹. Исходя из тезиса о том, что общество, негативное отношение к власти в котором становится доминирующим, приходит в движение, автор рассматривает процесс распада традиционной государственности параллельно тому, как на рубеже XIX-XX веков меняются политические ориентиры и отношение простых русских людей к монархии. Ту же тематику чуть позднее развивают работы О.А. Суховой «Образ "царя" в массовом сознании российского крестьянства в начале XX в.: по материалам Пензенской губернии»⁵² и А.В. Новикова «Монархические настроения и образ Николая II в повседневной культуре рабочих, крестьян и

⁴⁹ Мойсинович А.М. Образ Николая II в политической карикатуре периода первой русской революции // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2015, № 3 (33), апрель–июнь. С. 16–22.

⁵⁰ Пальцын Ю.С. Образ императора Николая II по материалам газет Пермской губернии 1917 года // Церковь. Богословие. История: материалы VI Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 10–12 февраля 2018 г.). Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2018. С. 68–74.

⁵¹ Лобачева Г.В. Самодержец и Россия: образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX - начало XX в.) Саратов: СГТУ, 1999.

⁵² Сухова О.А. Образ «царя» в массовом сознании российского крестьянства в начале XX в.: По материалам Пензенской губернии // Крестьянство и власть Среднего Поволжья: Материалы VII межрегион. науч.-практ. конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Саранск, 2004. С. 194–200.

городских обывателей в период первой российской революции»⁵³, которые иллюстрируют такую грань заявленной проблемы, как процесс десакрализации образа царя в народном восприятии уже накануне революции. Вместе с тем, статьи И.Н. Кузнецова «Образ царя в сознании крестьянства Вологодской губернии во второй половине XIX – нач. XX в.»⁵⁴ и В.В. Кулачкова «Специфика отражения образа императора в правовом сознании крестьян Орловской губернии периода Первой мировой войны»⁵⁵ ставят вопрос о массовости десакрализации царского образа в глазах крестьян под сомнение.

В 2002 г. выходит работа А.В. Буганова «Отношение к русским царям в народном сознании XIX – начала XX веков»⁵⁶, формулирующая проблему восприятия российских монархов со стороны уже не только современников, но и потомков в крестьянской среде. Вышедшая в 2009 г. статья О.В. Матвеева «Государь реальный и ожидаемый: образ Александра II в исторических представлениях кубанских казаков»⁵⁷ в рамках того же дискурса сосредотачивает внимание непосредственно на фигуре Александра II, причем в качестве прослойки, чьи имагологические представления о государе анализируются, избирая такой особый самобытный слой бывших крестьян, как казачество. В том же году выходит еще одна посвященная тому же императору работа – «Анекдоты об Александре II как отражение образа императора в

⁵³ Новиков А.В. Монархические настроения и образ Николая II в повседневной культуре рабочих, крестьян и городских обывателей в период первой российской революции // Романовские чтения. Династия Романовых и российская культура: материалы конф., Кострома, 25–26 марта 2010 г. / сост. и науч. ред. А.Д. Шипилов. Кострома: Изд-во Костромского государственного университета (КГУ), 2010. С. 97–105.

⁵⁴ Кузнецов И.Н. Образ царя в сознании крестьянства Вологодской губернии во второй половине XIX – нач. XX в. // Вестник архивиста, 2013, № 3. С. 215–226.

⁵⁵ Кулачков В.В. Специфика отражения образа императора в правовом сознании крестьян Орловской губернии периода Первой мировой войны // История государства и права. Научно–правовое издание. 2016, № 9. С. 56–59.

⁵⁶ Буганов А.В. Отношение к русским царям в народном сознании XIX – начала XX веков // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2002. С. 253–260.

⁵⁷ Матвеев О.В. Государь реальный и ожидаемый: образ Александра II в исторических представлениях кубанских казаков // Вестник Российского университета Дружбы Народов. Серия: История России. 2009, № 1. С. 5–12.

социальной памяти потомков»⁵⁸ Н.А. Чикановой, где нацеленно прослеживаются две линии: представляющая Александра II в памяти людей как государственного деятеля и представляющая его как частное лицо. Статья Ю.М. Шеваренковой «“Про царя мне папка рассказывал, он царя видел”: (Образ Николая II в устной народной летописи Серафимо-Дивеевского монастыря)»⁵⁹ расширяет источниковое поле для анализа народной интерпретации императорского образа за счет включения в исследовательское поле связанной с именем монарха топонимики, закрепляющей народные представления о былом царе.

Тематика исторической памяти о российских императорах включает в себя и такую проблему, как мнение о них в среде интеллектуальной элиты потомков – заведомо более нестатичной в своих оценках в сравнении с народной толщей. Так, перипетии неоднократных переоценок сложного и противоречивого образа Петра I нашли освещение в статьях И.В. Кузнецовой «Образ Петра I в оценке петербургских западников (40–50-е годы XIX в.)»⁶⁰, О.Б. Леонтьевой «"Страшен царь Петр": образ Петра Великого в культуре пореформенной России (1860–1880-е гг.)»⁶¹ и «“Трудно быть императором”: император Павел I

⁵⁸ Чиканова Н.А. Анекдоты об Александре II как отражение образа императора в социальной памяти потомков // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых. Вып. 13. Омск: Изд-во Омского государственного педагогического университета (ОмГПУ), 2009. С. 4–11.

⁵⁹ Шеваренкова Ю.М. «Про царя мне папка рассказывал, он царя видел»: (Образ Николая II в устной народной летописи Серафимо-Дивеевского монастыря) // Традиционная культура: научный альманах, 2011, № 3 (43). С. 107–120.

⁶⁰ Кузнецова И.В. Образ Петра I в оценке петербургских западников (40–50-е годы XIX в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. Научно-теоретический журнал: Вып. 1. СПб., 2007. С. 27–30.

⁶¹ Леонтьева О.Б. «Страшен царь Петр»: образ Петра Великого в культуре пореформенной России (1860 - 1880 - е гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2008, т. 10, № 1. С. 36–47.

в исторической памяти рубежа XIX–XX вв.»⁶², Т.Ю. Айдуновой «Образ Петра I в консервативной публицистике»⁶³.

В другой работе Т.Ю. Айдуновой, «Трансформация образа Петра I в исторических представлениях российских монархов XVIII–XIX вв.»⁶⁴, рассматривается еще более узкий аспект той же проблемы: формирование образа монарха-предшественника в глазах публики трудами властной верхушки – поскольку с именем Петра I для его преемников были связаны идеи самодержавия и славы России. Тому же аспекту посвящено исследование Г.А. Устименко «Образ императора Александра II в публикациях журнала “Исторический вестник” (1881–1894 годы)»⁶⁵, где показано, что создаваемый в журнальных публикациях времен Александра III образ его отца отвечал государственной концепции, опиравшейся на триаду теории «официальной народности», а материалы «Исторического вестника» были призваны укрепить позитивный образ монарха в глазах общества и реанимировать уважение к власти.

Говоря о представлениях о русских правителях со стороны внешней, иностранной публики, необходимо иметь в виду ее представления о России и русских вообще – о том «фоне», на котором предстают для них российские правители. Выделим здесь несколько примечательных работ.

Вышедшая в 1999 г. книга американского историка М. Малиа “Russia under Western eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Masoleum”⁶⁶ [«Россия глазами Запада: От Медного всадника до мавзолея Ленина»] рассматривает

⁶² Леонтьева О.Б. «Трудно быть императором»: император Павел I в исторической памяти рубежа XIX–XX вв // Вестник СамГУ. 2012. № 8/1 (99). С. 66–70.

⁶³ Айдунова Т.Ю. Образ Петра I в консервативной публицистике // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. научно-образовательный и прикладной журнал, 2019, № 1 (201). С. 9–18.

⁶⁴ Айдунова Т.Ю. Трансформация образа Петра I в исторических представлениях российских монархов XVIII–XIX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. научно-теоретический журнал: Вып. 3. Ставрополь, 2018. С. 17–22.

⁶⁵ Устименко Г.А. Образ императора Александра II в публикациях журнала «Исторический вестник» (1881–1894 годы) // Шестые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения [Текст]: материалы: в 3 т. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. Т. 3. С. 35–38.

⁶⁶ Malia M. Russia under Western eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Masoleum. Cambridge (Mass.), 1999. – 514 pp.

трехсотлетнюю динамику развития западноевропейских представлений о России как антитезе западной цивилизации, ставя принципиальный вопрос о том, была ли дихотомия Россия-Запад predetermined исторически или же сложилась в результате стечения обстоятельств. Обобщенный обзор⁶⁷ того, как развивались на Западе представления о России от эпохи ее первых царей до начала Новейшего времени, имеется также в работе М. Беллера и Й. Леерссена “Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey” [«Имагология. Культурное конструирование и литературная репрезентация национальных характеров. Критическое исследование»].

Сужает проблемное поле до рассмотрения стереотипов о России с позиций отдельной европейской нации английский историк Э. Кросс – в статье «Британский взгляд на Россию: происхождение, живучесть и изменение национальных стереотипов мышления в период с XVI в. до Крымской войны»⁶⁸. Еще одна работа, посвященная британскому восприятию России – монография О. Соболевой и А. Ренна “From Orientalism to Cultural Capital: The Myth of Russia in British Literature of the 1920s”⁶⁹ [«От ориентализма к культурному капиталу: миф о России в британской литературе 1920-х гг.»] посвящена неожиданной вспышке русофильства в британской литературной среде периода модернизма. Предметом исследования в ней служит то, как литературное осмысление «русского мифа» формировало и усиливало британское восприятие модернизма как транскультурного художественного движения; вместе с тем, подобное исследование оказалось для авторов невозможно без рассмотрения самого этого «русского мифа» в его динамике.

⁶⁷ Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam, 2007. P. 227.

⁶⁸ Кросс Э. Британский взгляд на Россию: происхождение, живучесть и изменение национальных стереотипов мышления в период с XVI в. до Крымской войны // От Елизаветы I до Елизаветы II: проблемы британской истории в Новое и Новейшее время: сб. статей. Ярославль, 2008. С. 21–32.

⁶⁹ Soboleva O., Wrenn A. From Orientalism to Cultural Capital: The Myth of Russia in British Literature of the 1920s. Oxford, 2017.

Вопросам формирования стереотипов о России в другом обществе, американском, посвящена книга В.И. Журавлевой «Понимание России в США: образы и мифы. 1881-1914 гг.»⁷⁰ Исследование демонстрирует, что демонизация (а равно романтизация) российских образов стала на рубеже XIX-XX вв. служить задаче возрождения американского национализма. Источниковой базой исследования В.И. Журавлевой служит широкий круг документов, от частной переписки и мемуаров до путеводителей и, что особенно интересно для нас, материалов прессы. Дальнейшее сужение проблемы можно видеть в монографии О.Г. Орловой «Стереотипы о России и русских»⁷¹, где внимание исследовательницы сосредоточено не только на стереотипах одной нации (американцев), но и на одном виде источника в качестве объекта исследования – публицистике (как современной, так и XIX-XX вв.) с вербально зафиксированными в ней национальными стереотипами.

Из числа работ, изучающих стереотипы о России со стороны азиатской публики, заметны посвященные китайскому взгляду. Прежде всего в этом ряду следует назвать фундаментальную монографию С.Л. Тихвинского «Восприятие в Китае образа России»⁷², в которой впервые был показан процесс эволюции образа России в Китае на четырехсотлетнем протяжении российско-китайских отношений. В качестве примера недавних исследований того же рода можно назвать статью «Образ Советского союза в китайских учебниках 1950-х годов»⁷³ (авторы Н.А. Самойлов и Ли Суйань), дающую представление о средствах, которыми в умах китайцев формировался позитивный облик СССР как «старшего брата» КНР, а также статью Н.А. Самойлова «Эволюция образа

⁷⁰ Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914 гг. М., 2012.

⁷¹ Орлова О.Г. Стереотипы о России и русских. Кемерово, 2011.

⁷² Тихвинский С.Л. Восприятие в Китае образа России. М., 2008.

⁷³ Самойлов Н.А., Ли Суйань. Образ Советского союза в китайских учебниках 1950-х годов // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2012. Вып. 4. С. 14–21.

России в Китае в начале XX века: ключевые факторы и методология изучения»⁷⁴.

Особым вариантом исследования стереотипов – в том числе, и национальных – служит анализ символического поля такого специфического источника, как открытки. А.С. Медяков в своей работе «Первая Мировая как "война культур" в немецких, французских и русских открытках 1914-1918 гг.»⁷⁵ исследует запечатленные в открытках карикатурные образы враждующих сторон – образы, непосредственно эксплуатирующие стереотипы о соответствующих нациях. Эта тема получает затем развитие в его монографии «Война формата 9×14. Открытки в немецкой "культуре войны" 1914-1918 гг.»⁷⁶. Открытка в данном случае выступает не просто одним из видов изобразительных источников, но культурным феноменом со своими традициями, атрибутикой и семантическим полем, что позволяет говорить о расшифровке запечатленных на ней национальных образов как об отдельной исследовательской проблеме.

Если говорить о работах, посвященным исследованию непосредственно образа российского монарха в глазах не-русской публики, следует начать с того, что в 2000 г. на английском языке выходит книга всё того же Э.Г. Кросса “Peter the Great through British Eyes”⁷⁷ [«Английский Петр. Петр Великий глазами британцев XVII—XX веков»] (русский перевод – 2013 г.). Таким образом, впервые поднимается вопрос о восприятии отдельной – и чуждой – нацией образа российского монарха. Следом за этой книгой в России (и не только в ней) появляется череда работ об образах российских монархов глазами того или иного национального сообщества.

⁷⁴ Самойлов Н.А. Эволюция образа России в Китае в начале XX века: ключевые факторы и методология изучения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2019. Т. 11. Вып. 1. С. 28–39.

⁷⁵ Медяков А.С. Первая Мировая как «война культур» в немецких, французских и русских открытках 1914–1918 гг. // Франция – Россия, 1914–1918 гг.: от альянса к сотрудничеству (Материалы франко-российского коллоквиума). М., 2015. С. 219–234.

⁷⁶ Медяков А.С. Война формата 9×14. Открытки в немецкой «культуре войны» 1914–1918 гг. М., 2021.

⁷⁷ Cross A.G. Peter the Great through British Eyes. Cambridge University Press, 2000.

Британскую линию продолжает исследование В.С. Еремина «Образ российских императоров на страницах шотландского ежеквартального книжного обозрения "The Edinburgh Review" в первой четверти XIX в.»⁷⁸ и также крайне любопытная в свете темы настоящей диссертации статья О.И. Галкиной «"Царь-миротворец" и "отец народа": образ Николая II на страницах британской прессы в конце XIX – начале XX вв.»⁷⁹, вслед за Ереминым развивающая исследование европейской прессы как источника по имагологии самодержавия.

Обобщенная работа по восприятию отдельного русского монарха европейской публикой в комплексе выходит в 2017 г. – это работа О.А. Кирьяш «Образ Петра I в сознании европейского сообщества XVIII века: между варварством и варварством»⁸⁰. Рассматривая, в отличие от Э.Г. Кросса, лишь период пребывания царя за границей (но, в отличие от него же, не ограничиваясь лишь одной страной), автор статьи, в целом, приходит к тем же выводам, что и его британский предшественник: признавая очевидную нетипичность Петра I как русского государя, европейские наблюдатели, тем не менее, не могли абстрагироваться от понимания его как уроженца варварской земли.

Из числа работ, анализирующих образы российских самодержцев в глазах не западноевропейской публики, можно назвать статью Р. Бутучел «"Он освободил не только крестьян...": Румынский образ Царя-Освободителя»⁸¹,

⁷⁸ Еремин В.С. Образ российских императоров на страницах шотландского ежеквартального книжного обозрения "The Edinburgh Review" в первой четверти XIX в. // Гуманитарные и юридические исследования, 2018. С. 43–51.

⁷⁹ Галкина О.И. «Царь-миротворец» и «отец народа»: образ Николая II на страницах британской прессы в конце XIX – начале XX вв. // «Свои» и «другие»: взаимодействие и восприятие культур Запада и России: к юбилею Виктора Леонидовича Малькова. СПб., 2020. С. 275–296.

⁸⁰ Кирьяш О.А. Образ Петра I в сознании европейского сообщества XVIII века: между варварством и варварством // ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО: человек варварского мира и варварский мир человека (Часть 1) / Ред. В.П. Буданова. М.: Аквилон, 2017. Вып. VI. С. 173–183.

⁸¹ Бутучел Р. «Он освободил не только крестьян...»: Румынский образ Царя-Освободителя // Родина: исторический научно-популярный журнал. 2014, № 4. Специальный выпуск: «Александр II. Реформы». С. 44.

посвященную образу Александра II, а также работу уже упоминавшегося Н.А. Самойлова «Образ Петра Великого и идеология реформаторского движения в Китае в конце XIX века»⁸², из которой следует, что яркие примеры деятельности первого русского императора оказались привлекательны для обоснования необходимости реформ в империи Цин.

Еще одна исследовательская проблема – образы российских правителей в глазах народов бывших национальных окраин империи, исторически связанных с Россией теснее иных зарубежных наблюдателей и нередко обладающих определенным антироссийским национализмом именно на почве осознания своего некогда подчиненного положения по отношению к российской власти. Так, автор статьи «Интимность империи: образы императоров дома Романовых в белорусской исторической памяти»⁸³ М.С. Фабрикант проводит анализ текстов, из которых был конструирован белорусский националистический нарратив; в 2021 г. появляется работа Н.А. Черкасской, рассматривающая трансформацию образа российского императора в рамках одного из самых острых для Российской империи национальных вопросов – польского («Образ Николая I в источниках личного происхождения: русско-польский дискурс»⁸⁴). Тематически близко к этим работам подступает исследование Ф.А. Полчаевой и Д.А. Касымова «Образ Петра I в исторической памяти населения Дагестана»⁸⁵, поскольку отношение дагестанских народов к Петру Великому трудно назвать однозначным в силу специфики вхождения этого региона в состав империи.

⁸² Самойлов Н.А. Образ Петра Великого и идеология реформаторского движения в Китае в конце XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 4. С. 107–114.

⁸³ Фабрикант М.С. Интимность империи: образы императоров дома Романовых в белорусской исторической памяти // 400-летие Дома Романовых: политика памяти и монархическая идея, 1613–2013. СПб., 2016. С. 213–231.

⁸⁴ Черкасская Н.А. Образ Николая I в источниках личного происхождения: русско-польский дискурс // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2021, т. 6, № 2. С. 24–29.

⁸⁵ Полчаева Ф.А., Касымов Д.А. Образ Петра I в исторической памяти населения Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16. № 4. С. 888–899.

Наконец, необходимо остановиться и на литературе, посвященной исследованию английской и немецкой прессы интересующего нас периода. Необходимо отметить, что несмотря на то что уже после 1695 г. в Англии исчез институт предварительной цензуры и пресса стала инструментом предъявления политических решений широкой публике, сама пресса оставалась при этом вне пределов публичной сферы в течение еще по меньшей мере полутора веков⁸⁶. Только в 1850 г. из печати вышел труд, предлагавшийся его автором «...в качестве вклада в историю предмета, который до сих пор по существу не исследовался»⁸⁷. То было двухтомное сочинение английского журналиста и писателя Ф.Н. Ханта «Четвертая власть: вклад в историю газет и свободы печати». Это исследование (заметим, пусть и посвященное преимущественно английской журналистике, но содержащее сведения и по некоторым иностранным – в частности, венецианской и журналистике Папского государства) рассматривает роль прессы в обществе и утверждает ее функции «четвертой власти». Первый том его охватывает исторический материал от появления первых газет до наступления XIX в.; второй – от начала XIX в. до его середины (т.е., до современных автору дней) и вмещает информацию по основным газетам и издателям каждого периода. Труд Ханта еще структурирован, скорее, хронологически, нежели тематически, однако его достоинством является рассмотрение фактов истории журналистики с тесной связи с историческими событиями и развитием общественной мысли (в связи с чем в нем подробно описаны законодательные препятствия для журналистики или, например, экономическая сторона жизни издательств).

Следующей крупной работой по истории общеевропейской журналистики станет, пожалуй, уже только изданная на рубеже XIX–XX вв. работа немецкого историка печати Людвиг Саламона «Всеобщая история прессы» (в числе

⁸⁶ Виниченко В.М. О некоторых особенностях английской прессы XIX века // Журналистика XXI века: исторический опыт и современное развитие Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. А.А. Магомедова. Владикавказ, 2019. Вып. XIX. С. 213.

⁸⁷ Hunt F.K. The Fourth Estate: Contributions Towards a History of Newspapers, and of the Liberty of the Press. 1850. Vol. 1–2. Vol. 1. P. V.

прочего содержащая сведения по истории германской, русской, японской, китайской, американской и даже австралийской печати). Можно заметить, что и современные труды по истории мировой журналистики по своей логике изложения во многом следуют этому образцу. Такова, например, фундаментальная «Зарубежная журналистика XIX века» В.П. Трыкова⁸⁸, знакомящая читателя с системой периодических изданий Англии, Франции, Германии и США, важнейшими законодательными актами по вопросам печати в этих государствах и наиболее значительными фигурами западной журналистики XIX в.

Если же вернуться непосредственно к работам по истории британской журналистики, то после заложившего первый камень труда Ханта упоминания заслуживает двухтомное сочинение «История британской журналистики», принадлежащее перу А. Эндрюса и увидевшее свет в 1859 г.; в качестве следующей важной работы стоит назвать двухтомный же труд Дж. Гранта «История газетной прессы: ее происхождение, развитие и современное состояние» 1871 г. В 1887 г. также в двух томах выходит исследование Г.Р. Борна «Английские газеты: главы к истории журналистики». Оно представляет собой еще одну попытку представить историю развития английской журналистики в контексте развития политического и литературного процесса. Автор замечает, что книги Ханта и Эндрюса были ему полезны, однако не во всех деталях точны, что и побудило его создать собственный труд⁸⁹. В предисловии к этой же его работе содержится беглый очерк посвященных британской журналистике менее заметных работ третьей четверти XIX в.

В XX в. дальнейшее изучение темы закономерно пошло по пути сужения предмета исследования и последующего уточнения деталей. В 1931 г. появляется, например, аннотированный каталог английской печати (в т.ч.,

⁸⁸ Трыков В.П. Зарубежная журналистика XIX века. М., 2004.

⁸⁹ Bourne H.R. English Newspapers: Chapters in the History of Journalism. Vol. 1–2. Vol. 1. London, 1887. P. VII.

газетной)⁹⁰. В 1949 г. – исследование британского историка А. Аспинэла «Политика и пресса, 1780–1850»⁹¹, расширяющее предметное поле за счет шотландских и особенно ирландских газет (однако в большей мере посвященное не столько газетному контенту, сколько его политическому фону: тому, как пресса становилась рупором общественного мнения, как в провинциальных газетах публиковались оппозиционные заметки, как редакторы сумели отстоять право публиковаться без надзора и без субсидий со стороны государства). Наконец, появляются работы, исследующие историю появления и издания отдельных газет⁹². Уже в конце XX – начале XXI вв. появляются энциклопедические словари, посвященные непосредственно британской и ирландской журналистике⁹³.

Посвященные британской прессе труды на русском языке представлены как учебными пособиями⁹⁴, так и исследовательскими работами⁹⁵, однако многочисленными их назвать нельзя. В диссертации И.В. Трубицыной

⁹⁰ A Catalogue of Books, Newspapers, &c. / Printed by John Bell, of the British Library, the Morning Post, Bell's Weekly Messenger, &c. [...] Exhibited at the First Edition Club, London, 15 April–May 5, 1931. London, 1931.

⁹¹ Aspinall A. Politics and the Press, 1780–1850. Home & Van Thal, New York, 1949.

⁹² См., напр.: Wiles R.M. Freshest advices: early provincial newspapers in England. Columbus (Oh.) State University Press, 1965; Reid J.C. Bucks and Bruisers: Pierce Egan and Regency England. London. 1971; Altick R.D. The English Common Reader, 2nd ed. 1998; Cannon J. "Political Register" // The Oxford Companion to British History. Oxford University Press. 2002.

⁹³ The Encyclopedia of the British Press, 1422–1992 /Ed. by Dennis Griffith. N.-Y., 1992; Brake L., Demoor M. Dictionary of Nineteenth-Century Journalism in Great Britain and Ireland. Gent, 2009.

⁹⁴ См., напр.: Соколов В.С., Виноградова С.М. Периодическая печать Великобритании. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2000. – 112 с.; Тендит К.Н. История журналистики. Т. 33. Ч. 1: учеб. пособие / К.Н. Тендит, Н.В. Шелковникова. Комсомольск-на-Амуре, 2012.

⁹⁵ См., напр.: Трубицына И.В. Зарождение и развитие английской журналистики. Английские периодические издания XVII в. и памфлет английской буржуазной революции: диссертация на соискание уч. степ. кандидата исторических наук: 07.00.10. – М., 1981; Беглов С.И. Четвертая власть: британская модель. М., 2002; Бессчастная Е.В. У истоков периодической печати: английская пресса XVII века и ее общественная роль // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза: Сборник научных трудов. Вып. II. М., 2011. С. 282–287; Виниченко В.М. О некоторых особенностях английской прессы XIX века // Журналистика XXI века: исторический опыт и современное развитие Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. А.А. Магомедова. Владикавказ, 2019. Вып. XIX. С. 213–219; Свиридова А.С. Английская периодическая печать на пути к статусу «Четвертой власти» в XVII-XIX вв. // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Вып. VI. Брянск, 2020. С. 101–107.

«Зарождение и развитие английской журналистики. Английские периодические издания XVII в. и памфлет английской буржуазной революции» с позиций марксистской методологии прослеживаются истоки английской журналистики как буржуазного, с точки зрения автора, по своему смыслу явления. Обзорно-историческими являются статьи Е.В. Бессчастной «У истоков периодической печати: английская пресса XVII века и ее общественная роль» и А.С. Свиридовой «Английская периодическая печать на пути к статусу «Четвертой власти» в XVII-XIX вв.», в которых почти уникально в русскоязычной историографии агрегируется фактологический материал по истории английской прессы. В книге С.И. Беглова «Четвертая власть: британская модель» внимание автора сосредоточено на том, как, завладев позициями «гласа народа» и активно вмешиваясь в обсуждение вопросов внутренней и внешней политики, владельцы крупных британских СМИ оказались претендентами на роль четвертой (после законодательной, исполнительной и судебной) власти. Наконец, работа В.М. Виниченко «О некоторых особенностях английской прессы XIX века» анализирует влияние принципа анонимности газетных статей на трудное начало исследования британской журналистики.

Что же касается исследований немецкой прессы, то в числе первых работ (если оставить за скобками упоминавшиеся исследования европейской журналистики в целом, где затрагивались и германские издания) следует назвать «“Die Allgemeine Zeitung” 1798–1898. Вклад в историю немецкой прессы» Э. Хейка (1898)⁹⁶. История названной газеты в труде преподносится сквозь призму писем причастных к ней людей и иные архивные материалы.

В отличие от английской, историография немецкой прессы, таким образом, с самого начала концентрирует внимание не столько на связи СМИ с политическими структурами или на анализе СМИ как инструмента продвижения идеологии, сколько на территориальном аспекте их размещения (с вытекающими из него особенностями содержания) и на принадлежности их к

⁹⁶ Heyck E. Die Allgemeine Zeitung 1798–1898. Beiträge zur geschichte der deutschen presse. München, 1898.

тому или иному издательскому дому с его традициями. Эта историография начинается с тематически более частных работ и лишь впоследствии, уже во второй половине XX в., приходит к более общим. До того же появляется плеяда исследований, прилежащих к отдельным газетам, и прежде всего – к знаменитой своим либерализмом “Rheinischer Merkur” Й. Гёрреса⁹⁷ (последние показывают, при каких обстоятельствах Гёрресу – единственному в Пруссии – удалось выпускать газету вне цензурных рамок, и наряду с прочим дают представление о цензурном контексте эпохи). В качестве работ, в центр внимания которых помещена история издания той или иной газеты, можно привести и другие⁹⁸.

Однако центральным изданием в историографии немецкой журналистики необходимо признать многотомную «Историю немецкой прессы», авторами которой стали О. Грот, М. Линдемманн, Э. Довифат и К. Кошик⁹⁹. Как несложно заметить, применительно к теме настоящей диссертации интерес представляют два тома из этой серии – “Deutsche Presse bis 1815” М. Линдемманн и “Deutsche Presse im 19. Jahrhundert” К. Кошика – в которых показано, как оживляется пресса германских государств после поражения наполеоновской империи, как внутри этой прессы зарождается консервативно-либеральная полемика и т.д.

⁹⁷ Wöhrmann H. Görres' Rheinischer Merkur: eine geschichtliche Analyse. Lönigen i.O.: Schmücker, 1933; Kindt H. Görres' Rheinischer Merkur und die deutsche Presse seiner Zeit. Braunschweig: Limbach, 1936; Körber E-B. Görres und die Revolution: Wandlungen ihres Begriffs und ihrer Wertung in seinem politischen Weltbild 1793 bis 1819. Matthiesen, 1986; Dethloff M. Die Zensur des Rheinischen Merkur. 2002.

⁹⁸ Bischoff J. Grundlage zur Geschichte der Erlanger Real-Zeitung 1741–1829. Erlangen, 19XX; [Bessell G.] 150 Jahre Carl Schünemann Bremen, 1810–1960: die Geschichte eines Bremer Druck- und Verlagshauses. Bremen, 1960.

⁹⁹ Groth O. Die Geschichte der deutschen Zeitungswissenschaft: Probleme und Methoden. München, 1948; Koszyk K. Deutsche Presse im 19. Jahrhundert // Geschichte der deutschen Presse. Teil II, Bd.6. Berlin, 1966; Koszyk K. Deutsche Presse im Ersten Weltkrieg. Düsseldorf, 1968; Lindemann M. Deutsche Presse bis 1815 // Geschichte der deutschen Presse. Teil I. Berlin, 1969; Koszyk K. Deutsche Presse 1914–1945 // Geschichte der deutschen Presse. Teil III, Bd.7. Berlin, 1972; Dovifat E. Zeitungslehre 2: Redaktion, die Sparten Verlag und Vertrieb, Wirtschaft und Technik, Sicherung der Öffentlichen Aufgabe. (Aufl. von Jürgen Wilke / Sammlung Gosche). Berlin, 1976; Dovifat E. Zeitungslehre I: Theoretische und rechtliche Grundlagen, Nachricht und Meinung, Sprache und Form. (Aufl. von Jürgen Wilke). Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1978; Koszyk K. Pressepolitik für Deutsche 1945–1949 // Geschichte der deutschen Presse. Teil IV, Bd.10. Berlin, 1986.

Эти труды содержат также хороший справочный материал об истории отдельных газет периода.

Немногим позже из печати выходит “Geschichte der deutschen Presse: Lehrbrief 3, Die deutsche Presse in der Hauptperiode von 1789–1830. Teil 1: Zur Funktion der deutschen Presse von der Französischen Revolution bis zu den Befreiungskriegen und dem Wiener Kongress (1789–1815)”¹⁰⁰, где иллюстрируется участие органов печати в общественном диалоге в пору Освободительной войны против Наполеона и их активное продвижение идей национального подъема и объединения Германии. Для этой книги можно говорить уже не о почти позитивистском накоплении фактов из истории журналистики, но о проблемном подходе к исследованию условий и закономерностей развития прессы в конкретный период.

В дальнейшем заметно возобновление интереса к частным проблемам истории немецкой журналистики – на новом уровне детализации. Появляются работы, посвященные влиянию религиозных общин на прессу¹⁰¹, изучению вклада отдельных личностей в развитие журналистики¹⁰², а также, вновь, истории отдельных газет в каком-либо контексте¹⁰³.

¹⁰⁰ Geschichte der deutschen Presse: Lehrbrief 3, Die deutsche Presse in der Hauptperiode von 1789–1830. Teil 1: Zur Funktion der deutschen Presse von der Französischen Revolution bis zu den Befreiungskriegen und dem Wiener Kongress (1789–1815) / Hrsg. von Günter Bialowons. Leipzig: Karl-Marx-Univ., Sektion Journalistik, 1976.

¹⁰¹ Lange J. Stellung der überregionalen katholischen deutschen Tagespresse (Band 40 von Europäische Hochschulschriften: Geschichte und ihre Hilfswissenschaften), Herbert Lang Verlag, Frankfurt/M., 1974.

¹⁰² Zeitungsstadt Berlin. Menschen und Mächte in der Geschichte der deutschen Presse. Überarbeitete u. erw. Aufl. Frankfurt/M., Berlin, Wien, 1982.

¹⁰³ Zeitungsstadt Frankfurt am Main. Zur Geschichte der Frankfurter Presse in fünf Jahrhunderten / Herausgegeben von A. Estermann im Auftrag der Frankfurter Sparkasse. Frankfurt am Main, 1994; Breil M. Die Augsburger "Allgemeine Zeitung" und die Pressepolitik Bayerns: ein Verlagsunternehmen zwischen 1815 und 1848. Tübingen: Niemeyer, 1996; Ufer P. Leipziger Presse 1789 bis 1815. Eine Studie zu Entwicklungstendenzen und Kommunikationsbedingungen des Zeitungs- und Zeitschriftenwesens zwischen Französischer Revolution und den Befreiungskriegen (= Kommunikationsgeschichte. Band 9). Münster, 2000; Blumenauer E. Journalismus zwischen Pressefreiheit und Zensur: die Augsburger "Allgemeine Zeitung" im Karlsbader System (1818–1848). Köln, 2000; Ростиславлева Н.В. Политическая пресса в немецком герцогстве Баден в 20–30-е годы XIX века // Европейский альманах. М., 2004. С. 93–104.

Отдельно следует отметить, что сравнительно недавно был завершен масштабный исследовательский проект, посвященный изучению Венского конгресса (<http://veps.uni-klu.ac.at/Projekt2.html>), в рамках которого наряду с прочим было рассмотрено и освещение конгресса средствами массовой информации. Это исследование показало, что периодические издания при этом преследовали не столько развлекательную (как считалось в историографии ранее) цель, сколько служили средством общественно-политической коммуникации в то время, когда австрийским правительством была осознана важность общественного мнения.

Знакомство с историографией английской и немецкой прессы в ее газетном сегменте показывает, что специального внимания запечатленным на ее страницах образам российских монархов (как, впрочем, и иных отдельных фигур, если не принимать в расчет издателей, корреспондентов и прочих связанных непосредственно с самой журналистикой лиц) исследователями не уделялось. Авторы же исследований по имагологии, как видно из приведенного обзора, не избирали для себя материалом английские или немецкие газеты с целью обнаружить в них отражение образа императора Александра I. Между тем, имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют провести подобное исследование.

Источниковая база исследования.

Основным источником для диссертации выступают периодические издания, а именно – английские и немецкие газеты периода 1812–1825 гг. При этом под понятием «английские»/«британские» мы понимаем не только собственно газеты, выходившие на территории Англии, но вообще газеты, выходившие на подвластных английской короне территориях (включая Индию). В понятие «немецкие» мы включаем газеты, выходившие на территории государств Германского союза (из австрийских, впрочем, привлекая лишь хронику Венского конгресса в силу уникальности информации этого периодического бюллетеня; анализ же прочих газет Австрийской империи не дал сколь бы то ни было существенных находок по части суждений об Александре I).

В Англии свобода печати, провозглашенная Биллем о правах 1689 г., способствовала быстрому развитию прессы – в первую очередь, политической, партийной журналистики. При этом, однако, нужно иметь в виду, что в интересующий нас период сохранялось большинство препятствовавших созданию дешевых газет налогов (штемпельный – взимавшийся с каждого экземпляра периодического издания в зависимости от его тиража и даже количества полос, – налоги на публикацию рекламы, бумагу). Из-за высоких налогов британские газеты в середине XIX в. стоили дороже, чем, например, во Франции, а соответственно, были менее доступны читателям и в меньшей степени влияли на общественное мнение¹⁰⁴. Так или иначе, к началу XIX в. в одном только Лондоне выходило 52 газеты¹⁰⁵; общее же число английских газет, в которых в исследуемый период обнаруживаются суждения об Александре I, составляет порядка сотни, о чем подробнее будет сказано в первой главе диссертации. При этом некоторые из этих газет очевидно служили авторитетными источниками для других, поскольку в последних в ряде случаев обнаруживаются примеры дословных заимствований из первых (это же наблюдение применимо и к немецким газетам, речь о которых пойдет позже).

Из числа консервативных английских газет «авторитетными» в смысле суждений об Александре I оказываются "The Morning Post" и "The Leeds Intelligencer". "The Morning Post" была ежедневной газетой, издававшейся в Лондоне с 1772 по 1937 гг. (в дальнейшем она была приобретена "The Daily Telegraph"). Первоначально принадлежавшая вигам, печатный орган умеренных тори эта газета стала в 1795 г., будучи купленной Д. Стюартом. В фокусе интересов этого издания находилась деятельность влиятельных персон, иностранные дела, а также события литературной и художественной жизни. Берущая свое начало в 1754 г. "The Leeds Intelligencer" выходила еженедельно и с самого начала отличалась консервативной ориентацией. Ее девизом была фраза "The Altar, the Throne and the Cottage". Среди прочих задействованных в

¹⁰⁴ Тендит К.Н. Указ. соч. С. 82.

¹⁰⁵ См.: Lake B. British Newspapers: A History and Guide. London, 1984.

исследовании консервативных газет – заимствовавших суждения либо публиковавших собственные, не перетекавшие в другие издания – отметим лишь наиболее заметные.

Газета “Aberdeen Press and Journal” была основана в 1747 г. как “Aberdeen's Journal”, изменив свое название годом позже. В изучаемый период (и вплоть до 1876 г.) издание выходило раз в неделю. Будучи последовательно консервативной на протяжении всего XIX в., она, впрочем, не уделяла особого внимания политическим вопросам до начала 1830-х гг.

Другим еженедельником был “Baldwin's London Weekly Journal” (1762–1836 гг.). Он был основан Генри Болдуином, и большую часть своего существования издавался его сыном Чарльзом. Болдуины были достаточно известной в своей сфере семьей: с конца XVIII по середину XIX вв. они выпускали широкий спектр газет и журналов, включая “St James' Chronicle” (1761–1866) и “The Morning Herald” (1780–1869). “Saint James's Chronicle” выпускалась с 1761 по 1866 гг. и была вечерней газетой, выходившей трижды в месяц. Она предлагала вниманию читателей текущие новости и объявления. The “Morning Herald” была первоначально основана в 1780 г. Генри Бэйтом Дадли, бывшим редактором “The Morning Post”, как либеральная газета, ориентированная на принца Уэльского, однако в руках Болдуинов выходила на стороне тори. Существовала до 1869 г.

Одной из первых английских газет, издаваемых в индийском Бомбее, была “Bombay Gazette”. Первоначально основанная в 1789 г. как “Bombay Herald”, газета была переименована в “Bombay Gazette” в 1791 г. и продолжала выходить вплоть до начала 1900-х гг. Она содержала статьи, представлявшие интерес прежде всего для жителей Бомбея, а также прокламации, некрологи, рекламные объявления и политические новости. Нужно заметить, что издание разрывалось между крайностями консервативной поддержки британского истеблишмента и в то же время – либеральных настроений в интересах самой Индии.

“Hereford Journal” появился в Херефорде в 1770 г. Газета состояла из новостей зарубежья и лондонских новостей, рекламных объявлений, стихов и анекдотов. Местных новостей было немного, а новости из Лондона, как и во многих других провинциальных газетах того времени, появлялись в том порядке, в каком были получены – поэтому газета печаталась поэтапно по мере того, как почтальон доставлял лондонские газеты.

“Royal Cornwall Gazette” (1803–1951 гг.) в рассматриваемый период представляла собой четырехстраничное еженедельное издание по шесть столбцов на странице. Наряду со статьями редактора, письмами и внутрибританскими известиями газета содержала новости зарубежья.

Еще одной консервативной местной газетой была “The Derby Mercury” (1732–1900). Она пользовалась поддержкой дворян, духовенства, земледельцев и торговцев округа и печатала новостную почту, рекламу, поэзию, сообщения о рождении, браке и смерти и т.д.

“The Imperial Weekly Gazette” был субботним еженедельником, издававшимся в 1804–1823 гг. Из тона многих статей понятно, что газета позиционировалась как просвещенная, несмотря на свою консервативную ориентацию. В ней подробно освещались зарубежные новости за неделю и внутренние происшествия, а редакционные статьи, которые выходили на первой полосе, зачастую были посвящены религиозным и моральным темам.

Столичный “The National Register” (1808–1823 гг.) отличался устоявшимся форматом: на первой странице – заметки о политике, на последней – курсы акций, на внутренних – судебные сводки и модные известия, международные новости, изредка также литературные обзоры. Отдельно ценным в свете темы настоящей диссертации является обширное освещение в этой газете перипетий наполеоновских войн.

Ежедневная вечерняя газета “The Sun” была основана в 1792 г. и изначально субсидировалась правительством, отстаивая проправительственную позицию. На первой полосе размещались рекламные объявления, а на последней – сводки с парламентских заседаний, а также внутренние и зарубежные новости. Таким

образом, “The Sun” оставалась преимущественно политическим изданием. Газета издавалась до 1876 г.

Из числа либеральных британских газет источником, суждения которого об Александре I тиражировали другие издания, выступала “The Morning Chronicle and London Advertiser” (1769–1862 гг.) При этом контент этого издания зачастую исходил от журналистов, считавшихся радикальными. Впрочем, и менее влиятельные из газет могли поддерживаться активностью оппозиционно-настроенных личностей. Так, например, издателем лондонского “The Anti-Gallican Monitor” (1811–1817 гг.; в 1818–1825 гг. – “The British Monitor”) был публицист и политик Льюис Голдсмит, который в начале своей карьеры выступал как яростный защитник и проповедник идей французской революции. Некоторое время Голдсмит, живя в Париже, даже работал на французское правительство и при поддержке первого консула организовал политический двухнедельный журнал на английском языке “The Argus, or London Reviewed in Paris”, печатавший критические материалы о деятельности британского правительства. В 1809 г. Голдсмит был выдан английскому правительству, формально осужден за государственную измену, но тут же освобожден. Издавая “The Anti-Gallican Monitor”, на его страницах он осуждал наследие той самой революции, которому столь ревностно служил в молодые годы, однако сохранил независимость политических взглядов и резкость суждений. Памфлетист Уильям Коббетт издавал еженедельную газету “Cobbett's Weekly Political Register” (1802–1836 гг.; широко известна как “Political Register”). Радикализм издания выражался, в частности, в выступлениях за расширение избирательного права. При этом оно имело большой для своего времени тираж (6000 экземпляров), и встревоженное правительство предприняло усилия для предотвращения его широкого распространения.

“The Staffordshire Advertiser” (1795–1973 гг.) – главная газета графства Стаффордшир – издавалась книготорговцем и типографом Джошуа Дрюри. Последний был сторонником драматурга Ричарда Шеридана, члена парламента вигов от Стаффорда, и участвовал в местной политике, в 1818–1819 гг. будучи

избранным мэром своего города. Еще одна провинциальная газета, “The Bristol Mercury” (1716–1909 гг.), печатала синтезированный контент из других изданий и местные новости. В этой газете широко освещались социальные вопросы своего времени.

Основанный в 1808 г. еженедельный “The Examiner” в течение полувека играл роль ведущего интеллектуального периодического издания, излагавшего радикальные принципы, но с 1865 г. начал переходить из рук в руки и менять политическую ориентацию, что привело к быстрому снижению его популярности. В 1886 г. был закрыт. В годы своего расцвета газета имела подзаголовок «Воскресная газета, посвященная политике, внутренней экономике и театральному искусству», публикуя независимые отчеты по каждой из этих областей. Во многом на стиль “The Examiner” как независимой либеральной газеты, не имеющей политической привязанности к какой-либо партии, но апеллирующей к общеевропейским либеральным традициям, ориентировалось издание Дж.У. Марриотта “The Taunton Courier, and Western Advertiser” (1808–1964 гг.)

Газета “The Globe” выходила с 1803 по 1921 гг. и в 1820-х гг. поддерживала радикальную политику, считаясь тесно связанной с Джереми Бентамом. В Хантингдоне в 1813 г. как еженедельник, защищающий либеральные реформистские принципы, начала публиковаться “Huntingdon, Bedford, Cambridge and Peterborough Gazette”. “The Manchester Guardian” был основан группой либеральной буржуазии после того, как полиция закрыла более радикальный “The Manchester Observer”. Политически “The Manchester Guardian” стоял на позициях либеральной партии, постепенно смещаясь в своих политических взглядах левее. В пору гражданской войны в Испании газета заняла сторону республиканцев. В настоящее время это издание существует под названием “The Guardian”. Еще одна продолжающаяся по сей день газета, “The Scotsman”, была начата в 1817 г. как либеральное еженедельное издание юристом Уильямом Ричи и таможенным чиновником Чарльзом Маклареном в ответ на «бесстыдное подчинение» конкурирующих газет эдинбургскому

истеблишменту. Газета призывала к беспристрастности, твердости и независимости. Под девизом «Открыта для всех сторон, не подверженных никакому влиянию» выходила в 1810–1872 гг. также радикальная газета “The Suffolk Chronicle, or Weekly General Advertiser & County Express”.

Нужно заметить, что независимо от политической ориентации английские газеты в своих оценках внешнеполитических явлений (к которым закономерно относилась и деятельность Александра I) заметно исходили из прагматических интересов геополитического, а чаще всего экономического толка – уже поверх них нанизывая какие-либо моральные выводы. Так, например, в своем одобрении действий российского императора в пору заключения Тильзитского мира они отталкивались от того, что мир этот обеспечивал возможность экономического процветания – и заключивший его Александр I потому отличался, по их словам, «проницательностью и возвышенными чувствами»¹⁰⁶. Когда же он позднее, влекомый общей политикой Священного союза, не станет препятствовать испанским претензиям в Южной Америке, английские газеты также будут размышлять не о моральном праве Испании на «повторное завоевание Южной Америки», а исключительно об уроне, который подобные аппетиты нанесут торговле, богатству и власти англичан. Поэтому в одной и той же газете в рамках нескольких месяцев можно будет обнаружить прямо диаметрально противоположные характеристики императора Александра – который в изложении “Morning Herald” летом 1823 г., например, будет оказываться то великодушен, то жесток, в зависимости от меняющихся меркантильных надежд Англии.

Немецких газет для исследования оценок образа Александра I было подобрано порядка 40. Деление их на консервативные и либеральные для исследуемого периода не столь рельефно, как деление английских; скорее, можно говорить о массе патриотически-настроенной прессы с отдельными наиболее смелыми изданиями на общем фоне. При этом по сравнению с английской в немецкой прессе – несмотря на меньшее число газет в целом – в

¹⁰⁶ National Register (London), 1812, № 238 (19th July), p. 437; The News (London), 1812, № 370 (19th July), p. 1051; Belfast Commercial Chronicle, 1812, № 1161 (20th July), p. 1; Inverness Journal and Northern Advertiser, 1812, № 260 (24th July), p. 4.

плане распространения суждений о русском императоре можно видеть большее число «авторитетных» изданий. В качестве объяснения последнего можно предложить следующее: в силу раздробленности немецких земель происходящие в них и затрагивающие их интересы события могли быть в какой-то мере независимыми и разнообразными, поэтому из центров одних земель в другие расходились оригинальные информационные импульсы. При этом свой отпечаток накладывало и то, что в некоторых землях (в 1818 г. – в Баварии, в 1819 г. – в Вюртемберге) конституционно была закреплена свобода печати; в других же (Пруссии, Саксонии, Австрии) цензура по-прежнему оставалась очень жесткой¹⁰⁷. В 1819 г., впрочем, на фоне борьбы правительств немецких земель с растущими в обществе настроениями в пользу объединения Германии, были приняты Карлсбадские указы, по которым цензура прессы была повсеместно усилена¹⁰⁸. Газеты также могли закрываться и по указке Священного союза (такая судьба постигла, например, вюртембергскую “German Observer”¹⁰⁹).

Ведущей политической ежедневной газетой в немецких землях первой половины XIX в. была “Allgemeine Zeitung” (1798–1929 гг.), получившая широкое признание за рубежом как символ немецкой прессы¹¹⁰. В интересующий нас период она издавалась в Аугсбурге, Бавария. Наряду с новостями политики на ее страницах публиковались также культурные новинки, в т.ч., например, произведения Шиллера и Гете¹¹¹. Важной чертой “Allgemeine Zeitung” было то, что в ней публиковалась не сухая новостная фактология, но развернутые аналитические обзоры по наиболее актуальным

¹⁰⁷ Тендит К.Н. Указ. соч. С. 77.

¹⁰⁸ Blumenauer E. Journalismus zwischen Pressefreiheit und Zensur: die Augsburger “Allgemeine Zeitung” im Karlsbader System (1818–1848). Köln, 2000. S. 19–24.

¹⁰⁹ Bury and Norwich Post, 1823, № 2139 (25th June), p. 3.

¹¹⁰ Heyck E. Die Allgemeine Zeitung 1798–1898 // Beiträge zur Geschichte der deutschen Presse. München, 1898. P. 15.

¹¹¹ Heyck E. Die Allgemeine Zeitung 1798–1898... Pp. 47–49.

темам и лицам. Примечательно и то, что издатель этой газеты, И.Ф. Котта, присутствовал на Венском конгрессе в качестве наблюдателя¹¹².

Еще одним значимым баварским изданием в том же городе была “Augsburgische Ordinarische Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten” (“Augsburger Postzeitung”). Истоки этой газеты восходят еще к 1686 г., когда книгопечатник Август Штурм-ст. в преимущественно протестантском Аугсбурге основал еженедельник католической ориентации. Спустя век газета уже была ведущим периодическим изданием в южно-германско-австрийском регионе. В начале XIX в. ее тираж которого составлял около 12000 экземпляров (высочайший уровень для той эпохи)¹¹³.

Начало с XVII в. вела также выходившая в великом герцогстве Гессен “Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung” – основанная, как считается, в 1615 г. она стала одной из первых газет в истории. Когда в 1810 г. вся политическая пресса во Франкфурте-на-Майне была запрещена наполеоновским ставленником К.Т. фон Дальбергом, эта газета влилась в единую франко-немецкую “Zeitung des Großherzogthums Frankfurt”, однако после поражения Наполеона воспряла под своим прежним названием.

Основанная в прусском Кобленце писателем Йозефом Гёрресом “Rheinischer Merkur” существовала недолго, в 1814–1816 гг., однако ее краткое существование было ярким и памятным для современников. Открытая враждебности к Наполеону сделала это издание влиятельным, и сам Наполеон называл его «пятой силой»¹¹⁴. Эта газета единственной в Пруссии была неподвержена никакой цензуре¹¹⁵. Гёррес выступал за объединенную Германию

¹¹² Blumenauer E. Journalismus zwischen Pressefreiheit und Zensur: die Augsburger “Allgemeine Zeitung” im Karlsbader System (1818–1848). Köln, 2000. S. 45.

¹¹³ Lange J. Stellung der überregionalen katholischen deutschen Tagespresse (Band 40 von Europäische Hochschulschriften: Geschichte und ihre Hilfswissenschaften), Herbert Lang Verlag, Frankfurt/M., 1974, S. 175.

¹¹⁴ Neill T.P. Joseph Görres // They Lived the Faith; Great Lay Leaders of Modern Times. Milwaukee: The Bruce Publishing Company, 1951. P. 230.

¹¹⁵ Körber E.-B. Görres und die Revolution: Wandlungen ihres Begriffs und ihrer Wertung in seinem politischen Weltbild 1793 bis 1819. Matthiesen, 1986. S. 67.

с представительным правительством. В пору Венского конгресса Штейн использовал “Rheinischer Merkur” для выражения своих либеральных надежд. Подобные интенции в газете, однако, были неприятны Гарденбергу и Фридриху Вильгельму III, о чем Гёррес получал предупреждения. Эти предупреждения были им проигнорированы, и в начале 1816 г. “Rheinischer Merkur” был закрыт по требованию прусского правительства.

Наконец, еще одной «авторитетной» газетой был “Westphälischer Moniteur”, существовавший в 1807–1813 гг. как официальная газета зависимого от Франции Вестфальского королевства. Издание выходило в Касселе одновременно на немецком и французском языках. Оно представляет интерес своим статусом правительственного издания на фоне прочих преимущественно частных газет.

Из числа газет, не являвшихся источником материалов об Александре I, однако публиковавших у себя таковые, упомянем следующие. “Fränkischer Merkur” (первоначально возникшая в 1791 г. как “Bamberger Zeitung”) была газетой баварской Верхней Франконии. В начале XIX в. ее главным редактором некоторое время был философ Г.В.Ф. Гегель. В наши дни газета продолжает издаваться и выходит под заглавием “Der Fränkische Tag”. Другая баварская газета, “Neueste Weltbegebenheiten”, по своему замыслу посвящена была просвещению и сообщала известия о событиях в государстве, Церкви, эрудиции, искусстве и природе. Она возникла в 1784 г. в качестве первого политического новостного бюллетеня в Кемптене и явно обнаруживала космополитические претензии.

Отчасти близкой ей по тематике была “Allgemeiner Anzeiger der Deutschen” – ежедневная газета, издаваемая в Готе (на тот момент входившей в состав герцогства Саксен-Гота-Альтенбург) с 1806 по 1829 гг. народным просветителем Рудольфом Беккером. Этой газете было свойственно повышенное внимание к факту территориальной раздробленности Германии – при этом последняя воспринималась не как проблема, а как возможность развития: в разнообразии появившихся в рассматриваемый период конституций

Беккеру виделась возможность через публичное обсуждение установить, какой вариант государственного устройства является лучшим, и затем распространить его на все немецкие земли.

“Deutsche Blätter” издавалась в Лейпциге (в составе прусской провинции Саксония) Карлом Людвигом фон Вольтманом в 1813–1816 гг. В газете получили подробное освещение события Освободительной войны, а также публиковались авторские статьи и поэтические произведения. В 1785 г. была основана “Allgemeine Literatur-Zeitung” (местом выпуска которой с 1803 г. стал Галле – на тот момент относившийся к Пруссии, в 1807 г. переданный в состав королевства Вестфалия, а с 1815 г. вновь вошедший в состав прусской Саксонии) – издание, призванное печатать обзоры и критические комментарии на всю появлявшуюся литературную продукцию своего времени. Оно стало самой влиятельной немецкой газетой подобного жанра. Среди наиболее известных сотрудников “Allgemeine Literatur-Zeitung” были Иоганн Вольфганг фон Гете, Фридрих Шиллер, Иммануил Кант, Иоганн Готлиб Фихте и Александр фон Гумбольдт¹¹⁶. На “Allgemeine Literatur-Zeitung” как образец ориентировалась “Leipziger Literaturzeitung” (1800–1834 гг.)¹¹⁷. Другой литературной газетой была “Literarisches Wochenblatt”, в 1818 г. основанная А.Ф. Коцебу (после смерти которого издание в 1820 г. приобрел издатель Ф.А. Брокгауз). Тематическое поле еще одной литературно-культурной газеты, лейпцигской “Zeitung für die elegante Welt”, выходившей в 1801–1859 гг., включало в себя литературу, искусство, моду и театр. Газета была ориентирована на широкую образованную читательскую аудиторию. В рассматриваемый период она выходила четырежды в неделю. Для настоящего исследования все эти газеты представляют интерес прежде всего потому, что в обзорах на так или иначе связанные с русской тематикой сочинения авторы

¹¹⁶ Gerabek W.E. Jenaische allgemeine Literatur-Zeitung // Enzyklopädie Medizingeschichte. De Gruyter, Berlin – New York, 2005. S. 695.

¹¹⁷ Ufer P. Leipziger Presse 1789 bis 1815. Eine Studie zu Entwicklungstendenzen und Kommunikationsbedingungen des Zeitungs- und Zeitschriftenwesens zwischen Französischer Revolution und den Befreiungskriegen (= Kommunikationsgeschichte. Band 9). Münster, 2000. S. 108.

очерков нередко высказывали свои соображения о нынешнем положении дел в Российской империи и ее правителе.

Общей чертой для всех привлекаемых немецких газет можно назвать патриотическую полемику на фоне протеста против наполеоновского владычества¹¹⁸, в пору Освободительной войны против Наполеона дошедшей до вмешательства органов печати в политический процесс¹¹⁹. Основными темами газетных публикаций рассматриваемого периода стали борьба за национальное возрождение и объединение Германии; общим настроением – экзальтированная сентиментальность.

Ко вспомогательным источникам для диссертации следует отнести законодательные акты (манифест Александра I о защите Отечества и создании народного ополчения от 18 июля 1812 г., его манифест от 6 декабря 1813 г. «О принесении торжественного молебствия за одержанные над врагом победы», Высочайший Манифест о заключении Священного союза между Их Величествами Императорами Всероссийским и Австрийским и Королем Прусским от 25 декабря 1815 г., рескрипт Александра I посланникам: в Мадриде Д.П. Татищеву, в Брюсселе К.Л. Фулю, в Турине П.Б. Козловскому, в Рио-де-Жанейро П.Ф. Балку-Полеву, в Неаполе Г.Д. Мочениго, в Штутгарте Ю.А. Головкину, в Мюнхене Ф.П. Палену и поверенному в делах в Копенгагене И.А. Брину), делопроизводственные документы (Акт Священного союза от 26 сентября 1815 г., циркуляр петербургского, венского и берлинского кабинетов дипломатическим представителям России, Австрии и Пруссии за границей от 14 декабря 1822 г., Заключительную декларацию Веронского конгресса 14 декабря 1822 г.), а также документы личного происхождения (мемуары секретаря Наполеона Э. де Лас Каза, переписку Александра I и Ф.-С. Лагарпа, переписку К. Меттерниха с Ф. Генцем).

¹¹⁸ Lindemann M. Deutsche Presse bis 1815. S. 278.

¹¹⁹ Geschichte der deutschen Presse: Lehrbrief 3. Die deutsche Presse in der Hauptperiode von 1789–1830. Teil 1: Zur Funktion der deutschen Presse von der Französischen Revolution bis zu den Befreiungskriegen und dem Wiener Kongress (1789–1815) / Hrsg. von G. Bialowons. Leipzig: Karl-Marx-Univ., Sektion Journalistik, 1976.

Из обширности привлекаемого источникового материала при его внутренней неоднородности вытекает возможность найти решение всех заявленных задач и достичь назначенной цели исследования.

Научная новизна исследования состоит в том, что при изучении образа Александра I в прессе методологические усилия направлены именно на выяснение характеристик этого образа в рамках изучения внешнеполитических репрезентаций российского императора, в то время как в историографии к настоящему моменту подавляющее большинство работ по имагологии самодержавия посвящено интерпретации того или иного образа, прежде всего с целью характеристики сознания оценивающей этот образ публики. Например, образ монарха глазами крестьян или дворянства рассматривается для оценки их ментальности, качественных сдвигов в их мировоззрении в тот или иной хронологический период. Образ русского царя глазами иностранцев – для анализа проявляющихся при этом национальных стереотипов. В данной же работе исследовательский интерес связан именно с фигурой Александра I, а не с ментальностью наблюдавшей его иностранной публики.

В русле этого интереса в исследовании впервые рассматриваются различные (в зависимости от периода, обстоятельств и позиции наблюдающих) образы Александра I в их дихотомии: обороняющегося – победителя, либерала – реакционера, благодетеля – предателя и тирана. Сопоставляются идеализированные образы этого правителя эпохи Венского конгресса, «черный миф» о нем как виновнике карательной политики Священного союза, его собственные политико-идеологические интерпретации своей деятельности и факты историографии.

Заметки об Александре I в британских и немецких (германских и отчасти австрийских) изданиях при этом избраны в качестве материала для исследования в силу определенной противопоставленности соответствующих государств на европейской геополитической арене в рассматриваемый период (Великобритания не испытала влияния Наполеона, немецкие земли же находились под его властью; Великобритания не стала участницей Священного

союза и не была заинтересована в успехах его политики, а немецкие земли, напротив, первыми вошли в состав нового международного объединения). Подобные различия в положении государств заведомо предполагают разночтения в интерпретации образа российского лидера и откликах на его внешнеполитические репрезентации. Вместе с тем немецкая и английская пресса впервые получает в исследовании комплексное освещение как источник по имагологии самодержавия первой четверти XIX века.

Теоретическая значимость работы обусловлена возможностью проследить исторические предпосылки складывания образа российских глав государства в глазах народов Германии и Великобритании, что, в свою очередь, применимо при изучении культурного взаимодействия России с зарубежными странами.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использовать его результаты в лекционных курсах и учебных пособиях для высших учебных заведений.

Достоверность исследования определяется широтой и репрезентативностью его источниковой базы и верифицируемыми методами, которые автор применяет для изучения и анализа исторических источников.

Апробация результатов исследования. Настоящая диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные идеи и положения работы изложены в 4 научных работах автора общим объемом 4,46 п.л., в том числе в 4 публикациях общим объемом 4,46 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 5.6. – Исторические науки.

Структура диссертации определяется задачами исследования. Она включает в себя введение, пять глав, разделенных на параграфы, заключение, список источников и литературы и приложение.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Образ Александра I в период Отечественной войны и Заграничного похода в изложении немецких корреспондентов включал в себя такие черты, как самонадеянность, слабость и жестокая недалёковидность – но в изложении английских представлял собой средоточие кротости, доброты и христианского чувства.

2. В период 1814–1815 гг. образ Александра I в немецких и английских газетах был во многом схожим: и те и другие преподносили его читателям как благородного героя и милосердного политика, освободившего от оков наполеоновского владычества европейскую цивилизацию.

3. Начиная с 1815 г. и до самой смерти императора его образ в немецкой прессе оставался в основе своей положительным: Александр I представал либеральным правителем и благородным человеком, объединяющим европейские народы в единую христианскую семью.

4. В 1816–1819 гг. в «английском» образе Александра I начали копиться противоречия. Он выглядел на газетных страницах уже не идеальным правителем, а реальным человеком, которому наряду с позитивными чертами присущи лень, непродуманность и/или коварство. Начиная с 1820 г. английские авторы уже активно демонизировали Александра I, преподнося его политику в качестве агрессивной экспансии, влияния на европейские государства под маской христианского объединения, а самого Александра I при этом выставя личностью противоречивой и не заслуживающей доверия.

5. В ряду русских монархов образ Александра I в отражении английской и немецкой прессы оказался ближе всего образу Петра Великого глазами европейцев. В лучших вариациях этого образа Александр I представал в роли просвещенного монарха, несущего обществу цивилизацию и справедливость, а в худших – азиатского деспота, лишь внешне перенявшего европейскую культуру.

Глава I Образ императора в глазах современников как объект для изучения

1.1. Результаты изучения образа российского самодержавия в российской и зарубежной историографии: методология и результаты исследования

Прежде чем приступить к заявленному исследованию, хотелось бы обобщить историографический опыт изучения самодержавных образов с позиций имагологического дискурса. Это необходимо как для усвоения методологического инструментария в рамках данной тематики, так и для последующего сравнения образа Александра I в английских и немецких газетах 1812-1825 гг. с образами монархов Дома Романовых в других источниках.

Как уже было отмечено, в рамках историко-семиотического подхода Р.С. Уортман рассматривал многогранный комплекс символов, которые сопутствовали образам российских монархов в различные эпохи, и тем самым анализировал методы, которыми – при помощи всевозможных ритуалов – в нашей стране воплощалась в жизнь мифология абсолютизма. Можно заметить, что таким образом американский исследователь, по мере изложения, с анализа репрезентаций самодержцев на самом деле переключается на анализ технологии власти (или властной деятельности), однако, так или иначе, интерес представляет сам опыт акцентирования личных качеств монарха в контексте его сознательного воздействия на наблюдателей.

Итак, обращая внимание на господствующую эстетику правлений, Уортман показывает, что Петр I посредством заимствованных возрожденческих и барочных церемониалов репрезентировал новую идеологию своего века – эпохи Просвещения, тем самым намеренно начав дистанцироваться от византийской эстетики и идеологии прошлого. Следующий шаг был сделан Екатериной II, которая в своих властных презентациях позиционировала себя в качестве законодательницы. Но уже ее сын и внук сталкиваются со сменой восприятия монарха обществом – после французской революции он уже кажется не божеством, но человеком (Уортман именует это сценарием

«смертных государей»). Относительно Александра I этот исследователь отмечает, что на фоне десакрализации верховной власти император завоевывал любовь народа демонстрацией кротости и человечности¹²⁰, в чем немалую роль играло и его природное обаяние¹²¹; также он пишет о самопрезентации Александра в качестве смиренного верующего и орудия Провидения¹²². Эти наблюдения представляются крайне важными и для исследования александровского образа в глазах иностранной публики. Следующий династический сценарий, по мнению Уортмана, берет начало при Николае I и затем становится доминирующим вплоть до отречения Николая II; он состоит в том, что вместо фигуры одного императора публике презентуется образ императорской семьи. Параллельно при Николае I начинается процесс «национализации» царя как ориентира для подданных – из «первого европейца» он трансформируется в «первого русского» (окончательно эта трансформация оформится затем при Александре III, целью которого было построение национального мифа). Проблема единения царя с народом становится сутью властного сценария и в царствование Александра II (в его случае Уортман именует его локальный вариант саморепрезентации «сценарием любви»): реформаторские планы царя-освободителя требовали всенародной поддержки, которую и призван был вселять подобный сценарий. В правление Николая II воплощение подобного сценария уже могло опереться на популяризацию образа монарха в народе посредством последних достижений технического прогресса в виде фотографии, фильмов и рекламы, дополнительно создававших видимость массовой поддержки Николая II и его политического курса обществом.

Рассмотрению символического поля властной деятельности русских монархов в духе концепции Уортмана посвящены также работы таких историков, как Н.А. Бугаева, Е.И. Конанова и Г.В. Ибнеева. В статьях Н.А.

¹²⁰ Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии российской монархии. М.: ОГИ, 2002. Т. 1. С. 288.

¹²¹ Там же. С. 291.

¹²² Там же. С. 298.

Бугаевой¹²³ и Е.И. Конановой¹²⁴ анализ ведется по линии того, какие факты из биографии Петра I его апологеты выбирали для презентации, а какие оставляли в тени – и какие в этом их выборе прослеживаются черты людей века Просвещения, а какие – непосредственно людей русской культуры, русской государственной традиции. Г.В. Ибнеева схожую методологию применяет для анализа образа Екатерины II в ранних сочинениях И.Г. Гердера¹²⁵, исследуя то, какие качества немецкий мыслитель желал видеть в императрице и какую роль в этом играла его национальная и социальная принадлежность.

Если Уортман в своем исследовании акцентировал внимание на новизне утверждаемой Петром I самодержавной идеологии, то работы Бугаевой и Конановой показывают, что транслируемый официальной идеологией образ государя включал в себя и некоторые традиционные установки – царь как блюститель православной веры, богоизбранный и благочестивый. Вместе с тем, в них, вслед за Уортманом, рассматривается и «западноевропейский» компонент (монарх как глава Церкви и как источник «всеобщего блага», ведущий подданных к просвещению), а также «античный» (царь-триумфатор, национальный герой, отец Отечества, император, подобный богам...). Показывается, что петровский «Устав о престолонаследии» фактически девальвировал важнейший элемент традиционного образа государя – его «природность», и тем самым мессианистическая функция царя также подверглась переосмыслению, а личное спасение подданных было поставлено в зависимость от верной службы государю и Отечеству в соответствии с культивируемыми в ту эпоху представлениями о «всеобщем благе». Что касается образа Екатерины II, то результаты исследования Г.В. Ибнеевой полностью подтверждают уортмановский сценарий репрезентации Екатерины

¹²³ Бугаева Н.А. Петр I в русском общественном сознании конца XVII – первой четверти XVIII века: формирование нового образа государя в России: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (07.00.02). Омск, 2008.

¹²⁴ Конанова Е.И. Мифологический образ Петра I в сочинениях Ф. Прокоповича и В. Н. Татищева // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Научно-образовательный и прикладной журнал, 2007, № 4 (140). С. 67–71.

¹²⁵ Ибнеева Г.В. Образ Екатерины II в ранних сочинениях И. Г. Гердера // Россия и Балтия. М., 2006. С. 7–15.

II как законодательницы – как показывает статья, Гердер в период своего пребывания в Риге (куда он приехал из Кенигсберга в 1764 г., чтобы стать учителем в Домской школе) был горячим сторонником Екатерины II в ее преобразованиях, поддерживал правительственную платформу в деле реформ, и императрица предстала на фоне этого как просвещенная монархиня и «мать отечества».

Наиболее плотный анализ самодержавной атрибутики (а не вербализованных самодержавными апологетами идей) демонстрирует И. Паульманн¹²⁶, исходным пунктом рассуждений которого является образование Александром I Священного союза. В то время как Уортман писал о личной самопрезентации Александра I в религиозном плане как о чем-то внешнем, Паульманн показывает, что вся церемониальная атрибутика созданного этим императором объединения представляла собой не декорацию, а основу – поскольку Священный союз сознательно апеллировал к публике (причем не только непосредственной, но и отдаленной – посредством печати). Это привносит в разработку концепции Уортмана тезис о том, что публичность является существенным фактором политики вообще, поскольку «легализует» действия монарха, делая их фактом реальности.

Ряд авторов (О.Н. Мухин, О.Б. Леонтьева, Е.П. Барина, А.В. Буганов) развивает другую линию уортмановской концепции – с акцентированием личных качеств монарха в контексте его воздействия на публику.

Статья О.Н. Мухина «Петр I – царь–харизматик: изменение сакрального образа правителя в России раннего Нового времени»¹²⁷ помимо непосредственного рассмотрения тех новшеств, которые нес в себе стиль воздействия на публику первого российского императора, содержит такое важное для имагологического исследования теоретическое положение, как то,

¹²⁶ Paulmann J. *Pomp und Politik. Monarchenbegegnungen in Europa zwischen Ancien Regime und Erstem Weltkrieg*. Paderborn, 2000.

¹²⁷ Мухин О.Н. Петр I – царь–харизматик: изменение сакрального образа правителя в России раннего Нового времени // *Политическая культура в истории Германии и России: сб. научных статей. Сер. «Германские исследования в Сибири»* / Отв. ред. Л.Н. Корнева, С.А. Васютин. Кемерово, 2009. С. 373–385.

что харизма есть не столько тип властвования, сколько черта власти вообще – наблюдение, у Уортмана не вербализованное.

В свою очередь, в статье О.Б. Леонтьевой¹²⁸ прослеживается проекция ценностей, надежд и опасений на петровскую эпоху из переломного правления Александра II – то есть, образ Петра I оценивается в рамках восприятия одного общества другим, с учетом факторов, которые задавали ценности оценивающих – и служили своего рода «фильтром» для петровского образа, в котором была персонифицирована его эпоха. Схожий подход применяет и Е.П. Баринава для анализа образа Николая II в интерпретации современников¹²⁹: она соотносит преобладающие характеристики царя в изложении различных групп дворянства (столичного, провинциального, а также придворных), прослеживая, когда эти характеристики претерпевают изменения – на фоне каких обстоятельств общественно-политической жизни империи. Эти работы дают представление о том, что в культуре пореформенной эпохи сложился глубоко неоднородный образ обоих монархов. Петр I предстает и тружеником, и угнетателем, и народолюбом, и деспотом, и учителем, и палачом; отношение общества к Петру Великому за вторую половину XIX в. прошло почти полный цикл эволюции: волну исторических разоблачений сменило осторожно-сочувственное признание исторической обусловленности действий реформатора – а затем маятник вновь качнулся в противоположную крайность. Закономерность, как следует из статьи О.Б. Леонтьевой, состоит в том, что чем более консервативной становилась российская политика и чем более туманными виделись перспективы развития страны, тем ярче вспыхивал романтический ореол вокруг личности Петра I в сознании общества. Развитие же образа последнего российского императора в глазах современного ему дворянства линейно: Е.П. Баринава прослеживает, как положительные

¹²⁸ Леонтьева О.Б. «Страшен царь Петр»: образ Петра Великого в культуре пореформенной России (1860–1880-е гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2008, т. 10, № 1. С. 36–47.

¹²⁹ Баринава Е.П. Образ Николая II в сознании русского общества // Третьи Ознобишинские чтения: Сб. материалов. Инза; Самара, 2005. С. 13–16.

эмоциональные оценки Николая II (уважение, почтение, преклонение, доверие к нему со стороны дворян) уступают в устах современников место негативным – «не лжет, но и правды не говорит»; человек хитрый, злопамятный, двуликий; человек ничтожный, слабовольный, глупый, недостаточно подготовленный к роли монарха.

А.В. Буганов, также исходящий из ключевого внимания к личным качествам самодержцев, анализирует¹³⁰ то, какие русские правители оставили след в памяти крестьянства (слой населения, чье восприятие монарших образов у Уортмана едва затрагивается). Для своей цели он привлекает источники от материалов научных обществ XIX – начала XX вв. и мемуарной литературы до фольклора, в качестве основы для сравнения, подобно своим коллегам, избрав сопоставление различных хронологических срезов. Он приходит к выводу о том, что среди значимых фигур, сохранившихся в народной памяти, центральное место отводится Ивану Грозному, Петру I, Александру I и Александру II – причем на образы этих государей не оказало существенного влияния даже размывание монархического идеала в начале XX в., чего нельзя сказать об образе Николая II. Касательно фигуры Александра I автор отмечает, что основными вехами в народном взгляде на его царствование (и, соответственно, основными связанными с ним фольклорными сюжетами) стали Отечественная война 1812 г. и смерть императора. Из статьи, впрочем, следует, что в песнях о войне характер изображения Александра I скорее был все же данью традиции, нежели свидетельствовал о признании его реальных заслуг, и, лишенный индивидуальных черт, его образ мало отличался от образов предшественников. Что же касается сюжетов, вращающихся вокруг загадочной фигуры Федора Кузьмича, то их анализ показал, что крестьянам импонировала идея, будто в единой фигуре может сочетаться могущественнейший из царей и бесправнейший из его подданных. Более того, по мысли А.В. Буганова, в образе Федора Кузьмича воплотилась идея искупления царем греха убийства (либо

¹³⁰ Буганов А.В. Отношение к русским царям в народном сознании XIX – начала XX веков // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. М., 2002. С. 253–260.

причастности к нему). Всё это дает совершенно новый материал к образу Александра I в сравнении с исследованием Уортмана, поскольку, как можно видеть, для крестьян существенными оказались совсем не те сюжеты, которые, как показано у Уортмана, акцентировал сам император – и его личность в их восприятии представляла совсем иной, чем он стремился репрезентировать.

В работах других авторов, занимавшихся изучением имагологии самодержавия, следование концепции Уортмана не слишком заметно; вместе с тем, они обнаруживают некоторые новые возможности подхода к материалу. Примером этого служит расширение источникового поля за счет новых видов и даже типов источников.

Работы И.Н. Кузнецова¹³¹, О.А. Суховой¹³² и В.В. Кулачкова¹³³ для исследования образа Николая II в глазах крестьян опираются на анализ такого массового источника, как делопроизводственная документация. Это следственные дела об оскорблении имени и титула Его Императорского Величества и членов императорской семьи (рапорты уездных исправников, протоколы дознаний, отношения губернского правления, предписания, постановления губернатора, иногда – вещественные доказательства: порванные изображения и т.д.), а также, напротив, документы с благодарностями крестьян за царские милости – прежде всего, за «сложение долгов». С учетом даты каждого задокументированного высказывания прослеживается динамика – какие характеристики монарха со временем учащались, а какие исчезали; при этом анализируются такие факторы воздействия на авторов высказываний, как агитация революционеров и системный кризис в империи.

¹³¹ Кузнецов И.Н. Образ царя в сознании крестьянства Вологодской губернии во второй половине XIX – нач. XX в. // Вестник архивиста, 2013, № 3. С. 215–226.

¹³² Сухова О.А. Образ «царя» в массовом сознании российского крестьянства в начале XX в.: По материалам Пензенской губернии // Крестьянство и власть Среднего Поволжья: Материалы VII межрегион. науч.-практ. конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Саранск, 2004. С. 194–200.

¹³³ Кулачков В.В. Специфика отражения образа императора в правовом сознании крестьян Орловской губернии периода Первой мировой войны // История государства и права. Научно-правовое издание. 2016, № 9. С. 56–59.

Исследование И.Н. Кузнецова показывает, что в последние полвека императорской власти в России образ верховного правителя, данного Богом, оставался неотъемлемой частью крестьянского мировоззрения и рост недовольства монархом в конце XIX – начале XX в. не имел определяющего значения для образа в целом – и отрицание царской власти (зафиксированное в отдельных высказываниях) в большинстве случаев происходило под воздействием извне. Более того, в соответствующих высказываниях И.Н. Кузнецов видит лишнее подтверждение тому, что царь занимал прочное место в народной картине мира – поскольку он понимался в качестве единственного воплощения земной власти и порядка, он же выглядел в глазах крестьян и ответственным лицом за неурядицы любого уровня.

Вместе с тем, выводы о десакрализации царского образа звучат в рассматриваемых чуть более поздний период работах О.А. Суховой и В.В. Кулачкова, которые показывает, что по документам, относящимся к 1910-м гг., заметны качественные изменения в народном восприятии царского образа, лишившегося сакрального содержания. Негативизм суждений при этом подчеркивался подменой понятий в предельно противоположных характеристиках: божественное начало в монархических представлениях крестьянства приобретало «демонический» оттенок (что, таким образом, подготавливало почву для этического оправдания антиправительственных действий).

Иное поле для изучения имагологии самодержавия дает периодика (см. работы Г.А. Устименко¹³⁴, Ю.С. Пальцына¹³⁵ и А.М. Мойсинович¹³⁶). В рамках работы с этим видом источника авторы применяют анализ изобразительных

¹³⁴ Устименко Г.А. Образ императора Александра II в публикациях журнала «Исторический вестник» (1881–1894 годы) // Шестые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения [Текст]: материалы: в 3 т. Иркутск, 2012. Т. 3. С. 35–38.

¹³⁵ Пальцын Ю.С. Образ императора Николая II по материалам газет Пермской губернии 1917 года // Церковь. Богословие. История: материалы VI Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 10–12 февраля 2018 г.). Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2018. С. 68–74.

¹³⁶ Мойсинович А.М. Образ Николая II в политической карикатуре периода первой русской революции // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2015, № 3 (33), апрель–июнь. С. 16–22.

средств, которыми читателю преподносился образ монарха, и выявление основных тем, с которыми в печати связывалось его имя. Так, как показывает статья Г.А. Устименко, при создании образа Александра II в правление его сына журналисты «Исторический вестника» упоминали покойного государя подчеркнуто в связке с положительными эпитетами («добрый и благостный лик освободителя», «добрые голубые глаза»), так, что даже некоторые недостатки императора выглядели сглаженно («слегка картавил... но голос его был звучный, чисто грудной и замечательно приятный»). Это лишний раз подчеркивает, что 1) образ императора (даже покойного) ассоциируется с государством в целом и монарх выступает в глазах публики гарантом благополучия страны, 2) осмысление образов монархов прошлых лет со стороны интеллектуальной элиты подчиняется идеологическим целям и может быть как позитивным, так и негативным в зависимости от текущей политической повестки. Последнее также верно и в отношении действующего монарха, и статья Ю.С. Пальцына демонстрирует примеры искажения образа Николая II газетчиками в результате поступления в редакцию заведомо ложных сведений о государе (фактор, который вообще необходимо иметь в виду при использовании газет как источника).

Дополнительные детали позволяет выяснить подход, применяющийся А.М. Мойсинович, которая исследует не тексты в периодике, а газетную карикатуру (тем самым обращаясь к новому для имагологии самодержавия типу источников – изобразительным). Путем сравнения работ русских и зарубежных художников-карикатуристов автор показывает, что в рисунках соотечественников император Николай II представал олицетворением самодержавной власти, не желавшей осознать неизбежность давно назревших изменений, а их зарубежные коллеги создавали еще более отталкивающие образы Николая II – безразличного к судьбе подданных, нерешительного и трусливого в ключевые моменты фаталиста, никак не подходившего на роль самодержца.

Еще один возможный тип источников для анализа самодержавных образов – устные. Уже упоминалось, что фольклор в качестве одного из источников использовал А.В. Буганов, однако существуют исследования, где фольклор является основным материалом для изучения. При этом он может быть как более традиционным (легенды, сказания, предания), так и неформальным (анекдоты). Фольклорная тематика разрабатывается в статьях О.В. Матвеева¹³⁷, Н.А. Чикановой¹³⁸ и Ю.М. Шеваренковой¹³⁹.

Используя фольклор в качестве источника, авторы принимают во внимание национальный и социальный факторы. В частности, О.В. Матвеев показывает, что для кубанских казаков, которых отмена крепостного права затронула в минимальной мере, Александр II был прежде всего освободителем христиан – поскольку идея бранной помощи братским народам в казачьей системе ценностей имела большой вес, – а также реформатором и мучеником. Анализ Ю.М. Шеваренковой строится вокруг того, как крестьяне юга Нижегородской области с позиций своего мировоззрения и опыта интерпретировали объективные события вроде посещения местного монастыря Николаем II. Ее исследование вновь (как прежде уже работа А.В. Буганова) подводит к выводу о том, что воспоминания простых людей о монархе редко содержат оценки его политической деятельности и в целом носят положительный либо нейтральный характер. Исследование же анекдотов, как показывает статья Н.А. Чикановой, предполагает учет того, что образ монарха в них конструируется с опорой на чисто эмоциональное, а не рациональное начало и не содержит оценочных суждений о личности, которые свойственны эго-текстам.

¹³⁷ Матвеев О.В. Государь реальный и ожидаемый: образ Александра II в исторических представлениях кубанских казаков // Вестник Российского университета Дружбы Народов. Серия: История России. 2009, № 1. С. 5–12.

¹³⁸ Чиканова Н.А. Анекдоты об Александре II как отражение образа императора в социальной памяти потомков // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых. Вып. 13. Омск, 2009. С. 4–11.

¹³⁹ Шеваренкова Ю.М. «Про царя мне папка рассказывал, он царя видел»: (Образ Николая II в устной народной летописи Серафимо-Дивеевского монастыря) // Традиционная культура: научный альманах, 2011, № 3 (43). С. 107–120.

Еще один возможный подход для исследования – применение количественных методов. И в работе А.В. Новикова «Монархические настроения и образ Николая II в повседневной культуре рабочих, крестьян и городских обывателей в период первой российской революции»¹⁴⁰ проводится количественный анализ требований/лозунгов бастующих рабочих в период 1905-1907 гг. – с учетом социальной принадлежности их авторов и частотности их звучания. Работа приводит свидетельства о том, что образ царя–самодержца (и вера в него) в эти годы были несколько поколеблены, однако безусловно сохраняли свое влияние и поддержку в крестьянской, рабочей, обывательской среде. Она показывает, что необходимость смены политического режима и отрицание абсолютизма в целом было свойственно еще только агитаторам и ряду политических деятелей, но не укоренилось в народной массе.

Прежде чем перейти к методологическому опыту литературы, исследующей непосредственно образы российских правителей в глазах иностранной публики, приведем небольшой очерк представлений и стереотипов иностранцев о России и русских в целом.

Если принять за основу концепцию американского историка М. Малиа, можно говорить о трех хронологически сменявших друг друга дискурсах восприятия России европейскими элитами. Это 1) бытовавшее со средневековых времен представление о России как об экзотической варварской стране, 2) сменившее его после Полтавской битвы (= замены Россией Швеции на арене европейских лидеров) представление о ней как о могущественной державе, управляемой просвещенными деспотами и 3) готовность признать и открыть для себя ее культуру после отмены крепостного права, поставившей Россию в один ряд с «цивилизованными» странами.

Другой вариант периодизации предлагают М. Беллер и Й. Леерссен в работе “Imagology. The Cultural construction and literary representation of national

¹⁴⁰ Новиков А.В. Монархические настроения и образ Николая II в повседневной культуре рабочих, крестьян и городских обывателей в период первой российской революции // Романовские чтения. Династия Романовых и российская культура: материалы конф., Кострома, 25–26 марта 2010 г. / сост. и науч. ред. А.Д. Шипилов. Кострома, 2010. С. 97–105.

characters. A critical survey” [«Имагология. Культурное конструирование и литературная репрезентация национальных характеров. Критическое исследование»]. По их наблюдениям, изначально Россия действительно представлялась западноевропейцам отсталой и малонаселенной землей дворян и крепостных с отсутствием культурных/интеллектуальных достижений и слабой политической организацией, а усредненный образ ее правителя, т.е. самодержавного царя, при этом являл собой в их глазах нечто среднее между неотесанным солдафоном и азиатским деспотом (такой образ особенно укрепился в правление Ивана Грозного). Но и расширение царства, а затем и империи, все преобразования Петра Великого, с точки зрения этих двух авторов, не слишком пошатнули эти первоначальные представления, и лишь политика Екатерины II позволила возникнуть гипотетическому допущению в умах европейских наблюдателей, что, быть может, деспотизм в России, всё же, не чисто азиатский, а просвещенный (сам деспотизм, таким образом, оставался константой образа несмотря ни на что). Это допущение, однако, не отменяло убеждения в отсталости России в глобальном плане, сознание которого лишь усилилось с ее очевидным отставанием в развитии промышленности в XIX веке.

Материалы по отдельным западным государствам лишь подтверждают общие наблюдения. Например, немецкие представления о России, как показывает знакомство с историографией, были связаны с чувством превосходства над ней европейской культуры вкупе со страхом военной мощи русских равно что в петровскую эпоху¹⁴¹, что в период Первой Мировой войны¹⁴². На немецких открытках времен последней, как показывают исследования А.С. Медякова, русские предстают варварами сродни туземцам, сам факт коалиции с которыми со стороны Франции и Англии компрометирует

¹⁴¹ Ермасов Е.В. Петр I и Россия в немецкой публицистике первой четверти XVIII века: дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук (07.00.02). Саратов, 2000.

¹⁴² Медяков А.С. Первая Мировая как «война культур» в немецких, французских и русских открытках 1914–1918 гг. // Франция – Россия, 1914–1918 гг.: от альянса к сотрудничеству (Материалы франко-российского коллоквиума). М., 2015. С. 219–234; Медяков А.С. Война формата 9×14. Открытки в немецкой «культуре войны» 1914–1918 гг. М., 2021.

две последние. При изображении абстрактного русского в данном дискурсе немецкие художники нередко избирали за образец человека с подчеркнута азиатскими («дикарскими») внешними чертами. Ассоциациями с понятием «русский» на этих открытках служили также образы царя, казака и медведя, а ближе к концу войны на передний план выдвинулся дискурс «немецкая чистота против русской нечистоты» – вплоть до санитарно-гигиенических оттенков смысла. Таким образом, обобщающей характеристикой русского в немецких представлениях выступали неразвитость и грязь.

В случае Англии мы, всё же, видим в развитии стереотипов о России определенную динамику. На Туманный Альбион первые отзывы о России проникли через рассказы английских путешественников во времена Ивана Грозного, а затем копилка впечатлений англичан пополнилась визитом к ним Петра Великого со сподвижниками. И тот, и другой опыт соприкосновения с русским оставил у британцев ощущение грубости и деспотизма, которое укрепили последовавшие позднее разделы Польши и печально знаменитое сочинение маркиза де Кюстина «Россия в 1839 г.» Некоторый подъем симпатии к русским со стороны англичан отмечался для периода правления Александра I – связан он был с образами «храбрых крестьян и диковинных казаков», однако уже к концу александровского правления этот позитивный импульс сошел на нет¹⁴³.

По мнению Э.Г. Кросса¹⁴⁴, процесс положительной корректировки мнения англичан о России и русских был вдохновлен лишь переводами на английский русских классиков во второй половине XIX – начале XX вв. Такое мнение подтверждается и дополняется со стороны О. Соболевой и А. Ренна, которые

¹⁴³ Кросс Э. В кривом зеркале: Россия в британской карикатуре в конце XVIII – начале XIX века // Пинакотекa, 2004, № 18–19. С. 74–82; Кросс Э. Британский взгляд на Россию: происхождение, живучесть и изменение национальных стереотипов мышления в период с XVI в. до Крымской войны... С. 29.

¹⁴⁴ Кросс Э. Британский взгляд на Россию: происхождение, живучесть и изменение национальных стереотипов мышления в период с XVI в. до Крымской войны // От Елизаветы I до Елизаветы II: проблемы британской истории в Новое и Новейшее время: сб. статей. Ярославль, 2008. С. 21–32.

исследовали¹⁴⁵ подъем русофильства в британской литературной среде эпохи модернизма, анализируя этот феномен при помощи двух теоретических моделей из социальных наук: ориентализма и понятия «культурный капитал» (объём культурных знаний и представлений в виде понимания и внутренних аргументаций), связанного с Пьером Бурдьё. Их исследование показало, что «ориентализм» (т.е. подход авторов, стремившихся представить Россию «восточной» = «варварской») в эпоху модернизма уступил место восхищению и вдохновению Россией благодаря тому, что Западная Европа узнала «Русские сезоны» Дягилева и произведения русских авторов Серебряного века. И в ту эпоху коннотациями с русской культурой для британской просвещенной публики стали в этой связи внутренняя свобода, полет и созидательность, а сама Россия оказалась в роли собственного подсознания Запада, освобожденного от оков.

В конечном счете, как писал Кросс, «стереотипы английского мышления оказались более долговечными... и говорят не меньше, если не больше, о самих британцах, чем о русских»¹⁴⁶ – мысль справедливая тем более, если обратиться к краеугольному для нашей темы тезису У. Эко: «...Именно наличие Другого с большой буквы даёт возможность каждому из них [мыслящему субъекту] самоотождествиться...»¹⁴⁷. К схожим выводам подводит и исследование¹⁴⁸ Малиа: позиция европейского сообщества по отношению к России далеко не всегда отвечала реальному наличию конфликта, или, наоборот, совпадения интересов с ней, а больше говорила о факте противоречий (или их отсутствия) внутри самого западного мира – о страхах или надеждах Европы в конкретный период.

В зависимости от конкретных политических обстоятельств в своих оценках России/русских колебалась между верой в способность либеральных сил

¹⁴⁵ Soboleva O., Wrenn A. *From Orientalism to Cultural Capital: The Myth of Russia in British Literature of the 1920s*. Oxford, 2017.

¹⁴⁶ Кросс Э. Указ. соч. С. 32.

¹⁴⁷ Эко У. *Отсутствующая структура*. СПб., 2004. С. 421.

¹⁴⁸ Malia M. *Russia under Western eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Masoleum*. Cambridge (Mass.), 1999.

модернизировать Россию и неверием, что в этой стране возможны какие-либо перемены, также американская публика, что видно по книгам В.И. Журавлевой¹⁴⁹ и О.Г. Орловой¹⁵⁰. Дискурс собственной идентичности требовал существования противопоставленного ей «Другого», на роль которого в США были избраны Россия/русские. В.И. Журавлева в своей книге выделяет при этом три уровня контекстов, порождающих клишированные представления о таком «Другом». Это (1) социокультурный контекст, выявляющий основные маркеры идентичности, характерные для общества-наблюдателя в глобальной временной перспективе, (2) конкретная сюеминутная политическая повестка и (3) контекст двусторонних отношений наблюдающей политико-социальной общности с наблюдаемой. О.Г. Орлова, исследуя американскую периодику, показывает устойчивость таких представлений о России и русских, как «демократии/свободы в России нет», «русские любят сильного правителя», «в России ничего не меняется», «Россия – источник войны», «Россия – бедная и отсталая». Среди предметных олицетворений России в глазах американских публицистов выделяются «русский медведь» как символ дикости и буйства, а также водка, баня, снег/зима, тройка (лошадей) и берёза. Глобально можно заметить, что американцы с течением времени всё более оказывались в плену собственных имагологических конструкторов и продолжали выстраивать отношения не с реальной Россией, а со своим образом ее.

Иное дело – представления о России на Востоке, прежде всего – в Китае, на протяжении веков связанном с ней экономическими и политическими контактами. Согласно позиции С.Л. Тихвинского¹⁵¹, основные этапы эволюции образа России в Китае можно выделить следующим образом: 1) первые контакты в эпоху династии Юань, 2) сочинения Цинских авторов XVIII-XIX века, 3) этап присоединения России к колониальной политике в Китае 1858-1917 гг., 4) воздействие Октябрьской революции на представления о России, 5) советский период, причем для большинства этих периодов была характерна

¹⁴⁹ Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914 гг. М., 2012.

¹⁵⁰ Орлова О.Г. Стереотипы о России и русских. Кемерово, 2011.

¹⁵¹ Тихвинский С.Л. Восприятие в Китае образа России. М., 2008.

амбивалентность восприятия России в Китае. Такая периодизация уточняется Н.А. Самойловым, который в работе «Эволюция образа России в Китае в начале XX века: ключевые факторы и методология изучения»¹⁵² выдвигает начало XX века как отдельную веху в формировании образа России в Китае, поскольку китайские революционеры, распространяя материалы о революции в России, с одной стороны, интерпретировали их с позиций своего опыта, а с другой – сознательно преподносили с поправкой на реалии своей страны.

Начало прошлого века, по мысли Самойлова, представляет собой один из ключевых этапов для рассматриваемой эволюции, поскольку внутри колеблющегося между монархией и республикой китайского общества тогда бытовало обостренное стремление найти для себя новые политические и даже социокультурные образцы, а могущественная соседская держава служила естественным объектом анализа. В сознании китайских наблюдателей относительно России соседствовали образ «агрессивного соседа» (во многом в изданиях, находящихся под влиянием таких государств, как Великобритания, Япония и США) и образ страны, богатой духовным наследием; романтический ореол вокруг нее создавался в том числе и благодаря переводам на китайский русской художественной литературы.

На коммунистическом этапе истории Китая, как показывает совместное русско-китайское исследование¹⁵³, позитивный образ России укрепился. Одним из основных направлений конструирования этого образа стали китайские школьные учебники с публикациями произведений русской литературы, рассказов о героях Гражданской и Второй Мировой войн и других выдающихся исторических фигур, рассказы о любви к СССР (а по сути – к России) видных деятелей китайской культуры и о помощи советских людей Китаю, противопоставление Советского союза и США в прессе не в пользу последних

¹⁵² Самойлов Н.А. Эволюция образа России в Китае в начале XX века: ключевые факторы и методология изучения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2019. Т. 11. Вып. 1. С. 28–39.

¹⁵³ Самойлов Н.А., Ли Суйань. Образ Советского союза в китайских учебниках 1950-х годов // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2012. Вып. 4. С. 14–21.

и др. Таким образом, чертами желаемого русского образа в глазах китайского общества виделись надежность, благородство, историческая сила и подлинное (а не «демонстративное», как на Западе) уважение к правам человека.

Теперь, когда был дан очерк сложившихся на фоне истории международных отношений образов России в глазах ряда стран, можно перейти к наработкам исследователей непосредственно об образах российских монархов за рубежом.

В соответствующих работах мы также можем видеть влияние концепции Уортмана – с акцентированием личных качеств монарха в поле идеологического воздействия на публику. Таковы, например, работы Н.А. Самойлова «Образ Петра Великого и идеология реформаторского движения в Китае в конце XIX века»¹⁵⁴, А.А. Митрофанова, Н.В. Промыслова и Е.А. Прусской «Россия во французской прессе периода Революции и Наполеоновских войн (1789-1814)»¹⁵⁵ и М.С. Фабрикант «Интимность империи: образы императоров дома Романовых в белорусской исторической памяти»¹⁵⁶. Во всех них авторы сосредотачивают свое внимание на отборе материалов о личности и деятельности российских монархов стараниями их поклонников (или противников), анализируя, что именно те акцентируют из царских биографий (и для чего им это нужно), каким темам в связи с фигурой монарха уделялось основное внимание, чем, в зависимости от текущих международных отношений, объясняли огрехи этого правителя – личными чертами или внешними факторами.

Подобный подход показал, что за Петром I в глазах китайской элиты закрепился положительный образ реформатора и мудрого правителя огромной державы, поскольку именно такие характеристики она желала видеть в собственном правителе; Александра I – который согласно дипломатическим

¹⁵⁴ Самойлов Н.А. Образ Петра Великого и идеология реформаторского движения в Китае в конце XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 4. С. 107–114.

¹⁵⁵ Митрофанов А.А., Промыслов Н.В., Прусская Е.А. Россия во французской прессе периода Революции и Наполеоновских войн (1789–1814). М., 2019. С. 194–203.

¹⁵⁶ Фабрикант М.С. Интимность империи: образы императоров дома Романовых в белорусской исторической памяти // 400-летие Дома Романовых: политика памяти и монархическая идея, 1613–2013. СПб., 2016. С. 213–231.

планам Бонапарта должен был занять место своего отца как союзника Франции – французские издания вплоть до войны 1812 г. в стиле петровского мифа превозносили как монарха-реформатора, преодолевающего варварство своих подданных, в то время как для авторов белорусского националистического нарратива Романовы одновременно представляли и угнетателями, и своеобразным ориентиром, приближающим к Европе.

Последнее исследование интересно также тем, что сценарии, выделенные Уортманом, по большей части подразумевали ориентацию на ядро империи, в то время как работа М.С. Фабрикант оценивает императорские репрезентации в проекции на национальные окраины. Близкой к ней выступает статья Н.А. Черкасской «Образ Николая I в источниках личного происхождения: русско-польский дискурс»¹⁵⁷, где автор отдельно вычленяет оценки Николая I как польского короля и как российского императора, а также выявляет изменения обоих образов после польского восстания 1830-1831 гг. Подобный подход дает представление о том, что для польских подданных император Николай I представал, с одной стороны, как конституционный монарх по определению, а с другой – как самодержавный на практике, но польское восстание (и реакция на него императора), в конце концов, закрепило второе из этих амплуа. Иными словами, выдвижение на передний план самодержавного образа явилось не причиной этого восстания, а его следствием. Эта двойственность отношения со стороны поляков к российскому императору отчасти вторит рассмотренной М.С. Фабрикант белорусской, что позволяет говорить о восприятии русского царя национальными меньшинствами как об исследовательской проблеме, требующей отдельных подходов.

Одним из таких подходов может служить концепция французского социолога М. Хальбвакса о «мнемонических местах». Пример ее применения к проблеме образа российского самодержца в глазах подвластных ему народов можно видеть в статье Ф.А. Полчаевой и Д.А. Касимова «Образ Петра I в

¹⁵⁷ Черкасская Н.А. Образ Николая I в источниках личного происхождения: русско-польский дискурс // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2021, т. 6, № 2. С. 24–29.

исторической памяти населения Дагестана»¹⁵⁸, где для определения роли Петра I в исторической памяти дагестанских народов исследователи выделили на территории Дагестана ряд «мест памяти», связанных с именем этого императора, и оценили их эмоционально-смысловое содержание. Интересно, что и это исследование, проведенное отличными от описанных в предыдущих абзацах методами, обнаружило в отношении русского правителя дихотомию: Петр I остался в глазах дагестанского народа как захватчиком и разорителем, так и крупным государственным деятелем, сыгравшим заметную роль в развитии русско-дагестанских отношений.

Однако отдельно стоит остановиться на подходах, применяющихся авторами для исследования образов русских монархов в английской и немецкой прессе, поскольку этот вопрос имеет непосредственное значение для данной диссертации. В качестве примера таких работ рассмотрим книгу Э.Г. Кросса “Peter the Great through British Eyes”¹⁵⁹ [«Английский Петр. Петр Великий глазами британцев XVII—XX веков»], диссертацию Е.В. Ермасова «Петр I и Россия в немецкой публицистике первой четверти XVIII века»¹⁶⁰, а также статьи В.С. Еремина «Образ российских императоров на страницах шотландского ежеквартального книжного обозрения "The Edinburgh Review" в первой четверти XIX в.»¹⁶¹ и О.И. Галкиной «"Царь-миротворец" и "отец народа": образ Николая II на страницах британской прессы в конце XIX – начале XX вв.»¹⁶².

¹⁵⁸ Полчаева Ф.А., Касымов Д.А. Образ Петра I в исторической памяти населения Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16. № 4. С. 888–899.

¹⁵⁹ Cross A.G. Peter the Great through British Eyes. 2000.

¹⁶⁰ Ермасов Е.В. Петр I и Россия в немецкой публицистике первой четверти XVIII века: дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук (07.00.02). Саратов, 2000.

¹⁶¹ Еремин В.С. Образ российских императоров на страницах шотландского ежеквартального книжного обозрения "The Edinburgh Review" в первой четверти XIX в. // Гуманитарные и юридические исследования, 2018. С. 43–51.

¹⁶² Галкина О.И. «Царь-миротворец» и «отец народа»: образ Николая II на страницах британской прессы в конце XIX – начале XX вв. // «Свои» и «другие»: взаимодействие и восприятие культур Запада и России: к юбилею Виктора Леонидовича Малькова. СПб., 2020. С. 275–296.

Авторами этих работ прослеживаются характерные черты образов русских монархов в изложении иностранной прессы, в структуре которых наряду с частными суждениями выделяются архетипические и стереотипные представления. Для объяснения дистанции между мифологизированными и реальными историческими образами монархов привлекаются сведения о политической ориентации конкретных периодических изданий, которая безусловно влияла на отбор фактов корреспондентами. В целях реконструкции образа того или иного монарха исследователи выявляют его наиболее значительные действия и события с его участием, получившие освещение в иностранной прессе, и прослеживают ключевые слова и темы, рядом с которыми в текстах периодики соседствует имя монарха (например, (Петр I – Петербург, Екатерина II – просвещение, Крым, Александр I – политические события на мировой арене). При этом из массы разноплановых газетных или журнальных заметок отбирается однотипная информация для контент-анализа. Немаловажным является также «декодирование» этой информации, необходимое в силу ярко выраженной субъективности источника: определение подлинности связанных с именем монарха сведений, цели и обстоятельств их публикации.

По результатам проведенных таким образом исследований можно говорить о том, что Петр I при жизни виделся иностранной публике олицетворением просвещенного монарха, однако впоследствии, на новом этапе осмысления, в посвященных ему заметках стала звучать критика грубости и резкости его преобразований (вывод, к которому параллельно пришли Э.Г. Кросс на английском материале и В.С. Ермасов на немецком; соответствующие труды обоих авторов вышли в один год). Э.Г. Кросс, в частности, обращает внимание на общий негативный тон восприятий Петра I очень разными по направленности периодическими изданиями: «...Исторический Петр – это порочное, жестокое, черствое чудовище, распущенный пропойца, хотя и одаренный организационным гением и любовью к науке и изобретениями, позволившей ему стать величайшим из строителей империй, каких только свет

видел» (“Times”); «Тиран с неодолимой волей и глубокой проницательностью» (“The Athenaeum”); «...Сделать из него настоящего героя невозможно. Бесспорно, это невероятная случайность, что русский, принимающий цивилизацию так, как мальчик с воображением коробку с игрушками, родился настолько свободным от средневековых предрассудков и суеверий, словно американский миллионер XIX века» (“Saturday Review”)¹⁶³. Таким образом, обобщенный образ Петра I в глазах британской публики – это образ «европейца по уму, азиата в забавах, дикаря в ярости».

Для данной же диссертации отдельно примечательным является прослеживающийся за всеми этими разноплановыми оценками троп превосходства британцев над другими (в частности, над русскими), который будет оказывать влияние и на оценки с их стороны других правителей. Это подтверждают также статьи В.С. Еремина и О.И. Галкиной (первый из них опирался на материалы одного из наиболее влиятельных шотландских изданий первой четверти XIX в. – литературно-критического журнала “The Edinburg Review”, в публикациях которого, посвященных книгам о России, находили отображение и фигуры императоров; вторая – на английские газеты рубежа XIX-XX вв.). Российские правители наделялись британскими обозревателями такими личными характеристиками, которые позволяли отнести их к просвещенным, передовым монархам, но с другой стороны, сама политическая модель Российской империи, властные отношения в русском обществе нередко сравнивались с принципами управления деспотичной Турцией. И то, и другое позволяло им ставить вопрос о перспективах перемен в России и о роли в этих процессах личности правителя.

Первоначально (как показывают оба названных исследования) – в первые годы правления монарха – британская пресса «присматривалась» к нему, стремясь решить, насколько эта личность уместна в роли самодержца; оценки журналистов в ту пору были предельно сдержанны и максимально осторожны.

¹⁶³ Cross A.G. Peter the Great through British Eyes. P. 178–179.

В дальнейшем же создаваемые на страницах британских периодических изданий образы русских правителей не были столь статичны.

Что касается Александра I, то отношение к нему на страницах “The Edinburg Review” от «великодушного освободителя Европы», с которым связывали надежды в 1814 г., пошатнулось до разочарования, когда Польша так и не была восстановлена в качестве самостоятельного королевства. Забегая вперед, можно заметить, что во многом схожие тенденции мы увидим и относительно образа Александра I в представлении английских газет. Схожую ситуацию мы видим и в случае Николая II: идея проведения Гаагской конференции в свое время определила использование британскими корреспондентами применительно к нему эпитета «миротворец» – вероятно, в свете преобладания публикаций, посвященных именно внешней, а не внутренней политике России. Однако образ российского императора в необходимые моменты легко становился и орудием русофобской пропаганды (это наглядно проявилось в период русско-японской войны и на начальном этапе революции 1905 года; тогда массовому сознанию стал навязываться образ «Николая Кровавого/Николая Последнего»). Дарование Николаем II Октябрьского манифеста, в свою очередь, для консервативной и либеральной прессы оказалось достаточной сатисфакцией за события Кровавого воскресенья, и в публикациях изданий несоциалистической направленности начал вновь конструироваться его образ как «отца народа», действующего в интересах своих подданных.

Таким образом, на основании опыта историографии, можно выделить следующие методологические вопросы при изучении образов самодержавных монархов в глазах публики:

- в каком символическом поле разворачивалась деятельность монарха;
- какова была эволюция его репрезентаций во времени, какова была взаимосвязь перманентных и меняющихся элементов в его образе;
 - какие личные качества монарха имели значение при воздействии на публику;

- какие факты из биографии монарха выбирались для презентации, а какие оставлялись в стороне – и какое влияние на отбор фактов оказывала эпоха, а какое – национальная культура и историческая традиция данного общества;

- с какими ожиданиями мог быть связан выбор качеств для репрезентации монаршего образа;

- как соотносятся преобладающие характеристики монарха в изложении различных групп и на фоне каких событий эти характеристики претерпевают изменения (если претерпевают);

- какие коннотации несет в себе связанная с именем монарха топонимика;

...кроме того, при исследовании непосредственно газетных материалов как массового источника актуальными могут быть также следующие вопросы:

- какие темы подаются в связке с именем монарха в газетных публикациях;

- какие количественные характеристики можно выявить при анализе этих публикаций?

Ограниченно мы можем применить также опыт изучения изобразительных источников, поскольку изредка в газетах встречаются гравюры (или их описания), однако в основном в работе будут применены изложенные выше подходы для анализа письменных источников и прежде всего – периодики.

1.2. Иностранная пресса первой четверти XIX века как источник по истории России

Родиной журналистики считается Великобритания – именно в ней еще в эпоху Раннего Нового времени появились первые газеты. Почему именно там? В историографии выделяется¹⁶⁴ несколько причин. Еще с середины XII века эта страна, будучи на передовом крае науки, дает миру выдающихся ученых, становится несомненным лидером технического прогресса и промышленного развития. В силу географического положения Британия вынужденно обзаводится самым большим торговым и военно-морским флотом, становясь мощнейшей колониальной империей – и это определяет активную циркуляцию информационных потоков в ее пределах, а равно спрос на известия о торговой

¹⁶⁴ Бессчастная Е.В. Указ. соч. С. 283–284.

конъюнктуре и политическом положении в разных уголках мира. При этом государство к тому времени отличается крепкими правовыми традициями и развитой законодательной системой, что подразумевает определенный уровень общественно-политического сознания. Неудивительно поэтому, что уже в 1588 г. в свет выходит первый номер «English Mercury» – что по мнению британской историографии знаменует собой зарождение периодической печати у них в стране¹⁶⁵ (по мнению российских исследователей, годом ее начала следует считать 1622 г., когда появляются “Weekly news”, которые начинают издаваться уже регулярно, содержат само слово «новости» непосредственно в названиях памфлетов, а для большинства их публикаций прописана дата выхода и порядковый номер¹⁶⁶).

В своем развитии британской журналистике суждено было пройти путь от рукописных листков (изначально однополосных, в две колонки, появлявшихся от случая к случаю) до иллюстрированных печатных журналов и газет, отвечающих современным представлениям. При этом с самого начала пресса Англии выполняла сразу три функции: служила средством информации, являла собой коммерческое предприятие (т.к. публика искала новостей и развлечений и готова была за них платить), а также выступала орудием политической борьбы. Все эти тенденции под влиянием английской прессы воспримет вслед за ней и пресса других европейских стран¹⁶⁷. Однако остановимся на последней из названных функций.

В преддверии Английской буржуазной революции заложенные в прессу потенции стала понимать и использовать в своих интересах как формирующаяся буржуазия, так и старая аристократия. Монархия при этом силилась противостоять тому воздействию, которое оказывали на общество подозрительные подстрекательские “newsletters” и памфлеты, посредством суровых законодательных ограничений. Запрещено было публиковать новости о жизни в стране (в связи с чем пресса ориентировалась на освещение

¹⁶⁵ Свиридова А.С. Указ. соч. С. 102.

¹⁶⁶ Бессчастная Е.В. Указ. соч. С. 285.

¹⁶⁷ Там же.

зарубежных событий), за исполнением этого запрета надзирала особая «Звездная палата»¹⁶⁸. В 1641 г. данный орган был упразднен и пресса обрела возможность освещать внутренние события (в связи с чем начали появляться и новые периодические издания – “Mercurius britannicus”, “Mercurius politicus”, “Courants”), однако не абсолютную цензурную свободу – власти и дальше принимали отдельные постановления и законы о цензурировании печати¹⁶⁹.

Позиции прессы упрочила революция 1640-1660 гг.¹⁷⁰, но наиболее мощный удар цензуре нанесен был Славной революцией 1688 г. с принятием Билля о правах – по сути, гарантии свободы слова. В начале XVIII века возникает первая ежедневная газета “Daily courant”, выходившая на коммерческих началах¹⁷¹, затем возникает новый жанр – репортаж с места событий (считается, что его родоначальником был Даниэль Дефо, который в своей газете “Revue” публиковал истории из жизни на основе личных наблюдений и опроса очевидцев¹⁷²). В конце века, в рамках развития этого жанра, английские журналисты и вовсе стали требовать права присутствовать на парламентских заседаниях, чтобы доводить до читателей отчеты о дебатах из первых рук¹⁷³. Впрочем, консервативное правительство не сдавалось; в частности, его орудием с XVIII века был «налог на знание», на практике подразумевавший запрет на распространение газет и брошюр вигов, использовавших газеты как инструмент воздействия на общественное мнение¹⁷⁴.

К интересующему нас периоду – началу XIX века – особенностью периодической печати в Англии стало массовое появление т.н. «вестников рекламы» – “advertisers” (“Daily advertiser”, “Public advertiser” и др.). Их первые и последние полосы (занимавшие примерно 50% газетного выпуска) были заполнены рекламой, а прочее пространство отводилось под новости культуры

¹⁶⁸ Свиридова А.С. Указ. соч. С. 102.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Бессчастливая Е.В. Указ. соч. С. 286.

¹⁷¹ Свиридова А.С. Указ. соч. С. 102–103.

¹⁷² Свиридова А.С. Указ. соч. С. 103.

¹⁷³ Свиридова А.С. Указ. соч. С. 101.

¹⁷⁴ Aspinal A. Politics and the Press. 1780–1850. L., 1949. С. 47.

и политики, а также письма читателей. Такой процент рекламы на газетных страницах можно было бы объяснить желанием издателя привлечь дополнительные доходы, однако истинные причины этого явления были глубже и скрывались в области всё той же борьбы прессы и цензуры властей. Дело в том, что размещение столь большого объема рекламных объявлений приводило к восприятию конкретной газеты как коммерческого, а не политического, издания, отводя от нее пристальное внимание правительства¹⁷⁵. Другим способом самозащиты английской прессы в этих условиях был принцип анонимности, который сохранился в ней до середины XX века¹⁷⁶: газетные и журнальные материалы публиковались без подписи, публике оставалось известным лишь имя издателя.

Если Англии принадлежит пальма первенства в вопросе появления газет в целом, то Германия является родиной первой печатной, а не рукописной, газеты. Это было издание “Relation aller Fürnemmen und gedenckwürdigen Historien”, которое в немецком на тот момент Страсбурге с 1605 года издавал типограф Иоганн Каролус, которому пришла в голову идея агрегировать рукописные известия о последних событиях, полученные из различных источников, и печатать их раз в неделю¹⁷⁷. В 1610 своя газета появилась в Базеле, в 1615 – во Франкфурте, в 1617 – в Берлине, в 1618 – в Гамбурге. В 1650 году в Лейпциге возникла первая (или, во всяком случае, первая известная) ежедневная газета, “Einkommende Zeitungen”. В целом, как считается, к концу XVII века в немецких землях выходило 60-80 газет¹⁷⁸. В основном газетные издательства размещались в больших торговых городах. Половина публикуемых сведений приходилась на долю политики, и прежде всего – на придворные известия, поскольку газеты в качестве передатчика информации использовали княжеские дворы. Последняя особенность напрямую связана с

¹⁷⁵ Whale J. Journalism and Government. L., 1972. С. 22.

¹⁷⁶ Свиридова А.С. Указ. соч. С. 106.

¹⁷⁷ Weber J. Strassburg, 1605: The origins of the newspaper in Europe // German History, 2006, № 24(3). P. 387–412.

¹⁷⁸ Stöber R. Deutsche Pressegeschichte, von den Anfängen bis zur Gegenwart. 2. überarbeitete Auflage. 2005. S. 70.

политической спецификой немецких земель в Новое время: Германия была не просто раздроблена, но раздроблена на множество нередко очень маленьких и скромных дворов, которым было накладно иметь собственную сеть корреспонденции и которые поэтому прибегали к газетам при желании известить о чем-то другие такие же дворы.

В XVIII веке на фоне этого расцветает такой особый вид немецких газет, как “Intelligenzblatt” – «газета спроса и предложения», или «газета частных объявлений» (с поправкой на то, что большинство объявлений там были, всё же, не частными)¹⁷⁹. Наряду с основной своей тематикой эти издания печатали указы правительства, постановления суда, местные новости, торговые известия, объявления о вакансиях, списки посетивших местность иностранцев, денежные курсы и цены на товары, прогноз погоды, призовые вопросы академий, новости культурной жизни, литературные произведения и трактаты по экономике (включая практические вопросы сельского хозяйства).

В 1749 г. прусский король Фридрих II – полагая, что пресса склоняет общественное мнение не в пользу его милитаристских замыслов – ввел заметные ограничения для политической прессы; в 1788 г. при его преемнике Фридрихе Вильгельме II был издан указ, согласно которому цензуре подлежали не только политические, но и научные периодические издания¹⁸⁰. Результатом жестких цензурных рамок стало то, что к началу XIX века немецкая пресса отличалась рафинированным изложением фактов, практически не обрамленных комментариями, а значительную часть газетных материалов составляли письма, авторы которых сообщали о тех или иных событиях¹⁸¹.

Импульс политическим обсуждениям в немецкой прессе придала было французская революция 1789 г. – тогда литературно-эстетические заметки во многих изданиях уступили приоритет текущей повестке, – но уже в 1810 г. (т.е., вскоре после разгрома Пруссии Францией), Наполеон ввел строгую цензуру

¹⁷⁹ Подробнее о таких газетах см.: Böning H. Intelligenzblätter in Preußen // Bernd Sösemann (Hg.): Kommunikation und Medien in Preußen vom 16. Bis zum 19. Jh. 2002. S. 207–238.

¹⁸⁰ Трыков В.П. Указ. соч. С. 130.

¹⁸¹ Трыков В.П. Указ. соч. С. 130–131.

для немецких газет, а еще годом позже немецким периодическим изданиям и вовсе под страхом немедленного закрытия было воспрещено публиковать политическую информацию за рамки той, что печаталась во французском “Moniteur” (нарушившая это постановление заметная в свое время газета “Die Kölnische Zeitung” в самом деле была закрыта)¹⁸². Забегая вперед, можно отметить, что именно поэтому ни одна немецкая газета не решится оповестить публику о поражении Наполеона в России, пока освободительные русские войска не ступят на немецкую землю – а как известно, с 1806 года под его властью находились Бавария, Вюртемберг, Баден, Гессен-Дармштадт, Клеве-Берг, Нассау¹⁸³ и Гамбург¹⁸⁴, с 1811 – Ольденбургское герцогство¹⁸⁵.

Однако на этом цензурный гнет для немецкой прессы в рассматриваемый период также не заканчивается. 1819 год, когда были приняты вводившие предварительную цензуру для всей Германии Карлсбадские указы, открыл эпоху почти тридцатилетней полицейской борьбы против печати – самую обширную в истории немецкой печати¹⁸⁶. Всё это определяет тот факт, что используемая в данной диссертации немецкая пресса будет куда «благоденнее», чем завоевавшая себе свободы английская. Впрочем, в немецкой историографии в области истории печати и цензуры первой половины XIX века существует мнение¹⁸⁷, согласно которому все эти репрессивные меры в адрес периодической печати были, всё же, относительно неэффективны, благодаря чему в газетном поле Германии и в ту эпоху раздавались отважные голоса.

Как важный элемент европейской геополитики, Россия получала заметное освещение в европейской прессе. Особую потребность быть в курсе российских новостей питала британская публика, поскольку англо-русские отношения

¹⁸² Трыков В.П. Указ. соч. С. 131–132.

¹⁸³ Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя: Монография. /Пер. с англ. Н.Б. Черных-Кедровой. М., 1999. С. 280.

¹⁸⁴ Чандлер Д. Указ. соч. С. 311.

¹⁸⁵ Чандлер Д. Указ. соч. С. 456.

¹⁸⁶ Blumenauer E. Op. cit. S. 1.

¹⁸⁷ Breuer D. Stand und Aufgaben der Zensurforschung // Herbert G. Göpfert/Erdmann Weyrauch (Hrsg.). "Unmoralisch an sich...". Zensur im 18. und 19. Jahrhundert. Wiesbaden, 1988. S. 37–60.

редко бывали союзническими. Достаточно вспомнить о том, как в 1719 г. английская эскадра осуществляла блокаду недавно созданного российского флота на базах в Ревеле и Кронштадте¹⁸⁸, а Россия, в свою очередь, в начале следующего века участвовала в континентальной блокаде Англии. Свою роль играло непримиримое соперничество двух держав за влияние на Балтике, в Северной Германии, а также неприятный англичанам устойчивый австро-русский союз, являвшийся долгие годы основой русской политики в Европе. Полтавская битва и ее следствия спровоцировали начало пропагандистской войны, частью которой была война памфлетная¹⁸⁹. В частности, в 1713 г. вышел памфлет Д. Дефо «Положение британской нации», в котором в адрес российского правителя употреблялись резкие уничижительные определения – на что Русская торговая компания отозвалась требованием наказать памфлетиста, нанесшего удар по англо-русским отношениям (в том числе торговым). Дефо был вынужден оправдаться¹⁹⁰. Впоследствии отношения двух стран омрачала также перманентная борьба за влияние на Босфоре, на северных границах Британской Индии и на Дальнем Востоке¹⁹¹.

Какие сведения зарубежная пресса давала по российской тематике в первой четверти XIX века? Нельзя отрицать, что подчас иностранные газеты не сообщали о российской действительности ничего, кроме своих о ней стереотипов. Особенно заметно это в том случае, когда издание не располагало собственными источниками информации и публиковало исключительно повторы чужих новостей, отбирая их в соответствии со своей программой. Пример тому мы видим в “*Courrier de l’Egypte*” – периодическом издании наполеоновской армии в Египте (см. статью Е.А. Прусской «Образ России в

¹⁸⁸ Кросс Э.Г. У Темзских берегов: Россияне в Британии в XVIII веке [Пер.с англ.] СПб., 1996. С. 6.

¹⁸⁹ Соколов А.Б. Прав ли Маркс?: Заметки о британской политике по отношению к России в XVIII веке // Родина, 2014, № 10. С. 11.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Кросс Э.Г. У Темзских берегов... С. 6.

прессе Восточной армии Бонапарта (1798-1801 годы)¹⁹²). Поскольку судьба французских войск в Египте во многом зависела от соотношения в Восточном Средиземноморье сил Франции, Великобритании и России, издание находило полезным сообщать новости из политической жизни не только своей страны, но и двух других великих держав. И по мере того, как на рубеже XVIII-XIX веков менялось это соотношение сил, качественные изменения претерпевал, в частности, и образ России на страницах “*Courrier de l’Egypte*”. Когда Россия была военной противницей Франции, ее негативный образ был призван настраивать солдат Наполеона на борьбу с ней; когда она стала союзницей, появился ее позитивный образ, призванный поднять боевой дух деморализованных солдат свидетельствами союзной мощи. Иными словами, не давая историку каких-то уникальных сведений по части происходящего в России, подобное издание позволяет наглядно проследить состояние русско-французских отношений в конкретный, даже самый узкий, период, за счет анализа того, какие именно заметки о России в нем печатались и когда.

Но если в периоды обострения международных отношений и начала военных действий (с участием России) на газетных страницах преобладали пропагандистские материалы, то в периоды затишья – либо же в случаях, если конкретное правительство строго надзидало за контентом периодических изданий и не поощряла публикацию политических суждений – читатель мог познакомиться с весьма широким перечнем материалов, раскрывающим жизнь в России с разных сторон. Так, в книге А.А. Митрофанова, Н.В. Промыслова и Е.А. Прусской «Россия во французской прессе периода Революции и Наполеоновских войн (1789-1814)»¹⁹³ показано, что периодическая печать времен Консульства и Империи не обладала самостоятельностью в публикации политических известий, в связи с чем обратилась к освещению новостей искусств и наук. Относительно российской тематики публиковались выдержки

¹⁹² Пруская Е.А. Образ России в прессе Восточной армии Бонапарта (1798–1801 годы) // Новая и новейшая история, 2012, № 4. С. 176–182.

¹⁹³ Митрофанов А.А., Промыслов Н.В., Пруская Е.А. Россия во французской прессе периода Революции и Наполеоновских войн (1789–1814). М., 2019.

из литературно-научных альманахов, рецензии на посвященные России пьесы, анонсы новых сочинений из категории россики, отрывки из исторических произведений о российских императорах предыдущего века, географические и статистические описания различных краев и областей Российской империи, сведения об изобретениях русских ученых и их практическом применении... На основании как публикаций из иностранной прессы (английской, немецкой, голландской, русской, шведской, польской), так и частной переписки торговых и финансовых агентов, а также дипломатических депеш, французские газеты печатали статистическую, инженерную и историческую информацию о развитии русской армии и флота, проводимых в России сухопутных и морских учениях, рекрутских наборах и повседневной жизни кадровых частей русской армии. Подобные сведения представляются уже куда более ценными и уникальными в сравнении с тиражируемыми новостями политики и в силу оригинальности происхождения могут быть учтены в совокупности с другими источниками по одной из перечисленных тематик.

При этом, разумеется, в ряде случаев (прежде всего, при анализе газетных публикаций на историческую тематику) необходимо принимать во внимание наложение архетипических представлений авторов. Базовый пласт этих представлений, сложившийся в XVI-XVII вв, как уже отмечалось в предыдущем параграфе, подразумевал идеи о своеобразном «северном варварстве» россиян, живущих в рабстве и невежестве (другой вариант – в невообразимой развращенности на фоне исповедания «греческой» веры и восточной роскоши царского двора), а также о традиционной и неискоренимой агрессивности внешнеполитических appetitов русских царей (при том, что образ России всегда был для западных наблюдателей предельно персонифицирован и внимание прессы, соответственно, было приковано к монархам прежде всего). Из числа представлений, привнесенных политической повесткой рубежа XVIII-XIX вв., следует иметь в виду планы по завоеванию Османской империи (или, по крайней мере, черноморских проливов), создание мощного флота в Средиземном море, интенции влиять на положение дел в

немецких княжествах и установить свою власть над польско-литовскими землями¹⁹⁴.

Еще один аспект, который необходимо принимать во внимание, прилежит, скорее, к анализу публикаций европейских газет о современных на момент их выхода событиях: журналисты могли сознательно исказить даже статистические данные в соответствии со своими задачами воздействия на публику; так, например, как иллюстрирует «Россия во французской прессе периода Революции и Наполеоновских войн (1789-1814)», в канун войны с Третьей коалицией во французских газетах отмечалось занижение французских (и равно завышение русских) боевых потерь.

Если обратиться теперь к английским и немецким газетам, которые составляют источниковую базу данной диссертации, то и на их страницах также можно проследить неослабевающий интерес к российской тематике в целом (следующие подсчеты сделаны на основании газетного фонда Баварской государственной библиотеки¹⁹⁵ и Британской библиотеки¹⁹⁶).

К началу рассматриваемого периода в Великобритании выходило 76 газет, из которых политические новости публиковало 75, а, уже, внешнеполитические – 73. В землях Германии эти цифры равнялись, соответственно, 28, 19 и 17. К концу периода в Великобритании в целом насчитывалось 120 газет, из которых политические новости публиковало 120, причем внешнеполитические из них – 119. В землях Германии эти цифры соответственно составляли 52, 31 и 30.

При этом среди английских газет выходили

- 6 раз в неделю:

Morning Advertiser, Public Ledger and Daily Advertiser, Saunders's News-Letter, and Daily Advertiser, Statesman (London), The British Press, The Globe, The Morning Herald (London), The Morning Post, The New Times (London), The Star, The Sun

¹⁹⁴ Митрофанов А.А., Промыслов Н.В., Прусская Е.А. Указ. соч. С. 57, 74, 76, 108.

¹⁹⁵ Das Zeitungsportal der Bayerischen Staatsbibliothek [сайт]. URL: <https://digipress.digitale-sammlungen.de> (дата обращения: 19.02.2022).

¹⁹⁶ The British Newspaper Archive [сайт]. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk> (дата обращения: 19.02.2022).

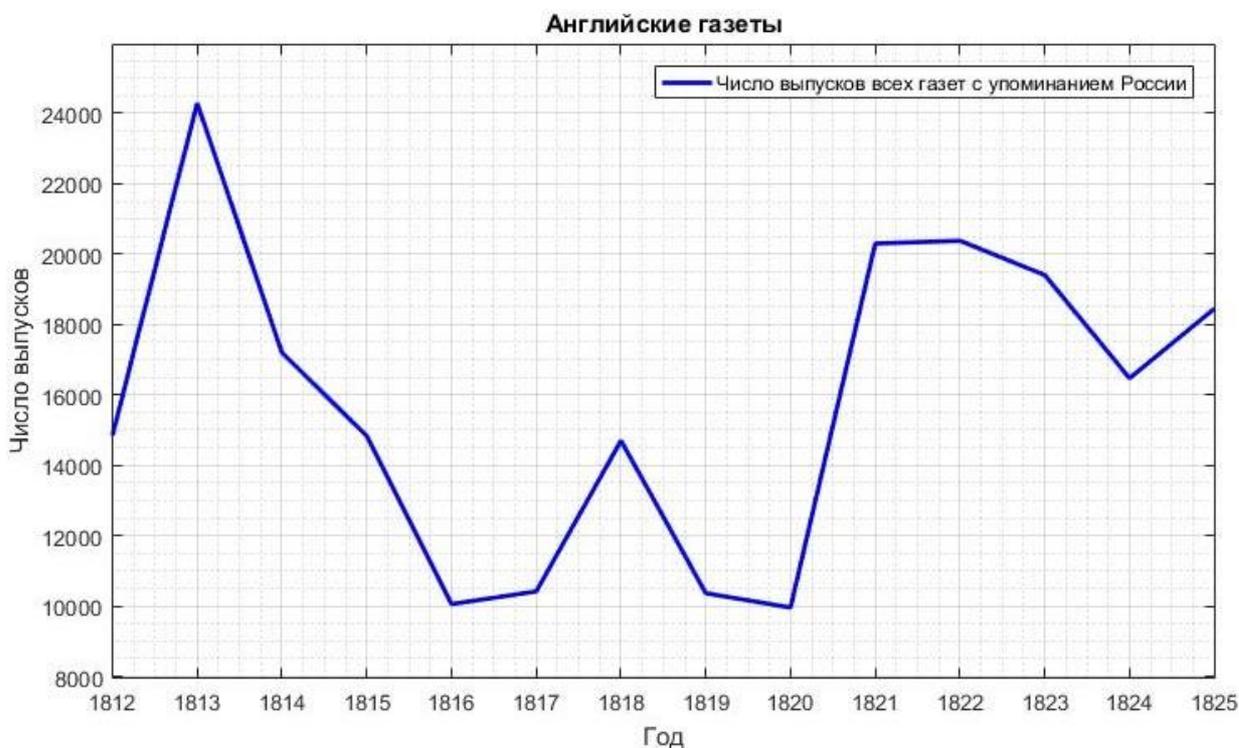
- 5 раз в неделю:
Dublin Morning Register
- Трижды в неделю:
Caledonian Mercury, Commercial Chronicle, Evening Mail, London Chronicle, Saint James's Chronicle, The Dublin Evening Post, The English Chronicle and Whitehall Evening Post, The London Packet and New Lloyd's Evening Post
- Дважды в неделю:
Bell's Weekly Messenger, Kentish Weekly Post or Canterbury Journal, The Barbados Mercury and Bridge-town Gazette, The Champion (London), The National Register (London), The News (London), The Scotsman, The Waterford Mail
- Раз в неделю:
Aberdeen Press and Journal, Anti-Gallican Monitor (British Monitor), Baldwin's London Weekly Journal, Belfast Commercial Chronicle, Bell's Life in London and Sporting Chronicle, Birmingham Chronicle, Bombay Gazette, Bristol Times and Mirror, Chester Chronicle, Chester Courant, Cobbett's Weekly Political Register, Cumberland Pacquet, and Ware's Whitehaven Advertiser, Derby Mercury, Dorset County Chronicle, Durham County Advertiser, Government Gazette (India), Hampshire Chronicle and Southampton Courier, Hampshire Telegraph, Hereford Journal, Inverness Journal and Northern Advertiser, Hull Packet, Lancaster Gazette, Leicester Chronicle, Liverpool Mercury, London Moderator and National Adviser, Manchester Mercury, Norfolk Chronicle, North Devon Journal, Nottingham Gazette, and Political, Literary, Agricultural & Commercial Register for the Midland Counties, Perth (Perthshire) Courier, Public Cause, Roscommon & Leitrim Gazette, Royal Cornwall Gazette, Staffordshire Advertiser, The Taunton Courier, and Western Advertiser, The Tyne Mercury, or Northumberland and Durham and Cumberland Gazette, Warwick and Warwickshire Advertiser, Weekly Dispatch (London), Westmeath Journal, The Westmorland Advertiser and Kendal Chronicle, The Westmorland Gazette and Kendall Advertiser, The Belfast Commercial Chronicle, The Bristol Mercury, The British Luminary And Weekly Intelligencer, The Bury and Norwich, The Cambridge Chronicle and Journal, The Constitution, The Derby

Mercury, The Dublin Mercantile Advertiser, and Weekly Price Current, The Examiner, The Imperial Weekly Gazette and Westminster Journal, The Leeds Intelligencer, The Leeds Mercury, The Manchester Guardian, The Manchester Mercury, The Mirror of the Times, The Northampton Mercury, The Oxford University and City Herald, The Salisbury and Winchester Journal, The Stamford Mercury, The Suffolk Chronicle, or Weekly General Advertiser & County Express
...среди немецких –

- ежедневно:
Allgemeiner Anzeiger der Deutschen, Allgemeine Zeitung, Bremer Zeitung, Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, Leipziger Literaturzeitung, Neckar-Zeitung, Westphälischer Moniteur
- 6 раз в неделю:
Allgemeine Literatur-Zeitung, Aschaffenburgische Zeitung, Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten, Baierische National-Zeitung, Bayreuther Zeitung, Der Friedens- u. Kriegs-Kurier, Fränkischer Merkur, Jenaische allgemeine Literatur-Zeitung, Kourier an der Donau, Morgenblatt für gebildete Stände, Münchener politische Zeitung, Oppositions-Blatt oder Weimarische Zeitung
- 5 раз в неделю:
Literarisches Wochenblatt, Zeitung für die elegante Welt
- 4 раза в неделю:
Neue Breslauer Zeitung, Neuer rheinischer Merkur, Neueste Weltbegebenheiten, Regensburger Zeitung, Rheinische Blätter
- Раз в два дня:
Rheinischer Merkur
- Трижды в неделю:
Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen, Der bayerische Volksfreund, Neue Speyerer Zeitung
- Дважды в неделю:
- Erlanger Real-Zeitung

- Раз в неделю:
- Bauern-Zeitung aus Frauendorf, National-Zeitung der Deutschen
- Без четкой системы, по мере накопления новостей:
- Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, Deutsche Blätter, Deutscher Beobachter oder privilegierte hanseatische Zeitung, Eos: eine Zeitschrift aus Baiern, zur Erheiterung u. Belehrung, Hamburgisches Morgenblatt

Если задаться целью подсчитать число упоминаний России во всех этих газетах (суммированных английских и суммированных немецких) за рассматриваемый нами период, то получатся следующие графики.

При схожем рисунке графиков (= схожей динамике упоминаний России) почти на порядок превосходящие числа у англичан по сравнению с немцами объясняются в несколько раз большим у них числом самих газет. При этом можно заметить, что первый скачок интереса в немецкой прессе на рассматриваемом временном промежутке происходит к 1814 году, в то время как у англичан это происходит на год раньше. Объяснение этому можно предположить в плоскости признания России на международной арене, которое в эти годы у англичан и немцев происходило не одновременно, поскольку в 1812-1813 гг. немецкие земли еще находились под властью Наполеона и, как уже было отмечено, не могли себе позволить повышенный интерес к России, в то время как та к началу 1813 года заявила о себе изгнанием французской армии из своих пределов и закономерно приковала к себе взгляды англичан. Всплеск же публикаций о России в немецких газетах в 1819 г. можно объяснить произошедшим тогда убийством агента А. Коцебу, который вел в берлинских изданиях пророссийскую пропаганду (треть всех записей за тот год пришлась в немецкой прессе именно на март, когда он был убит).

Однако большинство подъемов и провалов интереса к России на графиках увязываются с динамикой заинтересованности газетчиков в фигуре Александра

I, поскольку, как мы помним, для европейской прессы Россия персонифицировалась в образе ее правителя. Поэтому, забегаая вперед, эту динамику можно прокомментировать в прямой связи с восприятием деятельности российского императора. Так, самым плодотворным с точки зрения публикаций о России в английских газетах 1818 г. был октябрь, когда в разгаре был первый конгресс созданного Александром I Священного союза; пики публикаций 1821-1822 гг. и у немцев, и у англичан пришлись на время всколыхнувших Европу революций, в связи с которыми, как будет показано в дальнейшем, решительных шагов ждали именно от русского монарха.

Что касается снижения уровня публикаций, то и в немецкой, и в английской прессе мы наблюдаем его к 1816 г. – когда ажиотаж вокруг александровских побед над Наполеоном, очевидно, спал. В этом году Европа, в частности, испытала катастрофический неурожай вследствие аномально холодного лета и тысячи людей в ней оказались на грани голодной смерти; с российской стороны ей тогда была оказана заметная помощь хлебом из западных губерний – однако скудные известия об этом в прессе приводятся без упоминания лично Александра I, чьим благодеянием была эта помощь¹⁹⁷. С другой стороны, от этого года на графике заметен новый подъем посвященных России публикаций – и связан он, очевидно, с проникшей в информационное поле новостью об образовании Священного союза. Но к 1820 г. общественность успеет разочароваться в ожидании каких-либо реальных действий от последнего – и число повествующих читателям о русском мире публикаций вновь придет к минимуму. При этом с 1820 г. сразу в нескольких странах начнут развиваться революционные события в Испании и Италии, в самой России произойдет восстание Семеновского полка – и график публикаций начнет расти, что и приведет к пикам 1821-1822 гг. Наконец, последний спад посвященных России публикаций мы видим к 1824 г., когда в общественной полемике наступило определенное затишье в связи с подавлением революций и общим разочарованием в первых лицах, за это подавление ответственных.

¹⁹⁷ Bury and Norwich Post, 1816, 18th December, p. 4.

Нужно отметить, что положенные в основу графиков подсчеты стали возможны благодаря высокому уровню цифровизации библиотечного дела в наши дни. На указанных выше сайтах Баварской государственной библиотеки и Британского газетного архива все газеты представлены в оцифрованном виде с возможностью полнотекстового поиска по ним, что заметно упрощает любые исследования на основе их текстов. В разделе «Расширенный поиск» обоих сайтов есть возможность не только найти газетные страницы, содержащие интересующий исследователя конкретный текст, но и ограничить выдачу результатов верными хронологическими рамками, отсеять издания из «лишних» регионов, оставить газеты только на нужных языках (и, при желании – только нужных издательств). Дополнительное удобство привносит возможность сортировки газетных результатов по релевантности поисковому запросу или же по дате публикации (в обоих направлениях – от новейших к старейшим и наоборот; последнее бывает полезно, чтобы оценить, какая из газет первой опубликовала ту или иную новость, а какая позаимствовала чужой текст).

Вместе с тем, опираясь на возможности автоматического поиска по газетным текстам, приходится иметь в виду следующее. Если мы хотим, например, произвести поиск по запросу “Russia” в текстах английских газет, выборка вполне будет отвечать нашим ожиданиям без каких-либо дополнительных мер. Однако если мы введем в строку поиска “Alexander”, то помимо интересующего нас императора неизбежно получим в выдаче сотни статей о других его современниках с тем же именем – как бы четко мы ни задали хронологические рамки и прочие условия поиска. Поэтому при поиске по английским газетам для наших целей необходимо использовать заключенное в кавычки (!) словосочетание “Emperor Alexander”; при поиске по немецким, соответственно – “Kaiser Alexander” (а также “Kaiser Alerander”, поскольку немецкий готический шрифт распознается компьютером всё еще не 100% корректно и проблема возникает, в частности, с распознаванием буквы “х”).

Из получаемых таким образом результатов в работу также есть смысл привлекать не все. Большая часть упоминаний Александра I в газетных текстах

не подразумевала оценочных суждений или существенных фактов о нем. Чаще он упоминался (сам по себе или наряду с другими лицами) чисто повествовательно – читатель узнавал, что сегодня российский император находился в том или ином месте или, например, что он получил нечто от кого-нибудь в подарок. В то же время, удастся обнаружить и достаточное количество газетных высказываний о российском императоре, дающих представление о его образе в прессе; они-то и были положены в основу графиков, которые будут приведены в работе далее.

Таким образом, английская и немецкая пресса первой четверти XIX века как источник по истории России обладает широким потенциалом, предоставляя, с одной стороны, вариант субъективной (и этим интересной) интерпретации уже известных фактов, а с другой – сведения о почти (или совершенно) неизвестных деталях значимых событий, требующих осмысления. Она демонстрирует взгляд со стороны на Российскую империю, ее политику и правителей, необходимый для более объективного понимания того, какой отклик на практике находили политика, идеи и репрезентации русских монархов. Конечный интерес при этом для нас составляет, как уже отмечалось, не специфика общественного мнения Англии и Германии, которую мы необходимо учитываем при сличении с фактами, а репрезентации Александра I, по своему смыслу подразумевающие отклик иностранной публики – сродни тому, как, согласно идее Уортмана¹⁹⁸, при обращенных к собственным подданным александровских репрезентациях народу не отводилось никакой самостоятельной роли, однако реакция этого народа как бы подтверждала всё, что делал царь.

¹⁹⁸ Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии российской монархии. С. 288.

Глава II Противостояние с Наполеоном

2.1. Формирование образа Александра I как борца с Наполеоном

В литературе издавна бытует точка зрения, согласно которой 1812 г. стал для императора Александра I личным испытанием, а всю борьбу с Наполеоном он воспринимал, как свое личное дело, в силу задетой под Аустерлицем гордости – и именно поэтому с началом Отечественной войны неудачно попытался взять на себя руководство военными действиями, лично выехав к армии и поставив главнокомандующего Барклая де Толли в такие условия, что тот ощущал себя лишь исполнителем его распоряжений¹⁹⁹. Не отрицая факта личного противостояния российского императора с Наполеоном, на современном этапе отмечают, всё же, что Александр Павлович вложил в эту борьбу и твердость воли, и дальновидность²⁰⁰, и большую выдержку, и подлинный патриотизм²⁰¹. Отдельно можно выделить позицию В.С. Парсамова, который рассматривает сразу три роли, которые Александр I выполнял в этой войне по мере понимания ее характера: в начале войны, когда она еще могла оказаться рядовым противостоянием двух войск – роль полководца; по мере приобретения войной народного характера – роль именно «национального лидера»; а в конце концов – с пониманием невозможности до конца воплотиться ни в том, ни в другом амплуа – роль «Божьего избранника», обретшего величие в смиренном уповании на Бога²⁰². На фоне такого разнообразия интерпретаций интересно рассмотреть тот образ императора Александра в этой войне, который сложился на страницах современной событий немецкой и английской прессы.

¹⁹⁹ Пресняков А.Е. Александр I. Пг., 1924. С. 131–132.

²⁰⁰ Соловьев С.М. Указ. соч. 637.

²⁰¹ Сахаров А.Н. Александр I. М., 1998. С. 227.

²⁰² Парсамов В.С. Александр I в 1812 году: поиск роли // Известия Саратовского университета. Сер. История. Право. Международные отношения. 2005. Т. 5, вып. 1–2. С. 12–21.

Наполеон пересек Неман 24 июня²⁰³ 1812 г.²⁰⁴ Английские газеты уверяли своих читателей в скором начале боевых действий уже 2 июля²⁰⁵ (уже – потому что известия из России успевали до них докатиться никак не раньше двух недель, чаще – не раньше трех). Известия о первых боях же появились в немецкой прессе, располагавшейся значительно ближе к арене событий, 7 июля²⁰⁶. Вслед за этим и в тех, и в других периодических изданиях за развитием событий следили весьма пристально.

Однако при просмотре английских и немецких газет времен войны 1812 г. поражает одно обстоятельство: в них почти не содержится упоминаний и оценок Александра I – несмотря на то, что наравне с Наполеоном он являлся тогда крупнейшей действующей фигурой, к которой должны были быть прикованы взгляды всей Европы. Более того, те упоминания, которые все-таки встречаются на газетных страницах, – далеко не всегда комплиментарны. Как мы знаем, еще до начала французского вторжения российский император хорошо представлял²⁰⁷, какого рода войну видит в своих планах Наполеон; знал сильные и слабые стороны противника, чем в итоге сумел в полной мере воспользоваться. В то время как французский император рассчитывал на молниеносную победу, русские спланировали и осуществили на практике затяжную оборонительную кампанию в сочетании с «народной войной», что позволило им использовать как собственные сильные стороны, так и слабости противника, и в первый же год войны армия Наполеона была почти полностью уничтожена. Но, забегая вперед, можно заметить, что европейской публике (в частности, газетным корреспондентам) Александр I отнюдь не сразу стал представляться достойной антитезой Наполеону – до этого ему предстоял путь военных и личных побед, хотя и не очень продолжительный.

²⁰³ Здесь и далее даты для удобства приводятся по новому стилю, поскольку по новому стилю датированы используемые в работе немецкие и английские газеты.

²⁰⁴ Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 271.

²⁰⁵ Saint James's Chronicle, 1812, № 8514 (2nd July), p. 1.

²⁰⁶ Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen, 1812, № 81 (7. Juli), S. 3; Baierische National-Zeitung, 1812, № 159 (7. Juli), S. 647.

²⁰⁷ Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814 / Д. Ливен; [пер. с англ. А.Ю. Петрова]. М., 2012. С. 655.

Что касается немецких газетчиков, то они с самого начала в 1812 г., как кажется, не верили в военные и административные способности российского императора. Приведем следующие наблюдения:

– когда министерские документы в России представляли предпринятые Александром меры (разделение прилежавших к театру военных действий губерний на округа, распределение между ними задач, призыв к формированию ополчения) как обнадеживающую перспективу, в немецкой прессе посмеивались: «И что это за меры? Как быть с разорением России самими россиянами?»²⁰⁸;

– когда русским войскам не удалось удержать богатыми ресурсами литовские территории и сохранить быструю и безопасную связь между армейскими корпусами, взору немецкого читателя предлагалась выдержка из частного письма из Лондона: все наши политики единодушно полагают, что император Александр вовсе не предпринимал никаких мер для спасения своих владений²⁰⁹;

– когда уступивший советам Аракчеева и Балашова Александр вернулся из лагеря в Москву, газеты публиковали письмо французского солдата – свидетеля событий – с издевательским комментарием: это хорошо, что русский император спешит в Москву проповедовать новым войскам – ибо французы прибыли в Витебск одновременно с указом, предписывающим русскому народу восставать против них с оружием, пока же они лишь сдают свои самые плодородные губернии, на словах обещая ценой жизни защищать целостность своей страны²¹⁰.

О событиях в этот период, таким образом, судили по их конечному результату – а первые шаги Александра I на ниве борьбы с Наполеоном, безусловно, отличались некоторой непоследовательностью. Вместе с тем, стоит отметить, что отнюдь не все решения российского командования на первых

²⁰⁸ Münchener politische Zeitung, 1812, № 179 (30. Juli), S. 857.

²⁰⁹ Baierische National-Zeitung, 1812, № 187 (08. August), S. 774.

²¹⁰ Westphälischer Moniteur, 1812, Beilage zu № 207 (30. August), S. 931; Münchener politische Zeitung, 1812, № 206 (31. August), S. 996.

этапах войны были непродуманными. Так, на этапе сражения за Смоленск главнокомандующий русскими войсками М.А. Барклай-де-Толли достаточно быстро понял, что не сможет удерживать город и если не отведет войска, то попадет в окружение и попросту потеряет армию (кроме того, за два дня сражения за Смоленск потери французских войск составили вдвое больше потерь русских при значительном превосходстве в численности со стороны наполеоновских войск)²¹¹. С другой стороны, как мы помним, немецкие авторы не решались выражать свои надежды и симпатии в адрес русского оружия (и русского императора) публично в то время, когда их земли еще находились под наполеоновским влиянием (а то и под непосредственной властью – учитывая, что решительное освобождение немецким землям между Рейном и Эльбой принесет только Лейпцигская битва 16-19 октября 1813 г.).

Английским корреспондентам, в отличие от немецких, не было нужды вуалировать свои надежды от противостояния Наполеона и Александра I. Великобритания имела представительство в русской армии в лице генерала Вильсона, который был командирован в главную квартиру русской армии и передавал российскому императору свое видение относительно возможных действий. Причем их общение представало вполне доверительным – в частности, когда Александр после известия о сдаче Смоленска вернулся в Петербург из Финляндии, генерал Вильсон при встрече сказал ему, что доверие войск к распоряжениям правительства серьезно пошатнулось и что для восстановления доверия необходимо удалить графа Румянцева из министерства иностранных дел – в ответ на что Александр взял за руку Вильсона, обнял его и сказал: «Вы единственный человек, от которого я готов выслушать это сообщение», не согласившись, однако, с сомнениями в графе Румянцеве²¹². Поэтому в английских отзывах времен войны 1812 г. не звучало особенной критики в адрес русского императора. Как сопернику Наполеона, ему симпатизировали, однако не были уверены в успехе. В британской прессе

²¹¹ Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 317.

²¹² Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С 106–107.

размышляли о том, что это, всё же, достаточно прискорбно – что император Александр не обладает характером, более подходящим для энергичной борьбы с «решительным злом Бонапарта». По ее сведениям, первый являлся «повелителем кротости, милосердия и внутренней добродетели»²¹³ – но совершенно был лишен твердости, непримиримости и решимости посвятить себя и свою империю ожесточенной войне.

Здесь мы видим диаметрально противоположные с немецкими оценками, однако англичане, по всей видимости, в этом вопросе судили по тенденции русских войск к отступлению – то, что их немецкие коллеги расценивали как безразличие со стороны Александра, английские журналисты находили нерешительностью и мягкостью. «Повелитель этой кроткой добродетели неизбежно уступает (в отношении действий) своему более смелому и злобному Противнику. Один неуклонно приближается... Другой колеблется, останавливается, медлит и всегда старается избегать крайностей», – писали сразу несколько газет²¹⁴.

Немецких наблюдателей такая линия поведения со стороны русского царя подталкивала к мнению о том, что не за горами время, когда императору Александру придется заключить мир с Наполеоном²¹⁵. Нежелание российского монарха капитулировать их не только озадачивало, но, как кажется, даже возмущало: солидаризируясь с английскими коллегами, немецкие газетчики единодушно печатали: «невозможно думать об этом [об упрямстве Александра] и не сожалеть о судьбе этой страны»; «за слепоту своего правителя [жизнью] заплатили почти 50 тысяч русских; как долго император

²¹³ Bell's Weekly Messenger, 1812, № 846 (14th June), p. 186; Cheltenham Chronicle, 1812, № 180 (18th June), p. 3; Kentish Weekly Post or Canterbury Journal, 1812, № 3382 (19th June), p. 2; Staffordshire Advertiser, 1812, vol. XVIII, (20th June), p. 3; Government Gazette (India), 1813, № 603 (29th April), p. 2.

²¹⁴ Bell's Weekly Messenger, 1812, № 846 (14th June), p. 186; Cheltenham Chronicle, 1812, № 180 (18th June), p. 3; Kentish Weekly Post or Canterbury Journal, 1812, № 3382 (19th June), p. 2; Staffordshire Advertiser, 1812, vol. XVIII, (20th June), p. 3; Government Gazette (India), 1813, № 603 (29th April), p. 2.

²¹⁵ Westphälischer Moniteur, 1812, № 250 (18. Oktober), S. 1161; Münchener politische Zeitung, 1812, № 247 (18. Oktober), S. 1188.

Александр будет верить, что может убедить своих подданных в своей способности остановить продвижение врага?»²¹⁶

В последней приведенной цитате речь шла о Бородинском сражении. Дело в том, что изданный по итогам битвы Наполеоном бюллетень убеждал Европу в очередном блистательном успехе французского оружия²¹⁷, и именно на него ориентировались зарубежные газетчики, перепечатывая известие о победе Бонапарта. При этом не стоит забывать, что Бородино является уникальным в истории войн примером генерального сражения, исход которого каждая из сторон расценила как свою победу²¹⁸. В реальности в наполеоновской армии это сражение некоторыми, всё же, воспринималось как поражение, что подрывало боевой дух французов – на Бородинском поле осталась лучшая часть французской пехоты, тяжелый урон понесла и французская кавалерия²¹⁹. Но для Наполеона важно было преподнести результат этого сражения в качестве победы; один из его маршалов, Мишель Ней, предлагал ему отойти к Смоленску – однако для самого Наполеона политической задачей было взятие Москвы, призванное подтвердить, что Бородинское сражение закончилось для французской армии именно победой²²⁰. При этом и Александр I после этой битвы был полон решимости продолжать войну, не вступая с противником ни в какие переговоры. Российский император официально принял донесение о победе при Бородино, желая поддержать в народе веру на успешное завершение войны; ряд видных полководцев после этого сражения был награжден орденами и повышен в звании²²¹.

Глядя на события 1812 г. из дня сегодняшнего, мы знаем, что Бородинское сражение стало центральным событием Отечественной войны. «Кульминацией великой эпопеи наполеоновских войн» называют его В.Н. Земцов и А.И.

²¹⁶ Allgemeine Zeitung, 1812, № 293 (19. Oktober), S. 1170; Münchener politische Zeitung, 1812, № 248 (20. Oktober), S. 1193; Baierische National-Zeitung, 1812, № 249 (20. Oktober), S. 1072.

²¹⁷ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 408.

²¹⁸ Троицкий Н.А. Россия в XIX веке... С. 269–270.

²¹⁹ Бескровный Л.Г. С. 407–408.

²²⁰ Там же. С. 408.

²²¹ Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 108.

Попов²²², величайшим (наряду с битвой народов при Лейпциге) сражением европейской истории считает его Д. Ливен²²³. По сей день оно остается предметом многочисленных исследований²²⁴. Но из-за того, как исход этой битвы был подан в наполеоновском бюллетене, ни немецкая, ни английская пресса не осознали ее значения – в то время, как в этом сражении каждая из сторон потеряла несколько десятков тысяч человек²²⁵. Для европейской общественности это было всего лишь еще одно поражение русских; она ожидала, что после стольких бессмысленных разорений ради сохранения хотя бы части своей империи русский император с радостью примет любые условия Наполеона. Командование же русской армии в это время приступало к реорганизации и укомплектованию армии новыми рекрутами; было сформировано ополчение (необходимость которого провозглашалась еще манифестом Александра I от 18 июля²²⁶) и подготовлен план контрнаступления, к которому русская армия была полностью готова уже к началу октября²²⁷.

Но окончательно прессу шокировала сдача Москвы. Фельдмаршал Кутузов понимал, что для России в первую очередь важно сберечь армию и при потере Москвы не будет потеряна вся Россия, а дальнейшее успешное контрнаступление станет возможным только при получении подкрепления. Поэтому он принял решение отступить от Москвы по Рязанской дороге, что помогло выиграть время и встретить армию, идущую ему на подмогу²²⁸. Александр I, вопреки ожиданиям газетчиков, также не утратил решимость продолжать войну после известия о сдаче Москвы, которое ему принес

²²² Земцов В.Н., Попов А.И. Бородино. Южный фланг. М., 2009. С. 3.

²²³ Ливен Д. Указ. соч. С. 38.

²²⁴ Попов А.И. Бородино. Северный фланг. М., 2008. С. 3.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Законодательство императора Александра I. 1812–1825 годы /Сост. и автор вступ. ст. В.А. Томсинов. М., 2011. С. 6–7.

²²⁷ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 493.

²²⁸ Там же. С. 415–416.

полковник Мишо²²⁹. Российский император был уверен, что научился понимать Наполеона и что больше Наполеон его не перехитрит²³⁰.

Европейским корреспондентам же мысль о том, что последнее было частью плана, представлялась неправдоподобно нелепой²³¹. Не находя линии русских рационального объяснения, одна из газет даже выпустила статью-рассуждение о том, не слишком ли те оторваны по своему развитию от цивилизованного мира – если, видя, что границы мировой империи Наполеона все более расширяются, они подобно своим древним предкам верят, что остановят любого врага и что со временем и эта империя рухнет и падет перед ними в качестве добычи?²³² Неизвестно, как далеко в своих выводах зашли бы немецкие газетчики, однако на рубеже 1812-1813 гг. военно-политическая ситуация – а с ней и общественное мнение – претерпели резкие изменения.

2.2. Александр I – победитель

Пребывание Наполеона в Москве привнесло в его армию ряд проблем. Оказавшись в древней столице, солдаты начали учинять погромы и грабить дома, что способствовало моральному разложению войск и упадку дисциплины²³³. Наполеон рассчитывал не покидать города, пока не получит просьбы мира от русских – однако всё же был вынужден сделать это 19 октября, когда положение его армии в Москве стало слишком тяжелым, в том числе и из-за проблем с продовольствием²³⁴. Отступая из Москвы, он попытался скрыть истинные мотивы отступления – по его словам, необходимо было захватить Калугу, Тулу и Брянск, чтобы заполучить заготовленные для армии Кутузова запасы оружия²³⁵.

²²⁹ Граф Мишо к флигель-адъютанту Михайловскому-Данилевскому о разговоре с императором Александром в 1812 году // Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1897–1898. Т. 3. С. 509–510.

²³⁰ Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 112.

²³¹ *Münchener politische Zeitung*, 1812, № 253 (26. Oktober), S. 1213.

²³² *Allgemeine Zeitung*, 1812, № 298 (24. Oktober), S. 1189–1190.

²³³ Земцов В.Н. 1812 год. Пожар Москвы. М., 2010. С. 132–134.

²³⁴ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 436.

²³⁵ Там же. С. 504.

Происходившие на фоне этого отступления бои были уже куда менее удачны для Наполеона, чем в начале кампании. В сражении при Малоярославце 24 октября Кутузов смог преградить ему путь в южные губернии России, в результате чего французам не удалось захватить Калугу и пришлось отступать по разоренным прежде дорогам, что позволило окончательно вырвать инициативу у Наполеона²³⁶.

Значительное влияние на французскую армию оказывало и действовавшее в стране народное ополчение. Созыв московского ополчения повлиял на решение Наполеона отойти из Москвы, Тверское помогло не допустить прорыва наполеоновских войск на северо-западе, а Тульское и Калужское смогли предотвратить прорыв Наполеона на юге²³⁷.

Окончательно на край гибели войска Наполеона поставила битва при Березине 26-29 ноября: «великая армия» к этому моменту уже была обескровлена, и Наполеону оставалось только возвращаться в Париж для формирования новой армии²³⁸. Но примечательно то, что если английская пресса сообщала своим читателям, что новой целью русских становится помешать беглецам во главе с Бонапартом переправиться через Березину²³⁹, то немецкие газеты все, как одна, извещали о полном поражении русских в этом сражении²⁴⁰. Таким образом, немецкая пресса всё еще не чувствовала возможности оповестить публику ни о каких значительных переменах в соотношении враждующих сил и успехах русских.

После того, как войска Наполеона пересекли в декабре 1812 года Неман во второй раз (теперь уже с востока на запад), Александр I настоял на продолжении наступательных операций в Европе, несмотря на звучавшие

²³⁶ Там же. С. 512–513.

²³⁷ Там же. С. 517.

²³⁸ Троицкий Н.А. Россия в XIX веке... С. 332.

²³⁹ Public Ledger и Daily Advertiser, 1812, № 16322 (24th December), p. 2.

²⁴⁰ Zeitung des Großherzogthums Frankfurt, 1812, № 349 (14. Dezember), S. 2; Münchener politische Zeitung, 1812, № 299 (18. Dezember), S. 1418; Baierische National-Zeitung, 1812, № 300 (18. Dezember), S. 1304; Allgemeine Zeitung, 1812, № 353 (18. Dezember), S. 1412; Regensburger politische Zeitung, 1812, № 200 (19. Dezember), S. 810.

предложения закончить войну²⁴¹. 28 декабря основные силы его войск из Вильны выступили к Меречу на Неман; началась война за освобождение Германии²⁴². Как отмечается в литературе, тактика, применявшаяся русскими командующими на уровне отдельных подразделений, и подготовка штабных офицеров демонстрировали, что в июне 1812 г. русская армия была куда менее грозным противником, чем в марте 1814 г.²⁴³ Таким образом, приобретаемый по ходу военных действий опыт сыграл важную роль в достигнутых успехах на фронте, и в 1813-1814 гг. русская армия сражалась уже более умело, нежели в 1812 г.

Когда победа начала оказываться на стороне русского оружия, англичанам привести объяснение этому в газетных статьях было проще, чем немцам – наблюдатели с Туманного Альбиона нашли это объяснение в пресловутой плоскости милосердия и добродетели Александра I. Писали, что победа стала наградой за его гуманную и просвещенную политику с обеспечением постепенного «исчезновения рабства» в его владениях; что результатом этой политики были «неуклонная привязанность народа к своему законному суверену и делу своей страны» – следствием которой явилось мужество на полях сражений и готовность умереть за царя²⁴⁴.

В действительности со стороны лично Александра I было приложено немало практических усилий с целью победить Наполеона в войне. Именно Александр инициировал создание ополчения; когда возникла необходимость – назначил М.И. Кутузова на должность главнокомандующего несмотря на то, что имел отрицательное мнение о его личных качествах; императором же был составлен и план на время войны 1812 года, по которому в дальнейшем действовала русская армия²⁴⁵. Далее он стал организатором и лидером антинаполеоновской

²⁴¹ Безотосный В. Два императора... С. 9.

²⁴² Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 138.

²⁴³ Ливен Д. Указ. соч. С. 656.

²⁴⁴ Nottingham Gazette, and Political, Literary, Agricultural & Commercial Register for the Midland Counties, 1813, № 16 (16th April), p. 3.

²⁴⁵ Безотосный В. Два императора: великий полководец и великий дипломат в судьбе Европы (Александр I и Наполеон) // Родина, 2002, № 8. С. 9.

коалиции и, как лидер, в моменты неудач предпринимал все необходимые усилия для недопущения развала этой коалиции²⁴⁶. Сторонним наблюдателям же из европейской прессы избавление России от вражеских полчищ после стольких месяцев отступления казалось чудом – и хотелось думать, что чудо было ниспослано Александру (а заодно и всей Европе, в которой вспыхнула надежда на свободу и мир) свыше – как праведнику, которым земля спасается²⁴⁷. Примечательно, что и сам российский император трудной осенью 1812 г. признавался сестре Екатерине Павловне, что уповает на Бога, не упоминая при этом никаких надежд на свою армию²⁴⁸.

Когда Александр I во главе русских войск начал продвижение вглубь немецких земель, то это торжественное освободительное шествие стало наталкиваться на взрыв бурной радости в каждом новом городе и среди немцев. После длившегося несколько месяцев периода, когда в немецких газетах царило затишье в плане суждений о российском императоре и разве что механически – кратко, безоценочно – фиксировались его перемещения вместе со ставкой, местные газеты отныне восторженно писали: «распространилась столь приятная новость, что наш город [пруссский Бреслау], к своему везению, примет у себя возлюбленного Александра, императора России»²⁴⁹, «император Александр подарил нашему [баварскому] королю 100 пушек и 30 000 ружей»²⁵⁰; или, например – «ликование, которое и до того было необычайным, теперь переросло в энтузиазм, который унес с собой все: «Виват, император Александр! наш Спаситель, наш Искупитель!» Объяснение столь разительной перемены состоит в том, что 28 февраля 1813 г. был подписан Калишский союзный договор между Россией и Пруссией – Александр I и Фридрих

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ Nottingham Gazette, and Political, Literary, Agricultural & Commercial Register for the Midland Counties, 1813, № 16 (16th April), p. 3.

²⁴⁸ Парсамов В.С. Александр I в 1812 году... С. 18.

²⁴⁹ Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen, 1813, № 34 (20. März), S. 3.

²⁵⁰ Bayreuther Zeitung, 1813, № 69 (07. April), S. 304; Allgemeine Zeitung, 1813, № 98 (08. April), S. 392; Augsbürgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1813, № 84 (08. April), S. 3; Münchener politische Zeitung, 1813, № 85 (09. April), S. 392.

Вильгельм III взяли на себя обязательство поддерживать друг друга в войне против Наполеона²⁵¹.

С газетных страниц глядела одухотворяющая картина: на окнах развевались бесчисленные полотна, всё звенело, воздух дрожал, в нем гремели выстрелы, аплодисменты и крики «ура» на тысячи голосов; народ со всех сторон обступал всадников-освободителей и украшал их коней зелеными ветвями, а дамы бросали им цветы и венки; многие плакали от радости, знакомые и незнакомые люди обнимались, и на улицах устанавливались увенчанные лаврами бюсты Александра I²⁵². Особо отмечены были слова русского императора при въезде в восточнопрусский город Лик – «первый город прусского отечества», когда после речи суперинтендента (главы лютеранской консистории) тот произнес: «Я вступаю сюда как вернейший друг вашего короля и как друг вашего отечества» (этот эпизод был запечатлен на картине: художник выбрал момент, когда император Александр в окружении своих генералов с волнением берет руку пастора, а окружающие выражают свою радость и благодарность от лица освобожденной Германии²⁵³). Таким образом российский император представал публике уже не только в амплу блистательного победителя, но и в амплу надежного союзника – вместе с которым можно мечтать о собственной победе.

Даже поражения, казалось, на новом этапе не могли бросить тень на личность Александра. Так, в контексте проигрыша союзных войск при Лютцене в немецких газетах о русском монархе сочли важным написать то именно, что когда он увидел печальный исход битвы, то, по словам пленных, пересек линию русских, чтобы подбодрить солдат, и воскликнул: «Мужайтесь, с нами Бог!»²⁵⁴; в контексте проигрыша при Баутцене – что он лично выезжал

²⁵¹ Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 142.

²⁵² Bayreuther Zeitung, 1813, № 78 (20. April), S. 341.

²⁵³ Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen, 1813, № 48 (22. April), S. 8.

²⁵⁴ Münchener politische Zeitung, 1813, № 119 (18. Mai), S. 551; Bayreuther Zeitung, 1813, № 98 (18. Mai), S. 378; Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1813, № 118 (18. Mai), S. 2.

каждое утро очень рано на разведку²⁵⁵. Между тем, сражение при Баутцене 21 мая 1813 г., всё же, в силу ошибки маршала Нея не было решительной победой Наполеона – последний из-за этого, быть может, упустил шанс добиться перелома в кампании 1813 г. в свою пользу и не дать вступить в войну теперь уже еще и Австрии²⁵⁶.

Английские газетчики со своей стороны тоже коллекционировали эпизоды мужества и самоотверженности русского царя – эпизод после поражения при Лютцене слово в слово с немецкими запечатлели и они²⁵⁷. Впрочем, англичане отмечали и такие факты, которых не было у немецких коллег: что император Александр («с той политической мудростью и щедростью, которой руководствуется во всех своих действиях») освободил всех польских военнопленных и отправил их обратно на родину²⁵⁸; что («со степенью великодушия, которую невозможно перехвалить») он приказал, чтобы английские подданные в Москве были освобождены первыми²⁵⁹ (конечно же, англичанам последнее было интереснее, чем немцам).

Кроме того, англичане и в поражении умели усмотреть пользу. Перед штурмом Дрездена в августе 1813 г. между лидерами союзной коалиции (неведомо для газетчиков) возник спор относительно практической возможности взять город – Фридрих Вильгельм III и князь Шварценберг настаивали, что атаку необходимо предпринять и что она будет успешной, в то время как Александр I выступал против²⁶⁰. Предпринятый, в итоге, штурм закончился отступлением союзных войск в Богемию, поскольку подкрепление от армии Наполеона успело подойти к городу и нарушить планы штурма²⁶¹.

²⁵⁵ Münchener politische Zeitung, 1813, № 140 (11. Juni), S. 644; Bayreuther Zeitung, 1813, № 117 (14. Juni), S. 460; Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen, 1813, № 76 (26. Juni), S. 3.

²⁵⁶ Ливен Д. Указ. соч. С. 53–34.

²⁵⁷ Morning Post, 1813, № 13204 (15th May), p. 3; Manchester Mercury, 1813, № 3197 (18th May), p. 4; Cobbett's Weekly Political Register, 1813, № 21 (22th May), p. 765.

²⁵⁸ Royal Cornwall Gazette, 1813, № 545 (4th December), p. 3.

²⁵⁹ The Sun, 1813, № 6512 (22nd July), p. 3; Royal Cornwall Gazette, 1813, № 527 (31st July), p. 4.

²⁶⁰ Ливен Д. Указ. соч. С. 498.

²⁶¹ Там же. С. 504.

Англичане же, анализируя эту неудачу союзников под Дрезденом (при том, что доступным им источником сведений о произошедшем служили французские – т.е., заведомо принижающие любые заслуги союзной коалиции – бумаги), пришли к выводу, что как бы то ни было, это сражение оттянуло на себя силы Наполеона, который не думал тратить их в этой точке²⁶². И здесь читается как минимум два повода для удовлетворения: материальный урон, который пришлось понести Бонапарту, но также и моральное торжество в связи с тем, что смелый замысел союзников застиг его врасплох.

На Александра I теперь не помышляли возлагать какую-либо ответственность за поражения, как то было всего несколькими месяцами ранее – да и можно ли было в чем-то обвинить правителя, который каждым своим жестом «нес добро людям», как неустанно сообщали газетчики? Особенно, когда союзнические связи крепили день ото дня. Укрепление связей внутри коалиции демонстрировал, в частности, следующий запечатленный газетами эпизод. Великодушный российский император подарил орден св. Андрея Первозванного со своей груди возглавлявшему союзную армию фельдмаршалу Шварценбергу²⁶³.

Это произошло вечером после битвы под Кульмом, принесшей первую победу коалиции над французами – победу, которая была одержана всего через три дня после жестокого поражения союзников под Дрезденом (породившим было между ними напряжение²⁶⁴) и в которой лично принимал участие российский император²⁶⁵. Орден св. Андрея Первозванного, как известно, являлся высшей воинской наградой в Российской империи, и вручение его фельдмаршалу вполне логично подчеркивало признание его вклада в победу. Но отдельно символично другое: Александр I благословил прусского

²⁶² London Courier and Evening Gazette, 1813, № 5898 (8th September), p. 2.

²⁶³ Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1813, № 224 (18. September), S. 3.

²⁶⁴ Ливен Д. Указ. соч. С. 521.

²⁶⁵ Андреев А.Ю. «Политическая теология» императора Александра I: идеи, репрезентации, практика // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. М., 2022. Т. 106. С. 65–66.

фельдмаршала орденом в честь святого, по преданию, особо покровительствующего России. Это можно трактовать как жест, подчеркивавший тесную связь союзников внутри коалиции, учитывая, что русские, пруссаки и австрийцы внесли равный вклад в победу в этой битве²⁶⁶ и именно тогда российский император ощутил себя орудием Провидения и, вернувшись с поля боя, писал: «Всевышний – единственная причина всех сих счастливых событий», а вскоре вслед за этим составлены были новые союзные договоры²⁶⁷.

Но если победа союзников под Кульмом была упомянута в прессе в кратких, хотя и воодушевленных выражениях, то известие о победоносной Битве народов под Лейпцигом – ключевой для разгрома наполеоновской армии²⁶⁸ – получило качественно иной уровень осмысления со стороны журналистов. Прежде всего, наблюдателей впечатлял уже сам масштаб нанесенного в «три славных дня»²⁶⁹ наполеоновским войскам урона. Констатируя, что результаты славных сражений 16, 18 и 19 октября превосходят все понятия, баварская "Augsburgische Ordinari Postzeitung" приводила следующие цифры: число захваченных у врага орудий достигло 370, число пленных – 40.000 человек, оставшихся в Лейпциге раненых и больных – свыше 22.000, в том числе 3.000 офицеров²⁷⁰. Отдельно газета отмечала присутствие на поле боя российского императора с королем Пруссии, причём замечание это звучало по соседству с выражением уверенности, что последствия «этого решающего события мирового уровня» будут самыми благодатными для судеб очень многих стран и народов²⁷¹. Тем самым, Александр I предстал перед читателями вершителем судеб мира. Стоит отметить, что его вклад в этот триумф действительно был велик: Наполеон стремился сосредоточить свои силы ближе к Лейпцигу и,

²⁶⁶ Ливен Д. Указ. соч. С. 521.

²⁶⁷ Андреев А.Ю. «Политическая теология» императора Александра I... С. 65–66.

²⁶⁸ Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 2. С. 168.

²⁶⁹ Kourier an der Donau: Zeitung für Niederbayern, 1813, № 255 (29. Oktober), S. 2.

²⁷⁰ Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten, 1813, № 258 (28. Oktober), S. 2.

²⁷¹ Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten, 1813, # 259 (29. Oktober), S. 2.

чтобы предотвратить это сосредоточение, нужно было атаковать его армию незамедлительно – и именно российский император настоял на этом, силой своего авторитета сумев убедить союзников²⁷².

Прусская "Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen" также оценивала развернувшиеся под Лейпцигом события как достойные войти в мировую летопись. В газете писали, что «Господь провозгласил нам победу, и неприятель, оттесненный к стенам Лейпцига, обратился в бегство от объединенных знамен»²⁷³. И в этой оценке звучит словно эхо александровской рефлексии над триумфом под Кульмом – с мотивом победы по божественной воле и подчеркнутым значением объединенности.

Другое прусское издание, "Deutsche Blätter", обратило внимание, что битва при Лейпциге блестящим образом ознаменовала годовщину ухода французской армии из Москвы. Совпадение выходило не просто памятным, а символичным: тогда, годом прежде, была решена судьба наполеоновской армии в России, теперь – на немецких землях. Но помимо этого Битву народов, по мысли авторов газеты, следовало считать первым сражением, в котором французский император потерпел полное поражение в открытом поле и «без вспомогательного воздействия странных внешних обстоятельств»²⁷⁴. Последний оборот, конечно же, можно расценить как отсылку к умению Наполеона пользоваться естественными преимуществами ландшафта. Однако, как представляется, и здесь также возможна более мистическая трактовка – с намеком на сопутствие Наполеону дьявольских сил, которые в конце концов были повержены направляемыми Провидением войсками российского императора и союзников.

Еще несколько позднее, после Лейпцигской битвы, мысль о значительности единства между союзниками будет прямым текстом проводиться в самих газетах: «Всё это [попытки Наполеона не дать сложиться коалиции России с Пруссией и Австрией], однако, не нашло отклика ни в благородно мыслящем

²⁷² Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 2. С. 168.

²⁷³ Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen, 1813, № 126 (27. Oktober), S. 1.

²⁷⁴ Deutsche Blätter, 1813, № 8 (22. Oktober), S. 70.

сердце Александра, бившемся только за мировое освобождение, счастье между народами и искреннюю дружбу, ни у Фридриха Вильгельма и Франца I. (...) Все трое имели своей целью только мир во всем мире, основанный на независимости государств и автономии каждого народа»²⁷⁵. С этого же момента начинается тенденция сопровождать в печати имена трех союзных императоров эпитетом освободителей («Спасенные народы славят Бога и прославляют героические имена великих монархов, своих освободителей!»²⁷⁶) И здесь уместно вспомнить то, на что мы обращали внимание в начале главы: в пору войны 1812 г. имя Александра I практически не встречалось в газетных публикациях. Теперь же, в период успехов русской армии в Освободительной войне, подавляющее большинство публикаций в прессе преподносило как победителя Наполеона и освободителя Европы именно Александра I – хотя очевидный вклад в победу внесли и полководцы, в том числе русские (в частности, ввел ряд нововведений в систему организации руководства войсками и приложил руку к решению многих стратегических задач Кутузов)²⁷⁷, и в этом восприятие прессы существенно расходится с немалой частью трактовок в историографии²⁷⁸.

2.3. Александр I в Париже: основные черты образа

В близких тем, что выше, выражениях немецкие газеты будут описывать происходящее и тогда, когда победоносная армия дойдет до самого Парижа – тем более, что и при вступлении в этот город Александр, как известно, обратится к замершей перед ним толпе с заверением: «Я пришел не как враг; я

²⁷⁵ Bayreuther Zeitung, 1813, № 225 (26. Oktober), S. 874; Deutsche Blätter, 1813, № 20 (31. Oktober), S. 155.

²⁷⁶ Münchener politische Zeitung, 1813, № 258 (28. Oktober), S. 1215.

²⁷⁷ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 595–596.

²⁷⁸ См., например: Брагин М. Разгром Наполеона русской армией // Воен.-ист. журн, 1941, № 6–7; Предтеченский А. Отечественная война 1812 года // Исторические записки, 1941, № 7–8; Бескровный Л.Г. Великий русский полководец Михаил Илларионович Кутузов // Агитатор и пропагандист Красной Армии, 1945, № 9. С. 20–30; Ярославцев А. Стратегия Кутузова в войне 1812 года // Военная мысль, 1945, № 9; Червяков Д. М.И. Кутузов – организатор партизанской борьбы в Отечественной войне 1812 года: к 200-летию со дня рождения // Агитатор и пропагандист Красной Армии, 1945, № 17. С. 31–37; Жилин П.А. Контрнаступление Кутузова в 1812 году. М., 1950.

несу вам мир...»²⁷⁹ и вновь будет окружен восторженной публикой, тянувшейся к его рукам, стопам и не дающей прохода. В свою очередь, англичане, развивая свою линию с вознагражденным праведничеством и подвижничеством, отмечали, что в Париже Александр проявил истинно христианское великодушие²⁸⁰; что среди «победных криков» он прислушивался к «крикам человечества»: хотя его собственная страна была сильно обескровлена из-за нападения захватчика, когда роли поменялись, вместо того, чтобы обагрить меч в крови врагов, он оградил их своей защитой²⁸¹.

Это отвечало действительности. Париж сдался на милость победителей не без боя (по сведениям газетчиков, в день сражения 18 марта ими было потеряно примерно 8400 человек, из которых 6000 – русских²⁸²; очевидно, в эти цифры были включены также потери в боях за предместья, поскольку саму столицу французы не могли всерьез защитить без войск Наполеона, отстававших к тому моменту от войск союзников на три дня пути²⁸³). Но несмотря на это после занятия города и подписания капитуляции Александр I дал слово, что не потребует от жителей города ничего, кроме жизненно необходимых припасов для армии²⁸⁴. Он также убедил прусского короля не предъявлять серьезных денежных притязаний, когда тот, со своей стороны, желал получить от Франции 132 миллиона франков компенсации за содержание наполеоновских войск в 1812 г., в результате чего требуемая сумма была снижена до 25 миллионов франков²⁸⁵. Христианское чувство его в этом эпизоде проступает еще рельефнее, если учесть, что Людовик XVIII, не желая принимать изначальные требования Фридриха Вильгельма III, грозил тому войной на фоне

²⁷⁹ Münchener politische Zeitung, 1814, № 91 (15. April), S. 431; Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1814, № 91 (16. April), S. 4.

²⁸⁰ Taunton Courier, and Western Advertiser, 1814, № 313 (15th September), p. 6.

²⁸¹ The Morning Chronicle, 1814, № 14027 (20th April), p. 2; The Star, 1814, № 8464 (20th April), p. 2; London Courier and Evening Gazette, 1814, № 5986 (20th April), p. 3.

²⁸² Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 206.

²⁸³ Ливен Д. Указ. соч. С. 636–637.

²⁸⁴ Там же. С. 209.

²⁸⁵ Там же. С. 238–239.

едва установившегося мира²⁸⁶. Итак, к уже запечатленным на газетных страницах положительных коннотациях с именем Александра I добавлялось христианское милосердие к поверженным врагам.

2 апреля 1814 г. Александр I принял министра иностранных дел Франции Армана де Коленкура и объявил ему: «Я не питаю никакой злобы, верьте этому. Наполеон несчастен, и с этой минуты я прощаю ему то зло, которое он причинил России; но Франция и Европа нуждаются в покое, а с ним она никогда не будет иметь его» – а французскому Сенату сообщил, что хочет заключить с французской нацией прочный союз (в связи с чем возвращает всех пленных французов), а главное – дать Франции сильные либеральные учреждения²⁸⁷. Последние детали, впрочем, немецкую и английскую прессу интересовали в меньшей мере, судя по тому, что сколько-нибудь развернутых комментариев на этот счет в них не нашлось.

В конечном счете, именно в своих благодеяниях русский царь выступал антитезой своему поверженному противнику: последний нес войну – первый утверждал мир; последний сеял притеснения – первый восстанавливал нарушенную справедливость. Именно Александр приказал французскому коменданту потребовать освобождения невинного человека (доктора Вайгеля), которого произвольно арестовали наполеоновские власти с целью устрашения общественности²⁸⁸; именно в Александре обрел могущественного и щедрого защитника генерал Иоганн фон Тильман, которому, как подданному саксонского короля, довелось воевать сначала на стороне Наполеона, а затем против него²⁸⁹. Газетные отзывы об Александре I перекликались с сочинением писателя Людвиг фон Бацко, призывавшего граждан Пруссии сравнить французского и российского императоров: «Наполеон... овладевает прусским государством, угоняет воевать половину прусских подданных и захватывает, глумясь, родовое гнездо прусского короля. Александр абсолютно бескорыстно

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 216–217.

²⁸⁸ Deutsche Blätter, 1814, № 161 (23. Juli), S. 428–429.

²⁸⁹ Deutsche Blätter, 1813, № 5 (19. Oktober), S. 44.

предоставил в помощь немецкому государству целую армию, чтобы защищать его от могущественного завоевателя. Император Александр, не жалея себя, вступил в борьбу за свободу Германии, против разрушителей этой свободы – Франции и Наполеона»²⁹⁰.

В связи с этим в немецких газетах в рассматриваемый период рядом с именем русского императора, помимо прежнего «освободитель», можно было видеть также такие эпитеты, как «гений европейского человечества»²⁹¹, «миротворец Европы»²⁹², «несравненный»²⁹³ ... В контексте французской тематики его и вовсе именовали не иначе как спасителем – впрочем, это относилось и к восприятию самих французов, которые видели в посредничестве и благородной умеренности Александра гарантию своей территориальной целостности и не слишком суровых ограничений²⁹⁴.

Между тем, нужно отметить, что ни в немецкой, ни в английской прессе внимание не акцентировалось на ряде сложностей, которые возникли в ходе пребывания Александра в Париже в связи с щедрыми пожеланиями российского императора. Так, одним из условий мира и вывода войск из Франции он называл обнародование французской конституции, причем желал, чтобы конституция была обнародована как можно скорее, но такие требования встретили ряд затруднений. И Александр I покинул Париж, чтобы отправиться далее в Англию, лишь после того, как Людовик XVIII назначил день торжественного провозглашения конституции, для чего было выбрано заседание Сената и Законодательного собрания 4 июня²⁹⁵.

2.4. Путешествия Александра I по Европе 1814-1815 гг.

²⁹⁰ Заиченко О. В. Проекция разочарований и надежд: «русский вопрос» в контексте немецкого внешнеполитического дискурса первой трети XIX века: эссе по исторической имагологии. М., 2018. С. 116.

²⁹¹ Deutsche Blätter, 1814, № 113 (9. April), S. 290.

²⁹² Münchener politische Zeitung, 1814, № 151 (25. Juni), S. 705; Rheinischer Merkur, 1814, № 79 (29. Juni), S. 4.

²⁹³ Erlanger Real-Zeitung, 1814, № 30 (15. April), S. 143.

²⁹⁴ Baierische National-Zeitung, 1815, № 196 (21. August), S. 821; Fränkischer Merkur (Bamberger Zeitung), 1815, № 203 (22. August), S. 388; Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen, 1815, № 121 (10. Oktober), S. 4.

²⁹⁵ Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 240.

Триумфальный вояж Александра I по Европе включал в себя посещение Лондона с 7 июня 1814 г. по 26 июня²⁹⁶, далее бельгийских (после Венского конгресса отданных Нидерландам) Остенда и Антверпена и голландского Амстердама²⁹⁷, а затем немецких Кёльна и Брухзала²⁹⁸ на пути в Россию – в Павловск. После непродолжительного пребывания дома император направился в Вену ради готовящегося конгресса, куда прибыл 25 сентября, однако 24 октября ненадолго отлучился в соседнюю Венгрию – в Офен и Пешт²⁹⁹, чтобы затем вновь вернуться в австрийскую столицу и приступить к делам конгресса. Последние, как известно, будут прерваны внезапным возвращением Наполеона во главе сторонников, так что 6 июня 1815 г. Александр вынужденно отправляется в Гейдельберг³⁰⁰, где проходит разработка плана военных действий против мятежника, задержавшая российского императора в этом городе до 22 июня. 10 июля его снова встретит покоренный Париж.

Какова была цель этих поездок? В первую очередь она заключалась в разрешении дипломатических вопросов, о чем старались упоминать газеты. В рамках смены парадигмы «от войны – к миру» немецкие корреспонденты находили всё новые доказательства трудов российского императора ради всеобщей пользы – ведь врагов мало простить, требовалось восстановить разрушенное войной. Об Александре I писали, что он проводил ночные часы за работой по устранению несогласий³⁰¹, когда на деле он отсиживался в Брухзале из осмотрительности («работал без перерывов и [за ночь] отправил несколько курьеров. Благо Европы всегда было прекрасной целью его возвышенных усилий»³⁰²).

Помимо дипломатических переговоров, встреч с европейскими политиками, важно обратить внимание на еще один их аспект, их объединяющий.

²⁹⁶ Там же. С. 243–244.

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ Там же. С. 245–246.

²⁹⁹ Там же. С. 290.

³⁰⁰ Там же. С. 328–330.

³⁰¹ Bayreuther Zeitung, 1815, № 239 (07. Oktober), S. 988.

³⁰² Münchener politische Zeitung, 1814, № 170 (18. Juli), S. 788.

Объединяло же их то, что повсюду российского императора встречали, как освободителя всех этих городов и Европы в целом от власти Наполеона, а сам Александр I принимал всеобщую любовь и благодарность, встречаясь с освобожденными им народами.

В прессе 1814 г. запечатлено то, что и в Дрездене, Лейпциге, большей части Саксонии и во многих других землях Германии благодарные местные жители по собственному желанию отмечали день рождения «любимого и всеми почитаемого императора» Александра³⁰³. С неизменным энтузиазмом русского императора встречали в Богемии; в Пруссии помещики не брали с него никакой платы, почтмейстеры давали лучших лошадей, которых только могли найти; владельцы попутных замков повсюду предлагали ему свои услуги. Где бы экипаж Александра ни останавливался, его сразу же окружала толпа людей, мечтавших увидеть своего благодетеля и приветствовали радостными криками³⁰⁴.

Подобные свидетельства вдохновляли некоторых авторов на поэтические посвящения русскому императору, которые также, в свою очередь, публиковались на страницах газет. Одно примечательное поэтическое признание в чувствах русский император имел удовольствие услышать лично, когда прибыл к городу Франкенштейн в Силезии. Там к нему вышли двенадцать девушек, облаченных в национальные костюмы освобожденных под эгидой Александра европейских стран, в сопровождении еще одной немки в карете, которая произнесла слова: «...Благословенный царь! // Исполненная благодарного трепета, // Тебе – своему спасителю – // Представляется Европа // И подносит лавр немецкими руками: // Любовь всех народов к тебе...»³⁰⁵ В другом напечатанном в газете посвящении ему звучало: «Ты сохранил верность тому, в чем когда-то поклялся // В склепе Фридриха, у святого алтаря... // Лавровые венки украсят тебя еще пышнее, // Ты вернешься с пальмой и

³⁰³ Bayreuther Zeitung, 1814, № 4 (4. Januar), S. 13.

³⁰⁴ Rheinischer Merkur, 1814, № 16 (21. Februar), S. 4.

³⁰⁵ Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen, 1815, № 133 (07. November), S. 6.

амарантом»³⁰⁶. – Здесь читается отсылка к событиям 5 ноября 1805 г., когда незадолго до своего отъезда из Потсдама в Веймар Александр I выразил желание вместе с прусской королевской семьей посетить могилу Фридриха II и, переполненный чувствами, припал губами ко гробу с останками великого монарха³⁰⁷. Само присутствие русского императора в Потсдаме тогда было обусловлено его желанием убедить прусского короля вступить в третью антинаполеоновскую коалицию; и хотя, как известно, тогда Фридрих Вильгельм III проколебался, стихотворение предлагало образ, согласно которому тогда между императорами успешно был заключен союз.

Образы, запечатленные немецкой прессой, перекликаются с тем, что нам известно по историографии о посещении императором других стран в то время. Так, в национальных одеждах Александра I будут встречать и в Венгрии – по прибытии в Офен он примет представителей местного духовенства, военных, дворян, чиновников и дам, и все они подчеркнута будут в венгерских костюмах³⁰⁸. Сам же российский монарх предстанет перед ними в лейб-гусарском мундире, что чрезвычайно понравится венграм³⁰⁹ – эту александровскую саморепрезентацию можно понять лучше, если вспомнить, что гусары как род войск впервые появились именно в Венгрии, и тем самым, вероятно, он как бы возвращал принятое от них уважение его воинской доблести.

Горячо ждали российского императора и в Англии (куда он, как и Фридрих Вильгельм III, и канцлер Меттерних в качестве представителя Франца I в действительности прибыли во многом ради предварительного обсуждения вопросов европейского переустройства, которые затем должны были быть формально утверждены Венским конгрессом³¹⁰) – что легко заключить из газетного известия, согласно которому «император Александр и король

³⁰⁶ Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen, 1815, № 128 (26. Oktober), S. 1.

³⁰⁷ Haude- und Spenersche Berliner Zeitung, 1805, № 13 (7. November).

³⁰⁸ Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 290.

³⁰⁹ Там же.

³¹⁰ Зак Л.А. Монархи против народов. Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи. М., 1966. С. 40.

Пруссии прибыли вчера в город [Лондон]. Они прибыли в частном порядке, что сильно разочаровало обширную публику»³¹¹. Публике хотелось, соответственно, лично видеть победоносных союзников, когда позади был разгром Наполеона в Битве народов, а впереди – Венский конгресс. Визит Александра Павловича в Англию занял три недели, большую часть из которых он провел в Лондоне – и, по свидетельству одной газеты, неизменно продолжал пользоваться интересом у всех слоев общества и преследоваться ими по всему Лондону, куда бы ни направлялся³¹², а по свидетельству другой – на скачках, которые почтил своим присутствием российский император, все смотрели только на него – «Освободителя Европы» – и его приближенных, но не на лошадей³¹³.

Сам Александр в Лондоне демонстрировал любознательность и наблюдательность, посещая Банк Англии³¹⁴ (в то время, когда в России банковская система находилась в зачаточном состоянии) или созерцая военную технику³¹⁵ – и являя собой тем самым образ просвещенного монарха, готового усовершенствовать различные заведения и отрасли в собственной стране. Надо полагать, не в последнюю очередь такое впечатление могло создаваться у английских наблюдателей и потому, что до него их страну из российских правителей посетил только Петр I – и посетил с известными образовательными целями. Впрочем, прежде всего император Александр был в восторге, по заверению газет, от опрятного внешнего вида людей низших сословий в Англии³¹⁶ – что представляло его как правителя, равнодушного к беднейшим из подданных и думающего о благосостоянии всех слоев общества.

Также не осталось незамеченным посещение Александром I торжественной службы в соборе св. Павла, на которой собрались дети – воспитанники приходских школ. Удовлетворенно отмечая то благоговение, с которым

³¹¹ Public Ledger and Daily Advertiser, 1814, № 12 (8th June), p. 2.

³¹² Bristol Times and Mirror, 1814, № 2077 (11th June), p. 4.

³¹³ Saint James's Chronicle, 1814, № 8813 (11th June), p. 4.

³¹⁴ Morning Post, 1814, № 13538 (13th June), p. 3.

³¹⁵ London Courier and Evening Gazette, 1814, № 6618 (14th June), p. 3.

³¹⁶ Lancaster Gazette, 1814, № 679 (18th June), p. 3.

российский император внимал происходящему, газетчики писали: «Мы глубоко ошибаемся, если это зрелище не внушает любезному императору более возвышенное представление о британской нации, чем все пышные безделушки, роскошные банкеты и великолепие, свидетелем которых он был среди высших слоев общества»³¹⁷. В этом комментарии одновременно читается и положительная оценка религиозности Александра, и желание со своей стороны нравиться такому добродетельному ему.

При этом если англичане подмечали в натуре российского императора какие-то позитивные черты, то позитивными они им виделись именно с точки зрения принятой у них морали – иными словами, Александр казался им хорошим в том, в чем мог бы быть признан хорошим абстрактный англичанин. Не обнаружив в нем «чувственных пристрастий» и «пижонских капризов», зато заметив ранние подъемы ради наблюдения за тренировкой солдат против пробуждения в полдень иных принцев с целью обсудить фасоны своих костюмов, местные корреспонденты заключили, что русскому царю присущи черты, которые более сочетаются с британским характером³¹⁸. Сюда же можно отнести и то, что в английской прессе посчитали важным запечатлеть для читателя следующий эпизод – когда однажды на Сити-роуд у императорского седла ослабла подпруга, он тут же спешился и закрепил ее собственными руками, не дожидаясь ничьей услужливой помощи³¹⁹.

Тем самым в представлении английских газет Александр I во время своего визита на туманный Альбион представал человеком, бегущим от любой помпезности и церемоний и ищущим только удовлетворения разумной любознательности на фоне чужих нравов и учреждений. Образ этот примечателен тем, что в действительности в ходе этого визита российский император умудрился вызвать досаду и негодование у широчайшего круга представителей английской общественности как раз-таки своим

³¹⁷ Public Ledger and Daily Advertiser, 1814, № 16.911 (17th June), p. 2.

³¹⁸ Champion (London), 1814, № 75 (12th June), p. 1.

³¹⁹ Bristol Times and Mirror, 1814, № 2077 (11th June), p. 4.

непочтительным поведением – и в первую очередь, у самого регента Георга IV своими демонстративными посещениями оппозиции. Согласно тому, что писал граф Нессельроде, еще княгиня Екатерина Павловна, прибывшая в Лондон ранее Александра, прониклась сочувствием к существовавшим в ту пору оппозиционным организациям и сблизилась с ними, а когда ее венценосный брат прибыл в Англию, то стала склонять его освоить политические взгляды английской оппозиции³²⁰. Кроме того, Александр I и сам не проникся в полной мере политическими убеждениями принца-регента и стал симпатизировать вигам³²¹. И хотя в английских газетах лета 1814 г. не было отражено разочарование в образе «освободителя Европы» – но при этом на следующем значимом отрезке, в пору Венского конгресса, прохладное отношение к российскому императору будет ощущаться в газетах уже вполне очевидно – и без видимого перехода.

Более удачным окажется его визит в Нидерланды, где помимо традиционной трогательной встречи с народом³²² у Александра I была ускользнувшая, как кажется, от газетчиков цель (во всяком случае, его посещение этого государства в рассматриваемой прессе едва упоминается). В Гааге русская делегация была встречена с «умилительным радушием, со слезами радости»; в местном театре русскому царю, «возвратившему покой и счастье истерзанной Европе», «бурно рукоплескали»³²³. Об огромном уважении, которым пользовался тогда российский император, говорит и описание торжественного празднования в Нидерландах его 40-го дня рождения – на устроенном в честь него праздничном обеде, который давал сам король Виллем I, присутствовала в полном составе королевская фамилия Оранских, всё правительство и

³²⁰ Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 244.

³²¹ Там же.

³²² Там же.

³²³ Бавыкин Ю.В. Интересы и роль России в образовании королевства Нидерландов: династический союз с Оранскими как инструмент внешней политики Александра I // Вестник МГИМО-Университета, 2017, № 4(55). С. 40.

дипломатический корпус Гааги³²⁴. Но особое внимание стоит обратить на бал, который был устроен 1-2 июля 1814 г. во дворце Оранских Хёйс Тен Босе.

В Нидерландах император был вместе со своими сестрами Екатериной и Анной, и, по свидетельству британского посла графа Кланкарти, на том самом балу наследный принц Виллем «бросился в объятия российского императора Александра и его сестры Екатерины Павловны» – а те постоянно оказывали ему знаки внимания³²⁵. В ту пору планировалась помолвка принца с Шарлоттой Уэльской – дочерью английского принца-регента Георга IV. Параллельно в интересы России входило сделать избавленную от французского владычества Голландию своей союзницей, выведя ее из-под сферы влияния Великобритании. И, воспользовавшись разногласиями в британских верхах по поводу потенциального брачного союза, а также личным влиянием на Виллема и Шарлотту, Екатерина Павловна и Александр I способствовали разрыву помолвки, а затем – воплощению другого брачного союза, принца Виллема с Анной Павловной, закономерно повлекшего за собой лояльность к России со стороны Голландии³²⁶. Этот эпизод мог бы служить газетчикам положительным доказательством личного обаяния российского государя; мог бы, напротив, обнажить его умение пользоваться этим обаянием в корыстных целях – но они были слишком сосредоточены на восхвалении его военных побед и миротворческих усилий, чтобы проследить дипломатические ходы.

По завершении Венского конгресса публику ждала еще одна, но очень важная репрезентация Александра I как победителя Наполеона; теперь уже – вновь победителя. И здесь мы обращаемся к немецкому газетному материалу – параллельно тому, как на убыль шло британское симпатизирующее внимание к его персоне, благодарное внимание со стороны немецких газет, напротив, расцветало всё пышнее.

2.5. Финальная репрезентация Александра I как победителя Наполеона

³²⁴ Бавыкин Ю.В. Указ. соч. С. 42.

³²⁵ Там же. С. 39–40.

³²⁶ Там же. С. 39.

Теперь, когда победа над Бонапартом понималась окончательной и все вопросы были улажены, большая часть русского войска могла из Франции возвращаться в Отечество – но напоследок европейской публике был явлен грандиозный войсковой смотр в окрестностях Вертю, смысл которого выходил далеко за рамки военного парада.

Одной из форм репрезентаций единства с союзниками для Александра I служили массовые богослужения, на которых, помимо российского императора, обязательно присутствовали Фридрих Вильгельм III и Франц I. Первое из этих богослужений совершилось после победы под Кульмом на поле близ богемского города Теплица 2 сентября 1813 г., второе – на Пасху 10 апреля 1814 г. в Париже ³²⁷, третье – 2 октября 1814 г. в Вене (не найдя об этом богослужении упоминаний в литературе, остановимся на нем подробнее). 2 октября 1814 г. можно считать днем фактического начала Венского конгресса (открыть конгресс предполагалось 1 октября, но тот день не принес никаких мероприятий, в то время как днем позже в императорском дворце состоялся бал-открытие ³²⁸). Уже традиционное для себя совместное богослужение с союзниками российский император, очевидно, счел уместным символическим жестом при начале конгресса – с тем чтобы воздать благодарность Господу, ниспославшему победу над Наполеоном, прежде чем приступить к переговорам о переустройстве Европы после свержения последнего. Между выстроенными для парада рядами солдат с утра была установлена передвижная походная часовня, у входа в которую располагалось несколько скамеек, покрытых алым дамасским шелком для высоких гостей. Около 10 часов утра появились и они – российский, австрийский, прусский (а также присоединившийся к ним датский) монархи в окружении многочисленной свиты. Была служба, по окончании которой суровые воины с обнаженными головами пали на колени и вознесли Богу благодарную молитву, а хористы исполнили христианские гимны. В финале церемонии солдаты, возглавляемые командирами, прошли строем перед

³²⁷ Андреев А.Ю. «Литургия» Священного союза... С. 129–143.

³²⁸ Кинг Д. Битва дипломатов, или Вена, 1814. М., 2010. С. 91.

своими монархами³²⁹. Таким образом, в центре движения союзных войск оказывался, с одной стороны, храм (= христианская вера), а с другой – сюзерены, приближенные к Церкви сильнее тех, кем Богом поставлены управлять. Однако подлинно масштабное коллективное богослужение союзников было впереди.

Как сообщали газеты, собранная на равнине близ Вертю 11 сентября 1815 г. русская армия насчитывала 110.000³³⁰ человек («чья осанка отличалась величайшей красотой»), в том числе 36.000 кавалеристов, а артиллерия блистала 400 орудиями³³¹. И все эти полчища разразились аплодисментами, когда перед всеобщим взором показался Александр I³³² – легко себе вообразить, какое впечатляющее это было зрелище – будто целый мир рукоплескал российскому императору. При этом, по сообщениям в тех же газетных очерках, за смотром наблюдало несметное число зрителей, в том числе монархи и первейшие полководцы – для которых по окончании маневров император Александр устроил пир под открытым небом, во время которого было дано несколько артиллерийских залпов. Это было очевидное зримое воплощение торжества России – и ее императора, который «правил бал»; одновременная демонстрация и союзнического потенциала России, и ее независимой мощи как игрока на политической арене. Как сообщали некоторые немецкие газеты со ссылкой на узнавших всё первыми англичан, российский император при Вертю – воздав благодарность Всевышнему – сам провозгласил, что Россия не считает

³²⁹ Regensburger Zeitung, 1814, № 239 (7. Oktober), S. 1022; Bayreuther Zeitung, 1814, № 241 (9. Oktober), S. 101; Allgemeine Zeitung, 1814, № 282 (9. Oktober), S. 1128; Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1814, № 283 (10. Oktober), S. 1.

³³⁰ Хотя в литературе упоминается большее число – 150.000 человек, см.: Андреев А.Ю. «Литургия» Священного союза... С. 144.

³³¹ Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1815, № 263, (20.09). S. 1; Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten, 1815, № 228, (23.09). S. 3; Münchener politische Zeitung, 1815, № 226, (25.09). S. 1028; Baierische National-Zeitung, 1815, № 226, (25.09). S. 941–942.

³³² Там же.

себя в стороне от дел Европы и всегда готова бороться за справедливость по зову императора и Отечества несмотря ни на какие расстояния³³³.

Описание пышного смотра при Вертю опубликовало у себя, таким образом, сразу несколько немецких газет одновременно. Но некоторые, должно быть, менее понятные широкой публике (и уж во всяком случае – менее клишированные) детали этих торжеств напечатали спустя целых две недели после первой порции новостей всего два издания. Однако для личности и образа самого Александра I эти детали представляются куда более важными³³⁴.

Что же заметили эти газеты? Именно то, что после смотра войск российский государь приказал провести всеобщее богослужение. По их сведениям, на равнине Вертю разбито было семь больших шатров, вокруг каждого из которых для участия в службе собиралось по семь-восемь тысяч (!) человек. Тон задавали русские певчие; после их пения Александр Павлович первым пал на колени в молитве перед Богом – и его примеру последовали другие монархи и всё войско с толпой³³⁵. Впечатление от этого, конечно, не могло не повергать в трепет, и мы читаем в газетах мысль: редко Господь получал такой поток смирения, который был адресован Ему здесь³³⁶.

Между тем, эта демонстрация религиозности вызвала благостные чувства, всё же, не у всех. Самая радикальная немецкая газета своего времени, “Rheinischer Merkur”, привела на своих страницах анонимное мнение «одного немца», которого во всем этом грандиозном действе смутила одна коннотация. Идея Александра I “Il faut une religion aux soldats” напомнила ему “Il faut une religion au peuple” из лексикона наполеоновской эпохи³³⁷ – и это на фоне всеобщих восторгов о том, что благодаря императору Александру в Европе всё

³³³ Fränkischer Merkur, 1815, № 239 (27.09). S. 1; Regensburger Zeitung. 1815. № 232 (28.09). S. 974; Augsburger Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten, 1815. № 233 (29.09). S. 2; Erlanger Real-Zeitung, 1815. № 78 (29.09). S. 348; Münchener politische Zeitung, 1815. № 230 (29.09). S. 1045; Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen, 1815, № 118 (3.10). S. 2.

³³⁴ См.: Андреев А.Ю. «Литургия» Священного союза... С. 143–147.

³³⁵ Frankfurter Ober-Post-Amtes-Zeitung, 1815, № 278 (5.10). S. 2; Bayreuther Zeitung, 1815, № 246 (8.10). S. 889.

³³⁶ Там же.

³³⁷ Rheinischer Merkur, 1815, № 323 (2.11). S. 1.

теперь будет по-новому, потому что старого больше нет. Мнение это, впрочем, осталось на газетных страницах безответным – но вряд ли тогда кто-то из наблюдателей мог понять, что отвержение старого мира волей российского императора в восприятии его самого означает далеко не только устранение политического режима Наполеона, но имеет глобальный эсхатологический смысл³³⁸.

Итак, можно видеть, что первоначально, в контексте войны с Наполеоном в 1812 г., Александр I на страницах немецких газет представал в качестве лишь очередного врага расширяющейся французской империи – и врага не самого серьезного. Английские авторы в победу Александра I над Наполеоном поначалу также не верили, но и в 1812 г. относились к русскому монарху с симпатией – им он представлялся воплощением кротости и добродетели, вовлеченной в противостояние с грубой силой и пороком. Когда же дальнейшая судьба Германии (и Европы в целом) оказалась в руках российского императора, его облик в сообщениях всех корреспондентов засиял благородными чертами, олицетворяя спасение, мир и справедливость.

Таким образом, в газетах складывался определенный культ императора Александра – легендарного победителя и справедливого миротворца, – а культ не мог не предполагать символизма и преломления событий в мифологической плоскости. “Deutsche Blätter” писала, что Париж «посеял злые семена драконьих зубов», но император Александр, «как бы в качестве верховного жреца европейского человечества», своим появлением «совершил церемонию искупления, развеяв великое злодеяние» – тогда Наполеон был повержен и неожиданно, в духе греческой традиции, в знак божественного очищения лавровое дерево выросло на том месте, где были похоронены повинные в кровопролитии; в тот же час, когда в роковое место ступил Александр, свежий побег лилии раскинулся над Францией как символ возрождения и надежды³³⁹. Лилия, конечно же, символизировала Бурбонов; но интереснее другой образ:

³³⁸ Андреев А.Ю. Политическая теология... С. 66.

³³⁹ Deutsche Blätter, 1814, № 122 (25. April), S. 434.

намекая оборотом про семена драконьих зубов читателю на миф об аргонавтах, газета, по всей вероятности, подразумевала, что Александр единственный из монархов до победного конца настаивал на продолжении войны – и теперь это его решение понималось как благо; а ведь, как мы помним, в пору 1812 г. ровно это же ставилось ему в укор.

При этом восхищение российским императором в немецких изданиях во многом имело вид воодушевления, старательно улавливающего даже незначительные эпизоды с его участием, в то время как в английских выражалось более сдержанно-аналитически. В конечном счете, как было показано, отношение к нему в немецких и английских газетах фактически поменялось местами относительно первоначального: немцы оказались очарованы своим освободителем, которого недооценивали прежде, а изначально симпатизировавшие русскому царю англичане, напротив, после его оказавшегося не вполне удачным посещения Англии заметно поуменьшили к нему внимание и восторг.

Глава III Венский конгресс

3.1. Александр I как монарх-победитель и его отношения с другими монархами на конгрессе

В самом начале Венского конгресса предполагалось, что он станет краткой формальной встречей, на которой будет подтвержден заключенный в Париже мирный договор и урегулированы локальные вопросы, возникшие после поражения Наполеона³⁴⁰. Но на практике конгресс затянулся на девять месяцев и превратился в длинную череду сложных переговоров, перемежавшихся кризисами и спорами между ключевыми участниками процесса. С другой стороны, помимо делегаций стран-участниц на Венский конгресс прибыло более ста тысяч гостей – политики, художники, ученые, певцы, писатели. Жители Вены также проявляли интерес к происходящему на переговорах. И на всем протяжении конгресса устраивались многочисленные балы, спектакли, концерты, маскарады и пикники³⁴¹.

Большинство венценосных коллег Александра I доверили решение политических вопросов на переговорах своим представителям. Так, главой прусской делегации стал князь Гарденберг, австрийской – князь Меттерних, а английской – лорд Каслри. Император Александр же самолично возглавил делегацию России и стремился вникать во все политические вопросы³⁴². В историографии можно увидеть разные интерпретации его личных качеств, проявившихся в ходе этого – начиная с мнений, согласно которым российский император предстал на конгрессе излишне импульсивным и жадным в желаниях³⁴³ – либо, напротив, галантным и обаятельным собеседником с прекрасными манерами³⁴⁴, и заканчивая тем, что он, сознавая свое одиночество несмотря на кажущееся наличие союзников, чувствовал себя на конгрессе

³⁴⁰ Schroeder P.W. The Transformation of European Politics, 1763–1848. Oxford, 1994. P. 517.

³⁴¹ Троицкий Н.А. Александр I и Венский конгресс // Известия Саратовского университета. Сер. История. Право. Международные отношения. 2005. Т. 5, вып. 1–2. С. 4.

³⁴² Там же.

³⁴³ Кинг Д. Битва дипломатов, или Вена, 1814. М.: АСТ, 2010. С. 12.

³⁴⁴ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 4.

борцом за мир³⁴⁵ и вынужден был проявлять решительность³⁴⁶, напор – и, равно, великодушие³⁴⁷. Но обратимся к оценкам прессы.

Рассматривая различные репрезентации Александра I на Венском конгрессе, необходимо иметь в виду, что они следовали за репрезентацией русского императора в рамках освобождения Европы от Наполеона так же, как сам конгресс логически увенчивал эту борьбу. Свергнув военное владычество корсиканца, Александр I восстанавливал течение мирной жизни на освобожденных территориях и на страницах газет представал отныне в образе созидателя. Читатель немецких газет, например, узнавал о том, что Александр Павлович возвращает пруссакам конфискованные Наполеоном суммы³⁴⁸, дает советы их королю насчет устройства в государстве почтовой системы³⁴⁹ и в целом проявляет участие ко всему, что видит. Пресса любовно коллекционировала подобные эпизоды, демонстрирующие равнодушие русского государя к делам их земель.

Таким образом, еще до провозглашения Священного союза в прессе демонстрировалась особая близость русского государя с королем Пруссии и австрийским императором. Например, примечательно известие о том, что когда первый французский посланник испросил у императора Александра тайной аудиенции, тот «в своей манере» заверил визитера, что нет разницы, кому француз доверит свои дела и пожелания: ему, императору Францу или же королю Фридриху Вильгельму III³⁵⁰. Газеты запечатлели и другой схожий эпизод: когда на подпись Александру Павловичу доставили очередную записку, он хотел было прочесть ее, как вдруг заметил, что та уже подписана императором Францем, – и произнес: «То, что засвидетельствовано этим

³⁴⁵ Кинг Д. Указ. соч. С. 215.

³⁴⁶ Макарова Т.А. Роль Александра I в международных отношениях и предпосылки создания Священного союза // Вестник ВолГУ. Серия 4. 2008, № 1 (13). С. 165.

³⁴⁷ Сахаров А.Н. Указ. соч. С. 236–237.

³⁴⁸ Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № XVII (25. November 1814), S. 262.

³⁴⁹ Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № XVI (22. November 1814), S. 254.

³⁵⁰ Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № XIII (11. November 1814), S. 201–202.

именем, не нужно и читать»³⁵¹. Такими заявлениями Александр I старался подчеркнуть, что он с австрийским императором и королем Пруссии являет собой нечто целое, единое в трех лицах. Немецкой публике это было по душе. В прессе о единении государей с восторгом писали как об уникальном в истории примере и гаранте всеобщего благополучия³⁵². Авторы транслировали убеждение, что их земля никогда вновь не обagrится кровью, покуда порядок поддерживается мудростью и праведностью Франца I, Александра I и Фридриха Вильгельма III³⁵³.

В литературе известны примеры дружеских проявлений этих монархов в адрес друг друга (так, можно вспомнить эпизод, когда российский император получил от Франца I в подарок говорящего скворца, который был обучен произносить фразу «Виват Александр!»³⁵⁴). В рамках освещения дружбы-братства между тремя монархами газеты, со своей стороны, также приводили различные эпизоды их единения. В немецкой прессе писали о том, что на фоне болезни австрийского императора откладывали поездки и мероприятия российский и прусский монархи – с комментарием, что те всё равно не были бы счастливы без компании императора Франца³⁵⁵. Позже газеты приводили эпизод с шуткой, когда императору Александру доложили о прибытии русского капитана с важными донесениями из Петербурга и Александр тотчас же велел его пропустить – но вместо мнимого посыльного увидел императора Франца в русском мундире с полученным письмом от императрицы-матери Марии Федоровны в руках³⁵⁶. В день Вознесения Господня, совпавший в 1815 г. с годовщиной французской бомбардировки Вены 1809-го г., императоры Александр I и Франц I несколько раз были замечены у открытого окна, где в

³⁵¹ Frankfurter Ober-Post-Amtes-Zeitung, 1814, № 353 (20. Dezember), S. 4; Regensburger Zeitung, 1814, № 304 (22. Dezember), S. 1289.

³⁵² Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № XIII (11. November 1814), S. 201–202.

³⁵³ Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № LX (18. April 1815), S. 834.

³⁵⁴ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 5.

³⁵⁵ Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № XVII (25. November 1814), S. 261.

³⁵⁶ Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1815, № 24 (28. Januar), S. 1; National-Zeitung der Deutschen, 1815, № 7 (15. Februar), S. 143.

ходе оживленной беседы «переплелись в дружеском объятии сердцем к сердцу»³⁵⁷. Жест этот кажется тем менее случайным, если учесть любовь Александра к приурочиванию знаковых событий к религиозным праздникам с приданием им тем самым большего веса³⁵⁸. Воспрывшая от французского владычества Вена (и Австрия в целом), конечно, легко увязывалась с попранием смерти Христом.

Между тем, в историографии известно и то, что в реальности отношения между тремя монархами были безоблачными отнюдь не всё время, и демонстративные сцены исконного единения с их стороны представляли собой инструмент воздействия на публику (если судить по горячему отклику прессы – вполне успешный). Во время упоминавшейся прежде поездки в Венгрию Александр I был довольно жёсток со своими венценосными коллегами, регулярно выражая недовольство дипломатами конгресса, в первую очередь – австрийским представителем Меттернихом. Последнего – отнюдь не симпатизировавшего Александру Павловичу по личным причинам³⁵⁹ – австрийский император ценил настолько, что стремление Александра уговорить Франца I и Фридриха Вильгельма III создать альянс трех монархов, чтобы втроем собственноручно, т.е. без привлечения дипломатов, решать проблемы Европы, едва ли было воплотимо до конца³⁶⁰. Правда, в начале ноября 1814 г. состоялся обед прусского и российского императоров в апартаментах Александра I во дворце Хофбург, в ходе которого русский монарх через Фридриха Вильгельма III сумел повлиять, по крайней мере, на линию поведения прусского канцлера Гарденберга. Александр обвинял

³⁵⁷ Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten, 1815, № 114 (13. Mai), S. 1 – с пометкой, что это новости из Вены от 7 мая; это сообщение также пересказывают Frankfurter Ober-Postamts-Zeitung, 1815, № 137 (17. Mai), S. 1; Fränkischer Zeitung, 1815, № 105 (15. Mai), S. 4; Regensburger Zeitung, 1815, № 116 (16. Mai), S. 486.

³⁵⁸ См.: Андреев А.Ю. «Политическая теология» императора Александра I: идеи, репрезентации, практика // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. М., 2022. Т. 106. С. 62–80.

³⁵⁹ Кинг Д. Указ. соч. С. 130.

³⁶⁰ Там же. С. 143–144.

последнего в том, что тот не следует указаниям своего императора, а проводит собственную политику и заключает те договоренности, которые сам считает нужными. После этого Гарденберг получил указание прекратить сговариваться с представителями Британии и Австрии и следовать курсу, задаваемому лично императором Пруссии. В результате этого 7 ноября Гарденберг проинформировал лорда Каслри, что Пруссия выступит в поддержку России на переговорах³⁶¹.

Но всё это оставалось за кулисами конгресса, на основании же того, что было приоткрыто публике, пресса не уставала восхищаться тесной связью русского, австрийского и прусского правителей. В марте 1815 г. освещение получило, пожалуй, самое весомое свидетельство близости этих монархов (возможно, выведенное газетчиками дедуктивно: о чем еще можно было разговаривать в этот момент?): когда на конгрессе было получено известие о побеге Наполеона с о. Эльбы, Александр I и Фридрих Вильгельм III приватно встретились на бастионе, чтобы обсудить поступившую информацию – и только после этого прусского короля отыскал князь Гарденберг, чтобы официально передать ему сообщение о случившемся побеге³⁶².

От английских журналистов демонстративная близость русского, прусского и австрийского монархов также не укрылась. Душой этого «кружка» они вполне справедливо находили Александра I, что видно и по частоте упоминаний каждого из трех монархов в газетах (см. график в Приложении 2). Российский император с большим отрывом лидирует по числу посвященных ему публикаций абсолютно во всех рассматриваемых нами английских газетах, а из числа немецких – в выходивших на территории Баварии и Гессена (для прусских журналистов их собственный король, конечно, вызывал больший интерес, однако и в них мы видим достаточное число заметок об Александре I, особенно – в “Deutsche Blätter”, издателем которой, как уже отмечалось, был

³⁶¹ Зак Л.А. Указ. соч. С. 86–87.

³⁶² Erlanger Real-Zeitung, 1815, № 21 (4. März), S. 91.

друг В. Гумбольдта, историк и горячий сторонник Освободительной войны К. Вольтманн).

Британские корреспонденты замечали, что если король Пруссии производит впечатление на наблюдателей своей немецкой серьезностью, то для завоевания народных сердец созданы именно благородство и снисходительность российского императора³⁶³. Однако напрашивающееся предположение, что подобная близость должна была бы их настораживать, не находит подтверждения в материалах газетных публикаций. И объяснение этому парадоксу обнаруживается в поле британского политического самомнения. Дело в том, что пресса Великобритании помещала свою страну на переговорах в общий эшелон ведущих держав вместе с Россией, Австрией и Пруссией. Это в определенном смысле отвечало положению вещей, но примечательны сами газетные формулировки: «...Император Александр и король Пруссии должны остаться [на конгрессе далее, в то время как ожидается отъезд прочих государей, если переговоры вскорости будут завершены в основной своей части]. Отсюда следует, что два последних государя находятся в наилучших отношениях с Австрией и что дух Четверного союза, давший свободу Европе, не угас»³⁶⁴ – в качестве четвертого участника на фоне примеченной близости между русским, прусским и австрийским государями, таким образом, разумелась Великобритания (сам Четверной союз был оформлен договорами в начале 1814 г. на конгрессе в Шомоне³⁶⁵ и затем подтвержден вторым Парижским миром³⁶⁶).

В частном поведении Александра I в рамках дружеского союза монархов английские, немецкие и австрийские корреспонденты подчеркивали дружелюбие, скромность на грани самоиронии, равнодушие и заботливость – что находит отражение в самом отборе материала для трансляции читателю.

³⁶³ Evening Mail, 1814, 19th October, № 3154, p. 3; The Morning Post, 1814, 19th October, № 13649, p. 2; Saint James's Chronicle, 1814, 20th October, № 8869, p. 2.

³⁶⁴ Hull Packet, 1815, 3rd January, № 1471, p. 2.

³⁶⁵ Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 193.

³⁶⁶ Там же. С. 347.

Так, множество английских³⁶⁷ и немецких газет³⁶⁸ нашли важными и интересными следующие детали: когда австрийский император презентовал Александру Павловичу шефство над полком, последний покинул свою свиту, переместился во главу полка и трижды отсалютовал Францу I шпагой как новоиспеченный командир подразделения (Франц ответил ему теплыми объятиями; рассказ об этом сопровождается комментарием, что таким образом правители объединяются и оружием, и сердцем, готовые противостоять любым нарушениям мира в Европе). Когда же австрийский император, намереваясь спешиться, огляделся в поисках кого-нибудь из своей свиты, кто придержал бы его коня, то Александр I спрыгнул и вместо слуги помог сойти на землю своему другу и союзнику³⁶⁹. Забота же о прусском короле со стороны российского императора проявилась в терпеливых регулярных визитах к Фридриху Вильгельму III, когда тот, в свою очередь, был болен³⁷⁰. Таким образом, российский император демонстрировал внимание к своим друзьям в вопросах здоровья и настроения, с готовностью выражал поддержку физическую и душевную – делая это и легко, и броско разом.

Между тем, пресса не оставляла без внимания трогательное радушие императора Александра не только по отношению к партнерам по будущему Священному союзу. Так, писали, что во время одного из последних своих визитов к императрице Марии-Луизе он, долго побеседовав с юным

³⁶⁷ Evening Mail, 1814, 4th November, № 5161, p. 4; Star (London), 1814, 4th November, № 8634, p. 2; The News (London), 1814, 6th November, № 486, p. 6; Bell's Weekly Messenger, 1814, 6th November, № 971, p. 4; National Register (London), 1814, 6th November, № 353, p. 10; Caledonian Mercury, 1814, 7th November, № 14495, p. 2; Hampshire Chronicle, 1814, 7th November, № 2113, p. 2; Kentish Gazette, 1814, 8th November, № 4841, p. 3; Kentish Weekly Post or Canterbury Journal, 1814, 8th November, № 3631, p. 2; London Moderator and National Adviser, 1814, 9th November, № 139, p. 2; Chester Chronicle, 1814, 11th November, № 2053, p. 3; Cambridge Chronicle and Journal, 1814, 11th November, № 2716, p. 4; Stamford Mercury, 1814, 11th November, № 83, p. 4; Norfolk Chronicle, 1814, 12th November, № 2530, p. 1; Northampton Mercury, 1814, 12th November, № 95, p. 4; Manchester Mercury, 1814, 15th November, № 3274, p. 2.

³⁶⁸ Regensburger Zeitung, 1814, № 254 (25. Oktober), S. 1087; Baierische National-Zeitung, 1814, № 254 (26. Oktober), S. 1049; Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № VIII (28. Oktober 1814), S. 118.

³⁶⁹ Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № IX (1. November 1814), S. 141.

³⁷⁰ Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № XXIII (16. Dezember 1814), S. 351; Münchener politische Zeitung, 1814, № 305 (22. Dezember), S. 1419.

Наполеоном, нежно целовал его – сына своего недавнего врага³⁷¹. Александр I публично демонстрировал также свою привязанность к князю Шварценбергу, удаляясь с ним с парада, держа за руку³⁷². Последнее отметили не только немцы, но и англичане; сразу несколько британских газет фиксировало непрекращающееся дружеское внимание российского императора к князю Шварценбергу – полагая, что именно это внимание обеспечивает хорошее взаимопонимание между австрийским и русским дворами³⁷³. Причем звучали такие оценки в феврале 1815 г., когда разброд и разногласия на переговорах уже не составляли тайны для прессы. Возможно, корреспонденты с берегов Туманного Альбиона были уверены, что коммуникабельность Александра I способна смягчить неровности дипломатической тяжбы.

«Взволновала сердце» немецкого газетного наблюдателя сцена, когда Александр Павлович, прощаясь со своей сестрой Марией, герцогиней Веймарской, «с братской нежностью» ущипнул ее за щеку и так же от души поцеловал³⁷⁴ (нужно сказать, что со своими сестрами – как известно, помимо Марии на конгрессе брата сопровождала Екатерина Павловна – император имел обыкновение ежедневно прогуливаться между одним и двумя часами ночи на бастионе, и эта картина, по свидетельству газет, неизменно собирала великое множество восхищенных зрителей, ухитрявшихся, не иначе, разглядеть знакомую фигуру императора даже в темноте³⁷⁵). И подобные проявления нежности в адрес кровных родственниц едва ли могли казаться публике удивительными от человека, который выражал теплоту к целому кругу формально посторонних лиц, куда входили как монархи, так и подданные.

³⁷¹ Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten, 1815, № 61 (13. März), S. 1 – с пометкой, что это новости из Вены от 6 марта; также и в Allgemeine Zeitung, 1815, № 70 (11. März), S. 280.

³⁷² Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № III (11. Oktober 1814), S. 44–45.

³⁷³ The Morning Post, 1815, 13th February, № 43749, p. 2; Oxford University and City Herald, 1815, 18th February, № 456, p. 1; The Sunday Monitor, 1815, 19th February, № 2020, p. 4.

³⁷⁴ Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № III (11. Oktober 1814), S. 38; Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1814, № 286 (13. Oktober), S. 1; Erlanger Real-Zeitung, 1814, № 83 (18. Oktober), S. 370.

³⁷⁵ Allgemeine Zeitung, 1815, № 5 (5. Januar), S. 20; аналогично – Münchener politische Zeitung, 1815, № 5 (6. Januar), S. 21; Baierische National-Zeitung, 1815, № 5 (6. Januar), S. 21.

На глазах у публики и корреспондентов российский государь одаривал своей компанией и принца Евгения Богарне – впервые газеты упоминают об этом, передавая новости последних дней января 1815 г.³⁷⁶, а уже в середине февраля сообщают о прогулках Александра Павловича с пасынком Наполеона как о ежедневных³⁷⁷. Широко известно мнение, что Александр I делал это демонстративно с целью напугать оппонентов на конгрессе «призраком Наполеона» и своей готовностью в крайнем случае «выпустить чудовище»; однако в изложении немецких газет нет ни тени подобной трактовки – факт прогулок русского царя с принцем Евгением либо просто констатируется в них без комментариев в рамках общей сводки светских новостей, либо пропитан умилением к дружелюбности «Северного Сфинкса».

Таким образом, можно заметить, что в целом ряде газетных известий об Александре I в пору Венского конгресса различимо чувство «близкородственной» теплоты, с которой он общался с людьми разного происхождения и положения из монархических кругов Европы. Предвосхищая создание Священного союза как «общеевропейской семьи», Александр I в эпоху Венского конгресса как бы выстраивал «родственные» отношения с представителями разных монархий, на личном уровне закладывая основы будущего братства государств.

3.2. Александр I как дипломат. Восприятие его дипломатической деятельности на конгрессе

Важную сторону образа Александра I на конгрессе составляли его дипломатические способности. При всей своей услужливости и мягкости в обращении именно он – победитель Наполеона – виделся публике человеком, способным влиять на судьбы Европы в первую очередь. И именно ему

³⁷⁶ Münchener politische Zeitung, 1815, № 33 (8. Februar), S. 147; Regensburger Zeitung, 1815, № 34 (9. Februar), S. 140; Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1815, № 42 (11. Februar), S. 1.

³⁷⁷ Augsburgerische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1815, № 45 (22. Februar), S. 2; Münchener politische Zeitung, 1815, № 46 (23. Februar), S. 203; Regensburger Zeitung, 1815, № 47 (24. Februar), S. 194; Bayreuther Zeitung, 1815, № 48 (25. Februar), S. 188.

корреспондентами отводилась решающая роль в преодолении трудностей и разногласий между делегациями на переговорах.

Яркое тому свидетельство – то, что немецкие газетчики преподносили Александра в качестве гаранта грядущего немецкого счастья и свобод. Они всячески подчеркивали неутомимую работу русского государя ради всеобщей пользы: «Несмотря на недомогание, император Александр последние 8 дней много работал. ...То был час... будущего образования Европы»³⁷⁸ (бюллетени о состоянии здоровья Александра I выходили регулярно, вплоть до его очередного выздоровления³⁷⁹; вообще же в двадцатых числах ноября высшее общество Венского конгресса неожиданно охватила эпидемия гриппа – первым заболел австрийский император, затем Александр I, за ним Меттерних, прусский император, Гарденберг и многие другие, из-за чего даже переносился неоднократно концерт Людвига ван Бетховена³⁸⁰).

Более того, целый ряд немецких газет³⁸¹ из разных земель с удовлетворением отмечал, что император Александр «еще раз доказал свою благоразумие, к удовольствию всех немецко-настроенных людей» мощной нотой в адрес кабинетов Австрии и Пруссии, в которой уверял в своем активном участии в осуществлении всего того, что, по самым либеральным настроениям, должно было быть положено в основу будущей германской конституции. При этом нужно заметить, что все разместившие упомянутые строки газеты выходили на землях Баварии и Гессена – подданные которых желали общегерманской конституции без прусского приоритета³⁸². Примечательно, что в другом случае

³⁷⁸ *Baierische National-Zeitung*, 1814, № 298 (16. Dezember), S. 1256; *Münchener politische Zeitung*, 1814, № 301 (17. Dezember), S. 1403–1404 – со ссылкой на *Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses*, № XXI (9. Dezember 1814), S. 314.

³⁷⁹ *Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses*, № XVII (25. November 1814), S. 261; *Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses*, № XX (6. Dezember 1814), S. 308.

³⁸⁰ Кинг Д. Указ. соч. С. 175.

³⁸¹ *Baierische National-Zeitung*, 1814, № 284 (30. November), S. 1183; о том же ранее в чуть иных выражениях – *Bayreuther Zeitung*, 1814, № 283 (28. November), S. 1173; *Erlanger Real-Zeitung*, 1814, № 95 (29. November), S. 420; *Regensburger Zeitung*, 1814, № 284 (29. November), S. 1208.

³⁸² Формирование и развитие политики средних германских государств

газеты этих же земель – с надеждой взиравшие на участие в конгрессе К. Штейна как заступника идеи именно такой конституции – подчеркивали, что этот человек пользуется величайшим доверием Александра I³⁸³. Тем самым имя Александра I, с одной стороны, преподносилось как синоним просвещенности взглядов, а с другой – казалось достаточным аргументом для склонения чаши весов в любую желаемую сторону.

Следует отметить, что газеты зачастую представляли его влияние на ход конгресса в преувеличенном виде. В частности, в ту самую пору, когда князь Талейран (незримо для газетчиков, поскольку последние не имели доступа к содержанию нот на конгрессе) вел активную борьбу за включение Франции в своем лице в состав руководящего комитета, в немецких и французских газетах кипела полемика на тему того, должна ли Франция иметь право голоса в регулировании германских дел. И пока за закрытыми дверями союзники вынуждены были идти на уступки Талейрану, газетная хроника уверенно фиксировала: «Все спекуляции... [со стороны Франции] бесполезны. Император Александр и его союзники ограничивают французов Парижским миром»³⁸⁴. Показательно, что первым среди равных за круглым столом в этих строках позиционировался российский император – единственный, поименованный непосредственно; показательно и то, что в немецкой прессе не сомневались ни в способности возглавляемой им группы отстоять германские интересы, ни в ее намерении это сделать. С другой стороны, Александру Павловичу действительно удавалось завязывать полезные контакты, которые оставались за рамками официальной части конгресса. Например, он активно общался с княгиней Е.П. Багратион, правнучкой родного брата Екатерины I, а также с герцогиней Вильгельминой Саган, внучкой курляндского герцога Э.И. Бирона – обе дамы были близки Меттерниху, и в ходе общения с ними

и их взглядов на реформу Германского союза в 1815–1848 гг. // Даценко П.А. Проекты реформирования Германского союза и политика средних германских королевств в 1849–1864 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. ГАУГН. М., 2019. С. 45–46.

³⁸³ Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1814, № 310 (7. November), S. 1; Erlanger Real-Zeitung, 1814, № 89 (8. November), S. 396.

³⁸⁴ Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № IV (14. Oktober 1814), S. 53.

Александр I стремился выяснить тайны, которыми владел австрийский канцлер³⁸⁵.

При отсутствии каких-либо конкретных известий с переговоров немецкие газеты с чувством глубокого убеждения публиковали слухи о том, будто российский император намерен принести великую жертву в отношении Польши (то есть, отказаться от притязаний на ее земли), поскольку для него ничто так не дорого, как мир в Европе³⁸⁶. В английской прессе также писали о «щедрых жертвах императора Александра», которые «сгладили трудности конгресса» – при том, что, по признанию самих корреспондентов, масштабы и характер этих жертв были пока неизвестны («кто-то утверждает, что великий герцог Саксонии получит Герцогство Варшавское вместе с титулом короля Польши взамен Саксонии, другие думают, что это скорее король Пруссии будет править Польским королевством») – так или иначе, всё сходилось ко мнению, что Александр I благородно отказывается от планов расширения³⁸⁷.

Расхождение в немецких и английских оценках обнаружилось, когда стало очевидно, что переговоры затягиваются, несмотря на кажущееся благородство российского императора. Для немцев аргументом, объясняющим промедление, оказалась известная «жертвенность» Александра: «Конечно же, было бы ошибкой заключать, что его уступчивость будет распространяться на объекты, за которые он поручился [а его оппоненты так полагают, поэтому конфронтация продолжается]» – замечали немцы³⁸⁸. Англичане же, которые с одобрением отмечали, например, невмешательство русского императора в ход выборов во Франции – объясняя его тем, что Александр Павлович исходит из неотъемлемого права наций регулировать свое правление без какого-либо вмешательства извне³⁸⁹ – теперь стали транслировать уверенность, что в

³⁸⁵ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 4–5.

³⁸⁶ Frankfurter Ober-Postamts-Zeitung, 1814, № 355 (22. Dezember), S. 3.

³⁸⁷ Leeds Mercury, 1814, 24th December, № 2583, p. 2.

³⁸⁸ Там же.

³⁸⁹ Anti-Gallican Monitor, 1814, № 170 (24th April), p. 3065.

польских землях «при благотворном правлении императора Александра» будет учрежден конституционный порядок³⁹⁰.

Если опустить выражаемую в этих строках позитивную оценку просвещенности Александра I как правителя, то в фокусе останется одно: понимание со стороны английских корреспондентов, что Польша неминуемо войдет в состав Российской империи. И действительно, еще согласно Калишскому договору, тайно заключенному Россией и Пруссией в феврале 1813 г., Россия должна была получить Польшу, а Пруссия – Саксонию в обмен на отказ от претензий на часть польской территории³⁹¹. И этот договор сыграл немаловажную роль в реализации планов сторон на Венском конгрессе.

Александр Павлович желал объединить ту часть Польши, которая была унаследована им от Екатерины II, с землями Варшавского герцогства, где находились теперь его войска, а король Пруссии по-прежнему готов был выполнить свои союзные обязательства по Калишскому договору, поэтому позиция российского императора на Венском конгрессе в польском вопросе была достаточно сильной³⁹². Вместе с тем, и противников таких планов на конгрессе было предостаточно, и одним из главных среди них был лорд Каслри, без всякого знания о Калишском договоре уверенный, что у российского императора есть политические интересы в отношении Польши, которые могут сказаться на балансе сил в Европе и спровоцировать новый конфликт³⁹³. В свою очередь, Талейрану баланс сил в Европе виделся неутешительным в случае присоединения Саксонии к Пруссии, поскольку Пруссия в этом случае, с его точки зрения, оказалась бы слишком могущественным государством в самом центре Европы, представляющим угрозу всему континенту. Противником передачи саксонских земель Пруссии по понятным причинам был и король самой Саксонии – на момент Венского

³⁹⁰ The Star, 1815, № 8707 (28th January), p. 4.

³⁹¹ Зак Л.А. Указ. соч. С. 68–69.

³⁹² Кинг Д. Указ. соч. С. 37–38.

³⁹³ Там же. С. 120.

конгресса он находился в прусской тюрьме, в связи с чем его на конгрессе представлял граф Фридрих Альбрехт Шуленберг³⁹⁴.

Александр I на фоне такой оппозиции своим планам даже пригрозил отдать королю Пруссии свою армию, находящуюся в Саксонии³⁹⁵ – и эта угроза встревожила всех, включая делегатов от самой Пруссии Гумбольдта и Гарденберга, которые не желали, чтобы Пруссия была в такой зависимости от российского императора. Гарденберг в этой связи даже обратился к министрам иностранных дел Австрии и Великобритании, выразив готовность поддержать их в противостоянии интересам Александра в отношении Польши, если Пруссия получит Саксонию без помощи России³⁹⁶.

И 22 октября 1814 г. Меттерних в ответ вручил Гарденбергу письмо, в котором сообщал, что если Пруссия поможет блокировать намерения Александра I относительно Польши, то он (Меттерних) согласится на вхождение Саксонии в состав Пруссии³⁹⁷. Австрийского канцлера устраивал расклад, при котором Пруссия получала бы Саксонию, но Россия не получала бы Польшу. Лорда Каслри вариант с получением Пруссией власти над Саксонией также устраивал – он готов был пойти на уступки ради сохранения мира в Европе, однако у него не было желания идти на уступки лично Александру I в рамках его польских интенций³⁹⁸. Днем позднее Меттерних, Гарденберг и Каслри провели встречу, в рамках которой договорились совместно противостоять амбициям Александра в отношении Польши (согласно их плану, Польша должна была быть поделена между Австрией, Пруссией и Россией)³⁹⁹. Но вывод русской армии с территории Саксонии, которая тут же перешла под контроль Пруссии, в том же месяце обозначил их дипломатическое поражение⁴⁰⁰.

³⁹⁴ Там же. С. 121–122.

³⁹⁵ Зак Л.А. Указ. соч. С. 71.

³⁹⁶ Там же. С. 77.

³⁹⁷ Кинг Д. Указ. соч. С. 132.

³⁹⁸ Там же. С. 123, 146–147.

³⁹⁹ Там же. С. 132.

⁴⁰⁰ Там же. С. 161–162.

Всего этого журналисты не знали, но, как было сказано выше, сознавали, что Польша окажется под скипетром Александра I. Как было увязать это с представлением о благородстве русского царя? Ведь газеты неустанно напоминали, что на фоне недавних грандиозных событий ему нельзя отказать в великодушии. И решение было найдено: теперь, как объясняли англичане, александровское великодушие, по-видимому, «прогибается под политикой России»⁴⁰¹. Иначе говоря, по их версии, Александру Павловичу очевидно приходилось уступать под натиском желаний своих министров, либо своего народа, в то время как сам он ни за что не пошел бы на подчинение польского народа своей власти – в силу всё того же благородства и уважения права на самоопределение.

В верхах английского общества перспектива присоединения польских земель к Российской империи осознавалась еще яснее, чем в прессе – и уж конечно без позитивного флера. 6 декабря 1814 г. лорд Каслри получил сообщение из Лондона, откуда узнал, что британское правительство недоволено тем курсом, который он избрал на Венском конгрессе. От него требовали поддержать Саксонию, а не позволять Пруссии ее присвоить; также правительство призывало его не портить отношения с Россией, поскольку желало избежать новой европейской войны – Британия в тот момент вела серьезную войну на другом конце Земли, с Соединенными Штатами⁴⁰². Но Каслри остался верен себе. 3 января 1815 г. между Францией, Австрией и Великобританией заключен был секретный договор, целью которого было противодействие присоединению Саксонии к Пруссии и Польши – к России; договор, который предусматривал, что если одна из сторон подвергнется опасности (исходящей, разумеется, от Пруссии или России), то другие обязуются этому помешать, и при необходимости направить на помощь 150-тысячную армию с каждой стороны⁴⁰³. В этой связи любопытно, что спустя две недели, как заключен был этот договор, баварская “Allgemeine Zeitung” (со ссылкой на гамбургскую

⁴⁰¹ Kentish Weekly Post or Canterbury Journal, 1814, 15th November, № 3633, p. 4.

⁴⁰² Кинг Д. Указ. соч. С. 193–194.

⁴⁰³ Надлер В.К. Император Александр I и идея Священного союза. Т. 5. С. 450–451.

газету) приводила известия о витающих в воздухе слухах о нагнетании военного элемента и беспокойстве обывателей в связи с передвижениями войск на саксонских территориях – но подытоживала это заявлением о том, что император Александр держит себя очень решительно, а значит, беспокоиться совершенно не о чем⁴⁰⁴. На фоне этого «развязные голоса», по отчету той же газеты, успокоились и затихли⁴⁰⁵.

Это значит, что для общества в целом не были совсем уж неизвестны неурядицы среди участников конгресса и перспектива нового большого конфликта держав – иначе не звучали бы и «развязные голоса». Но в прессе при этом были совершенно не склонны предполагать какую-либо пристрастность и несправедливость лично в Александре Павловиче – в том числе, его особую расположенность к интересам своего прусского коллеги. Что касается британских авторов, то закрепленное Парижским миром представление о самозабвенном либерализме российского императора и его убежденности в праве народов на самоопределение, очевидно, влияло на них и при оценке саксонского вопроса. Когда рассуждения конгресса начинали принимать для британских наблюдателей «неудачный оборот» (поскольку им было невыгодно усиление Пруссии за счет саксонских территорий), ряд британских изданий писал, что раздел Саксонии кажется неизбежным «несмотря на присутствие императора Александра»⁴⁰⁶ – то есть, они и помыслить не могли о том, что Александр I способен желать передачи саксонских земель под руку своего прусского друга Фридриха Вильгельма III.

В изданиях мелких германских княжеств критики на ту же тему не появилось за весь период Венского конгресса. Едва ли не единственным примером, свидетельствующем о том, что авторы немецких газет по крайней мере осознали факт подчеркнуто прусских симпатий Александра I, служит запись баварской “*Bayreuther Zeitung*” от декабря 1814 г. Она повествует, что в

⁴⁰⁴ Allgemeine Zeitung, 1815, № 23 (23. Januar), S. 91.

⁴⁰⁵ Там же.

⁴⁰⁶ The Morning Post, 1815, 10th January, № 13720, p. 2; Star, 1815, 10th January, № 8691, p. 2; Globe, 1815, 10th January, № 3768, p. 2; London Chronicle, 1815, 11th January, № 8748, p. 6; Leicester Chronicle, 1815, 14th January, № 222, p. 2.

частной аудиенции император Александр очень холодно принял выступающего против присоединения саксонских земель к Пруссии князя Меттерниха – но что в конце концов не кому иному, как Марии Павловне (а по совместительству жене герцога Веймарского, также закономерно не заинтересованного в усилении Пруссии) удалось изменить взгляды своего августейшего брата в этом вопросе⁴⁰⁷. И вынужденная жертва в отношении саксонских земель была поставлена в заслугу российскому императору без всякого заострения внимания на том, что изначально он вовсе не желал подобного исхода; Александр Павлович глядит со страниц газет нежным братом и принимающим чужие мнения и аргументы просвещенным правителем.

Британцам же на многое открыла глаза упомянутая “Inverness Journal and Northern Advertiser” «прокламация Репнина» (речь, по-видимому, идет о том, что когда по окончании срока своего пребывания на посту генерал-губернатора Саксонии Н.Г. Репнин передал свою должность министру Пруссии фон дер Рекку и генералу Гауди, то заявил, что эта передача должна подготовить соединение Саксонии с Пруссией⁴⁰⁸). Сообщая читателям о сделанной прокламации, авторы предлагали следующее рассуждение: это определенно должно было быть санкционировано напрямую российским императором – ибо русский генерал не осмелился бы сообщать саксонцам, что они должны иметь в качестве государя Фридриха Вильгельма III и его потомков, без соответствующего приказа – и приказ этот, видимо, стал результатом частной беседы Александра I с королем Пруссии, поскольку до появления прокламации оставался неизвестным никому – или, во всяком случае, английской стороне⁴⁰⁹.

Но даже когда английским корреспондентам, в конце концов, стали очевидны личные интенции Александра Павловича в саксонском вопросе, практически все английские газеты по-прежнему не прибегли к критике. В

⁴⁰⁷ Bayreuther Zeitung, 1814, № 294 (11. Dezember), S. 1224.

⁴⁰⁸ Захарова О.Ю. Н.Г. Репнин-Волконский – участник Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XXI Международной научной конференции, 4–6 сентября 2017 г. М., 2018. С. 231.

⁴⁰⁹ Inverness Journal and Northern Advertiser, 1814, 16th December, № 385, p. 2.

качестве смыслового ядра новости теми из них, кто вообще коснулся этой тематики, был выведен непосредственно тот же слух, что и в немецких газетах – о том, что сестре русского царя удалось повлиять на него в этом вопросе не в пользу Пруссии⁴¹⁰. Впрочем, нельзя не принимать во внимание то, что корреспондентам с Туманного Альбиона добывать сведения о происходящем на конгрессе в силу естественной отдаленности их от места событий было еще труднее, чем немецким – англичанам приходилось довольствоваться слухами, распространявшимися из Вены посредством частной переписки, и слухи эти были обрывочны и во многом случайны. Британские газетчики зачастую не знали начала какой-нибудь истории или же ее конца, а то и вовсе пропускали в печать сведения, абсолютно оторванные от действительности. Так, в свою очередь публикуя, как и немцы, известие о холодном приеме Меттерниха Александром I, целый ряд английских газет сообщал⁴¹¹, что русский государь – обнаружив, что Меттерних не согласен с его взглядами на польский вопрос – потребовал, чтобы тот был отозван с переговоров, на что Австрия согласилась при условии, что отозван также будет и российский посланник. И в одной из этих газет приводилось неожиданное продолжение инцидента. По информации “Cheltenham Chronicle”, требование российского императора было удовлетворено и Меттерних в составе австрийской делегации заменен был своим предшественником на посту министра иностранных дел графом Штадионом⁴¹² (кандидатура последнего возникла в воображении авторов слухов, возможно, потому, что Штадион занимал противоположную Меттерниху позицию по вопросам иностранных дел и выступал за иную организацию немецкую конфедерации под австрийским руководством).

⁴¹⁰ London Courier and Evening Gazette, 1814, 5th December, № 6932, p. 2; Durham County Advertiser, 1814, 10th December, № 14, p. 2.

⁴¹¹ Kentish Weekly Post or Canterbury Journal, 1815, 24th January, № 3653, p. 4; Public Cause, 1815, 25th January, № 16, p. 5; Stamford Mercury, 1815, 27th January, № 4375, p. 4; Norfolk Chronicle, 1815, 28th January, № 2341, p. 4; Northampton Mercury, 1815, 28th January, № 46, p. 1.

⁴¹² Cheltenham Chronicle, 1815, 26th January, № 285, p. 2.

Так или иначе, при публикации подобных новостей английские корреспонденты воздерживались от негативных оценок в адрес русского государя, не внося в текст эмоциональной окраски – более того, не акцентируя внимания на самом факте имперских амбиций Александра в отношении Польши или предвзято-союзнических в отношении Пруссии, никак отдельно не вводя известие о их наличии. Единственную резкую отповедь в британском газетном поле мы находим в одной крохотной честерской газете, которая страстно пишет, что «возможно, мы никогда так не ошибались, формируя мнение о человеческом характере, как ошиблись в отношении императора Александра и короля Пруссии. Тот, кто внешне исповедует бескорыстие... вдруг становится честолюбивым и, вопреки всем правам, кроме права силы, удовлетворяет свои территориальные притязания»⁴¹³. Однако этот пример исключителен на фоне общей тишины и безоценочности в других газетах.

Немецким газетчикам было не очевидно, да и не нужно анализировать настоящий ход переговоров на конгрессе, в котором Александр I отнюдь не контролировал всё происходящее. Их уверенность в его лидирующем положении, прежде всего, подпитывали свежие воспоминания о принесенном волей российского императора освобождении от власти Наполеона – которые нашли продолжение в ожидании последующего счастливого устройства. Однако, нужно думать, немалую роль играло и личное обаяние Александра I, его умение вдохновлять, увлекать, обнадеживать – без выдвигания конкретных планов. Выражаясь языком Уортмана, то была «героизация высшего порядка» – когда репрезентация монарха сквозь призму мифотворчества превалировала над фактами реального политического или законодательного процесса⁴¹⁴.

3.3. Александр I и окружающее общество в период Венского конгресса. **Повседневные репрезентации**

Как уже отмечалось, корреспондентам далеко не всегда было, что сообщить читателям по части политического содержания переговоров. И тогда на помощь

⁴¹³ Chester Chronicle, 1815, 10th February, № 2066, p. 3.

⁴¹⁴ Wortman R. Visual Texts, Ceremonial Texts, Texts of Exploration: Collected Articles on the Representation of Russian Monarchy. Boston: Academic Studies Press, 2014. P. XVII.

в качестве почти неиссякаемого источника новостей приходила повседневная сторона конгресса, где российский император также проявлял себя ярче остальных.

Наблюдатели сообщали, что российский государь быстро освоился в Вене и, пребывая в отличном расположении духа, чувствовал себя в ней, как дома⁴¹⁵. Александр Павлович наслаждался городом и благожелательно принимал участие во всеобщем веселье и торжествах⁴¹⁶. Он регулярно появлялся на балах и приемах; стоило ему пропустить один из многочисленных балов, как это отмечалось корреспондентами с не меньшим вниманием, чем его присутствие⁴¹⁷. В конце концов, как подтверждали и сами газеты, он единственный из прибывших в Вену государей до самого окончания конгресса продолжал оставаться на виду у публики, приобретая всё новых и новых поклонников⁴¹⁸.

Российскому императору в прессе постоянно делали комплименты, писали о нем как о душе всех проходящих балов, отмечая, что его грацией невозможно не восхищаться⁴¹⁹. Казалось, само присутствие Александра I обращало всё вокруг в праздник и волшебство. В газетах можно обнаружить эпизод с произнесением Александром I энергичной речи перед вышедшим на парад австрийским полком, предваренной троекратным взмахом знаменем – на него, расшитое австрийской императрицей, он прежде повязал ленту – очевидный знак неразрывной связи, неразлучности между Россией и Австрией⁴²⁰. В другой раз Александр неформальным жестом проявил свое почтение к немцам – хроника с трепетом отметила день 18 октября 1814 г., когда российский император, стоя на балконе, пил за здоровье этого народа – жест, которого не

⁴¹⁵ Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № IV (14. Oktober 1814), S. 53; Baierische National-Zeitung, 1814, № 251 (22. Oktober), S. 1033.

⁴¹⁶ Там же.

⁴¹⁷ Fränkischer Merkur, 1815, № 14 (14. Januar), S. 2; Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten, 1815, № 13 (16. Januar), S. 3.

⁴¹⁸ Allgemeine Zeitung, 1815, № 134 (14. Mai), S. 544.

⁴¹⁹ Baierische National-Zeitung, 1814, № 262 (4. November), S. 1086.

⁴²⁰ Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № XXV (23. Dezember 1814), S. 391; Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № XXIV (20. Dezember 1814), S. 378; Allgemeine Zeitung, 1814, № 359 (25. Dezember), S. 1436.

бывало в немецкой истории прежде и, как отмечалось, могло не повториться более никогда ⁴²¹. В тот же день ему был подарен 2-й пехотный полк австрийской армии, и император показательно распорядился выделять на него довольствие из своих средств⁴²². Особняком в этом ряду стоит пышный обед, который он устраивал для венценосных особ, эрцгерцогов, князей, генералов и штабных офицеров в честь годовщины Лейпцигского сражения – как крупнейшего в череде наполеоновских войн и принесшего союзной коалиции победу, без которой не было бы триумфального шествия русских войск во Франции и теперешних венских торжеств. Зал, освещенный 6000 ламп и украшенный аллегорическими символами и трофеями, по свидетельству газет, вместил в себя тогда семьсот гостей (можно отметить, что газетное описание освещает этот обед с отличной от историографии⁴²³ стороны, сообщая более детальные сведения об антураже и обстановке, а не о политической линии Александра)⁴²⁴. Таким образом, одними из основных впечатлений о российском императоре у немецкой публики можно назвать широту души, щедрость – и открытость.

Важно заметить, что Александр I демонстрировал простоту и сердечность в отношении не только знатных персон, но и простонародья. Общению с последними он был открыт уже хотя бы потому, что нередко гулял по улицам или посещал театр без сопровождения⁴²⁵. И в немецкой, и в английской прессе с восторгом отмечали, что в то время как каждого иностранного монарха оберегает на конгрессе венгерская и немецкая охрана, лишь император Александр отказался от таких почестей, а вместо приготовленного для него шестиконного экипажа выезжает в скромной двухконке⁴²⁶. Как писала одна из авторитетнейших газет того периода, его «все знают» и «люди толпятся рядом с

⁴²¹ Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № X (4. November 1814), S. 159.

⁴²² Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № IX (1. November 1814), S. 142.

⁴²³ Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 290.

⁴²⁴ Beilage zur Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № 3 (28. Oktober 1814), S. 120.

⁴²⁵ Allgemeine Zeitung, 1815, № 134 (14. Mai), S. 544.

⁴²⁶ Baierische National-Zeitung, 1814, № 250 (21. Oktober), S. 1030; The Morning Post, 1814, 31st October, № 13660, p. 3.

ним, чтобы принять приветствие от красивого приветливого господина (как здесь называют императора Александра)»⁴²⁷. По сообщениям, за прогуливающимся Александром I вечно следовал большой поток людей, и когда государь замечал это, то начинал удваивать шаги – а преследователи делали то же самое, и однажды он шутки ради прошел так весь город, всё ускоряя темп, однако его затея оторваться от «погони» так и не оправдалась: «Сегодня я хотел утомить венцев, но они утомили меня», – сказал он после⁴²⁸.

Данные характеристики Александра I зачастую принимали форму анекдотов, публикуемых в газетах. Один из них имел место на параде 30 сентября 1814 г., когда «необычайная человечность императора Александра восхитила сердца всех присутствующих». Площадь была заполнена тогда толпой, которой требовалось уступить дорогу прибывшим монархам – и один увлеченный зрелищем крестьянин не успел отойти. Его хотел было грубо оттеснить какой-то капитан, но к крестьянину продвинулся император Александр и дружески заговорил с ним, похлопав по плечу⁴²⁹. Спустя пару месяцев следящая за новостями публика могла ознакомиться с новым анекдотом: в ходе одной из своих прогулок российский император завел разговор с женщиной, зарабатывающей на жизнь колкой дров. Та пожаловалась, что из-за прибытия иностранных монархов взлетели все цены – на что император улыбнулся и заверил ее в своем скором отъезде⁴³⁰.

К частным, чисто человеческим достоинствам Александра I в освещении немецкой прессы, таким образом, помимо названных прежде щедрости и открытости можно причислить чувство юмора и легкость нрава. Корреспонденты с удовольствием отмечали обаяние и приятность в обращении со стороны российского императора в равной мере как в высшем свете, так и среди случайных встречных на городских улицах, и в совокупности из всего

⁴²⁷ Allgemeine Zeitung, 1815, № 134 (14. Mai), S. 544.

⁴²⁸ Allgemeine Zeitung, 1814, № 326 (22. November), S. 1304; Der aufrichtige und wohlthätige Schweizer-Bote, 1814, № 48 (1. Dezember), S. 382.

⁴²⁹ Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № III (11. Oktober 1814), S. 44–45.

⁴³⁰ Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, № XVIII (29. November 1814), S. 278.

этого следовало одно главное – хотя и не вполне подтверждающееся реальной, не увеселительной жизнью конгресса – впечатление: Александр I способен снискать любовь у кого угодно.

В заключение следует отметить, что в газетах получила освещение политическая и дипломатическая деятельность Александра I на Венском конгрессе, но не частная сторона его пребывания там (зафиксированные прессой отдельные эпизоды «неформального» общения русского царя с кем-либо едва ли могут расцениваться как проявления частной жизни, будучи сознательными репрезентациями с его стороны). При этом движущей силой, определявшей линию поведения российского императора на конгрессе, в восприятии рассмотренной нами прессы было желание облагодетельствовать освобожденные народы, дав им справедливую власть и устройство – что говорит не только об идеализации Александра I, но и о незнании со стороны газетчиков о реальных сложностях внутри союзного блока (яркий тому пример – преподнесение в газетах безоблачной дружбы между русским, прусским и австрийским правителями). При этом в центре внимания корреспондентов (прежде всего, немецких) в связи с фигурой Александра Павловича из всего многообразия прорабатываемых конгрессом вопросов⁴³¹ оказались польский и саксонский – которые, с одной стороны, входили в ближайшую орбиту интересов самого российского императора, а с другой по естественным причинам были ближе прочих для немецкой прессы.

Общим дискурсом немецких газет периода Венского конгресса стало восхваление целого ряда личных качеств Александра – таких, как справедливость, просвещенность и самопожертвование с одной стороны и живость нрава, любознательность, широта души – с другой. При этом первую группу качеств можно расценить как атрибут безупречного, почти невозможного в реальности правителя – а вторую, напротив, следует отнести к чисто человеческим качествам. Александр I, таким образом, представал в изложении немецких газет одновременно и недостижимо-идеальным почти

⁴³¹ Зак Л.А. Указ. соч. С. 64.

божеством, и земным человеком, к которому может обратиться и найти понимание и ласку любой встречный. Авторы статей в немецких газетах зачастую не искали опоры на конкретные факты, и их одобрение деятельности Александра I выражалось не сдержанно-аналитически, а глубоко эмоционально и очарованно, что во многом определялось их потребностью в идеальном образе российского императора как «защитнике Германии» и гаранте реализации собственных политических ожиданий на конгрессе и после него – несмотря на то что в действительности эти надежды не имели общества с реальностью уже в ходе конгресса⁴³². Вместе с тем, в основе газетного образа российского императора можно видеть ряд его собственных подлинных репрезентаций – таких как объятия с австрийским императором у открытого окна на виду у публики, тосты за здоровье прусского народа или дружеские разговоры с выходцами из народа.

В английских же газетах на передний план выдвигалось уважение Александра I к международному праву и милосердие к поверженному врагу – однако восторги выражались более сдержанно-аналитически, чем у немецких коллег. Сами образы российского императора в английской прессе отличались заметной отстраненностью от конкретного живого Александра, частные проявления характера которого в быту столь увлеченно фиксировали на своих страницах немецкие. Чем дальше, тем больше англичане надеялись видеть в нем воплощение либерализма и невмешательства, правителя «благородного» настолько, чтобы не стоять на пути Британской империи в делах мировой политики.

Правда, сам факт вмешательства российского императора в польские дела вызывал неоднозначную реакцию в британской прессе. Поскольку польский и саксонский вопросы оставались одной из самых острых и болезненных тем на протяжении всего Венского конгресса, суждения британских корреспондентов в рамках данного дискурса примечательны своим разнообразием – по сути, это

⁴³² О дозволении Александром I самостоятельно решать германский вопрос австрийскому канцлеру К. Меттерниху см.: Зак Л.А. Монархи против народов. Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи. М., 1966. С. 119.

единственная точка, в которой в рассматриваемый период мы наблюдаем расхождение трактовки образа и мотивов Александра I.

Глава IV Священный союз: идея и политика

4.1. Восприятие Акта о Священном союзе

Те глобальные проблемы европейской политики, которые не мог разрешить Венский конгресс, казалось, призван был устранить провозглашенный императором Александром I Священный союз. Согласно Акту Священного союза, подписанному российским, прусским и австрийским монархами 26 сентября 1815 г., три монарха объявляли о необходимости подчинить международные отношения «высоким истинам, внушаемым вечным законом Бога Спасителя». Они обещали отныне быть связанными подлинно братскими узами, оказывая друг другу возможную помощь и управляя своими народами так, как отцы управляют семействами – поскольку сами себя признавали членами одной семьи – «христианского народа», истинным самодержцем которого является сам Спаситель Иисус Христос⁴³³.

Известны разные мнения исследователей о том, что именно сподвигло российского императора на создание этого объединения. Если изначально авторы исходили из убеждения, что, будучи натурой с более возвышенными, чем у других, помыслами⁴³⁴ Александр I руководствовался «идеальными стремлениями, не расставаясь... с присущей ему сентиментальной романтикой»⁴³⁵, то в XX в., как было уже показано во введении, идею Священного союза возводили к его хитрости и корыстности. В наши дни звучит мнение, согласно которому определить степень искренности александровских представлений о реальности построения международных отношений на христианской основе невозможно⁴³⁶, однако параллельно разрабатывается подход, возводящий истоки соответствующих интенций

⁴³³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 33. № 26045.

⁴³⁴ Надлер В.К. Указ. соч. Т. 5. С. 634–637.

⁴³⁵ Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 322.

⁴³⁶ Парсамов В.С. Священный союз и его интерпретаторы // Россия и современный мир, 2017, № 4 (97). С. 58.

Александра I к периоду борьбы с Наполеоном, которая оказала влияние на развитие его религиозного сознания⁴³⁷.

Так или иначе, прообразом будущего Священного союза был еще заключенный в 1813 г. союз против Наполеона австрийского, прусского и российского монархов⁴³⁸, а итоговая победа союзников и установление мира в Европе рождали естественное желание закрепить этот мир некой надежной системой международных отношений. Еще весной 1814 г. газеты (первоначально французские, с которых это перепечатали и немецкие издания), размышляя над истоками гуманного отношения монархов-победителей к поверженной Франции, пророчески писали: «Именно религия дала священный союз (или: завет) монархов для счастья человечества» (“Die Religion ist es, die den heiligen Bund der Monarchen für das Glück der Menschheit gestiftet hat”)⁴³⁹. При этом наблюдатели в период Венского конгресса и во время пребывания Александра I в Париже летом 1815 г. отмечали у российского императора склонность к мистическому толкованию выпадавших на его долю тягот⁴⁴⁰. Сам он писал⁴⁴¹, что воспринимает возвращение Наполеона весной 1815 г. в качестве повторного пришествия в мир «гения зла», противостояние с которым имеет эсхатологический смысл. Его собеседницей в это время была проповедница мистического христианства баронесса В.Ю. фон Крюденер, которая со своей стороны трактовала текущие политические события с точки зрения вневременных образов из Священного Писания и от которой Александр I воспринял учение

⁴³⁷ Андреев А.Ю. Император Александр I, митрополит Московский Филарет и идеи Священного союза // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. Т. 13. М., 2017. С. 106.

⁴³⁸ Пыпин А.Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I: в 3 т. Т. 1: Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916. С. 357.

⁴³⁹ Allgemeine Zeitung, 1814, № 112 (22. April), S. 445; Augsbургische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1816, № 96 (22. April), S. 1; Erlanger Real-Zeitung, 1816, № 33 (26. April), S. 155.

⁴⁴⁰ Надлер В.К. Указ. соч. Т. 5. С. 627.

⁴⁴¹ Письмо Александра I Ф.-С. Лагарпу от 29 мая (10 июня) 1815 г. // Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы. Том 3: 1815–1832 / Андреев А.Ю., Тозато-Риго Д. М., 2017. С. 57.

о «новом христианстве», которое царь, будучи «избранным», должен нести миру⁴⁴². И одна из идей этого «нового христианства» как нового завета предполагала уподобление союза монархов союзу библейских трех волхвов, объединившихся для поклонения Христу⁴⁴³.

Как идеологическая конструкция, напитанный такими идеями Священный союз вне всякого сомнения был довольно специфичен. Своим мистицизмом, эсхатологичностью и подчеркнутой декларативностью он мало вписывался в привычную внешнеполитическую реальность. Идея такого союза по понятным причинам встретила резко негативную реакцию со стороны прагматически мыслящих европейских политиков. Советник австрийского канцлера Ф. Генц писал Меттерниху в этой связи, что характер Александра I целиком состоит из контрастов и противоречий, что его тщеславие и фальшь теперь задокументированы и что он, очевидно, льстит себе, если думает, что другие будут ему благодарны за «дарование» мира, единства и дружбы⁴⁴⁴. Не оценил эту идею и британский министр иностранных дел Р.С. Каслри, который выразился на счет александровской идеи вполне определенно: «смесь возвышенного мистицизма и чепухи»⁴⁴⁵.

Английская пресса, в свою очередь, новость об образовании Священного союза точно так же встретила холодом и скепсисом. Более двух десятков⁴⁴⁶

⁴⁴² Надлер В.К. Указ. соч. Т. 5. С. 605, Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 306–307, 310.

⁴⁴³ Надлер В.К. Указ. соч. Т. 5. С. 624.

⁴⁴⁴ Briefe von und an Friedrich von Gentz. Bd. 3: Schriftwechsel mit Metternich. T. 1: 1803–1819. Berlin-München, 1913. S. 323.

⁴⁴⁵ Paulmann J. Pomp und Politik. Monarchenbegegnungen in Europa zwischen Ancien Regime und Erstem Weltkrieg. Paderborn, 2000. S. 108.

⁴⁴⁶ The Morning Post, 1816, № 14054 (5th February), p. 1; The Star, 1816, № 9026 (5th February), p. 3; Public Ledger and Daily Advertiser, 1816, № 17421 (5th February), p. 3; The Sun, 1816, № 7307 (5th February), p. 2; The Morning Chronicle, 1816, № 14589 (5th February), p. 2; Kentish Chronicle, 1816, № 3762 (9th February), p. 2; Kentish Gazette, 1816, № 4972 (9th February), p. 2; The Leeds Mercury, 1816, № 2642 (10th February), p. 2; The Westmorland Advertiser, Kendal Chronicle, 1816, № 242 (10th February), p. 2; The Champion (London), 1816, № 1622 (11th February), p. 42; The News (London), 1816, № 550 (11th February), p. 53; The Hampshire Chronicle, 1816, № 294 (12th February), p. 1; Chester Courant, 1816, № 4323 (13th February), p. 4; Belfast Commercial Chronicle, 1816, № 1718 (14th February), p. 1; The Taunton Courier, and Western Advertiser, 1816, № 393 (15th February), p. 4; Perth Courier, 1816, № 419 (15th

английских газет перепечатали у себя Акт Священного союза (впервые – 5 февраля 1816 г.), еще несколько⁴⁴⁷, начиная с 10 февраля, напечатали также и комментирующий идеи Акта манифест императора Александра от 1 (т.е., 13 по новому стилю) января 1816 г. (со ссылкой на январские новости из Петербурга, где он также был опубликован в газетах) – но сколь бы то ни было существенный комментарий за весь 1816 г. в этом газетном поле прозвучал всего один, от “Cheltenham Chronicle”⁴⁴⁸. Издание сразу же выразило сомнение относительно смысла и мотивов нового объединения: в наилучшем случае последнее казалось ему пустым желанием монархов демонстративно побрататься.

Значительность и загадочность документа были таковы, что и многие немецкие издания сочли за лучшее пока опубликовать его без комментариев (пальма первенства здесь принадлежит “Münchener politische Zeitung”, которая 5 февраля обстоятельно привела полный текст Акта, включая подпункты⁴⁴⁹, а также напечатавшим его тем же днем в чуть более сжатой версии “Allgemeine Zeitung”⁴⁵⁰ и “Bayreuther Zeitung”⁴⁵¹; следом выстроилась вереница перепечаток в других газетах⁴⁵²). Публикация полного текста включала в себя и датировку, когда он был обнародован – 25 декабря, в Рождество Спасителя – однако комментариев по поводу символичности

February), p. 1; Liverpool Mercury, 1816, № 242 (16th February), p. 259; The Cambridge Chronicle and Journal, 1816, № 2782 (16th February), p. 4; Lancaster Gazette, 1816, № 700 (17th February), p. 4; The Oxford University and City Herald, 1816, № 508 (17th February), p. 1; The Dublin Evening Post, 1816, № 8314 (17th February), p. 4; The Manchester Mercury, 1816, № 3339 (20th February), p. 3; Government Gazette (India), 1816, № 769 (4th July), p. 2.

⁴⁴⁷ London Courier and Evening Gazette, 1816, № 7810 (10th February), p. 4; Evening Mail, 1816, № 5358 (12th February), p. 2; Lancaster Gazette, 1816, № 700 (17th February), p. 1; Northampton Mercury, 1816, № 49 (17th February), p. 1; Oxford University and City Herald, 1816, № 508 (17th February), p. 1; The Derby Mercury, 1816, № 4372 (22nd February), p. 1.

⁴⁴⁸ Cheltenham Chronicle, 1816, № 340 (15th February), p. 3.

⁴⁴⁹ Münchener politische Zeitung, 1816, № 31 (5. Februar), S. 147–148.

⁴⁵⁰ Allgemeine Zeitung, 1816, № 36 (5. Februar), S. 143–144.

⁴⁵¹ Bayreuther Zeitung, 1816, № 31 (5. Februar), S. 107.

⁴⁵² Baierische National-Zeitung, 1816, № 32 (6. Februar), S. 130; Augsburger Ordinarier Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1816, № 32 (6. Februar), S. 3.

такой даты⁴⁵³ не следовало. Не удержалась от восторженно-изумленного замечания по поводу самого содержания Акта только “Erlanger Real-Zeitung”: «Новое явление в политике! Вы никогда, мой дорогой читатель, не прочтете трактат между державами, основанный на том, на чем помещенный на нашей последней странице – на религии: на главенствующем принципе христианской любви и братской терпимости. То, что было девизом нашей прошлогодней газеты – «Любите друг друга, вы все братья одного племени, дети одного Бога», – взято теперь за основу...»⁴⁵⁴.

Любопытно отметить, что тогда же – в феврале 1816 г. – в прессе появляется описание гравюры Д.Г. Бергера «Освободители Европы» с предложением всякому желающему за умеренную плату получить ее оттиск⁴⁵⁵. Сама эта гравюра, созданная по оригинальному рисунку Ф.Г. Вейча в 1815 г. и изображающая триумфальный въезд победителей Наполеона в Париж, интересна своей символикой. В центре композиции – запряженная четверкой лошадей колесница с монархами-союзниками Александром I, Фридрихом Вильгельмом III и Францем I. Коней под уздцы влекут четыре женские фигуры – аллегорические изображения Умеренности (с удилами), Твердости (с колонной), Правосудия (с мечом) и Религии (с крестом). По обе стороны от колесницы едут князья, фельдмаршалы и генералы, проявившие себя в недавней войне; ликующие народы приветствует героев, которым обязаны своим освобождением и независимостью. Процессия движется от Храма Славы, различимого вдалеке, к Храму Единства, а над ней, на облаке, расположилась аллегорическая фигура Победы – крылатая женщина держит в руках пальмовую ветвь, лавровые венки и раскрытый свиток с текстом: «Мир и согласие всех народов». Популяризация этой гравюры параллельно публикации Манифеста

⁴⁵³ Андреев А.Ю. Политическая теология императора Александра I... С. 69.

⁴⁵⁴ Erlanger Real-Zeitung, 1816, № 11 (6. Februar), S. 45.

⁴⁵⁵ Allgemeiner Anzeiger der Deutschen, 1816, № 43 (14. Februar), S. 439–440; о ней же годом позже: Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1817, № 13 (13. Januar), S. 4; Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1817, № 28 (28. Januar), S. 4; Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1817, № 51 (20. Februar), S. 3.

об образовании Священного союза кажется неслучайной, и не только в силу очевидности совпадения монархов-победителей с первоначальным составом Священного союза и ассоциативным рядом «от славы – к единству»/«от победы над врагом человеческого рода – к христианскому братству». Еще одно важное обстоятельство состоит в том, что фигура Религии с крестом в руках присутствует именно на немецкой гравюре и на русском ее аналоге А. Афанасьева; но существует и почти идентичная им итальянская гравюра с того же оригинала Ф.Г. Вейча за авторством С. Карделли – и в его интерпретации вместо Религии с крестом одного из коней ведет Единодушие с курительницей⁴⁵⁶. Христианская символика в этом торжестве, таким образом, подчеркивается непосредственно в творчестве немецкого и русского авторов, чьи страны стали участницами Священного союза, в противовес работе С. Карделли – уроженца Папской области, которая к союзу, возмущившись теократическим оттенком его идеи, не примкнула⁴⁵⁷.

В Англии (принц-регент которой также отклонил приглашение присоединиться к Священному союзу, ссылаясь на непреодолимые конституционные преграды и невозможность представить подобный акт парламенту, и ограничился личным письмом, где выражал готовность содействовать влиянию христианских истин на утверждение мира и благоденствия народов⁴⁵⁸) в том же году получила известность другая гравюра, изображающая персонифицированную в образе девушки Европу верхом на быке – который, согласно подписи, олицетворял Россию⁴⁵⁹. Это, конечно же, выглядит отсылкой к античному мифу о похищении царевны Европы обратившимся в быка Юпитером. Можно долго разглядывать это сатирическое изображение с целью узнать, какая роль отведена какой из стран (Португалия на этом рисунке – едва не спадающая от быстрой скачки корона, Франция с ее политической нестабильностью – «раздираемая всеми

⁴⁵⁶ См. оба варианта гравюры в *Приложении 1*.

⁴⁵⁷ Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 161.

⁴⁵⁸ Там же.

⁴⁵⁹ Bayreuther Zeitung, 1816, № 213 (7. September), S. 838.

страстями» грудь, Англия – рука с трезубцем (который есть не просто символ английского владычества на море, но и гарант безопасности, куда рука его сжимает), Австрия и Пруссия – крепко обхватившие быка бедра...), но ключевую роль в сценке, безусловно, играет бык – то есть, Россия, а значит – Александр I. Он – Юпитер, глава божественного пантеона, с одной стороны – бог дневного света (отметим здесь ассоциации блага, просвещения и надежды), с другой – громовержец, облеченный властью карать по своему усмотрению. Таким образом, за Александром I без ложной скромности признавалось первенство на континенте, но с другой – выражено было впечатление, что стоит Европе – прежде всего, Австрии с Пруссией как ближайшим партнерам России – чуть ослабить хватку («вывалиться из седла») – она станет добычей ласково обратившего к ней на рисунке голову быка. Такая интерпретация перекликается с концепцией Вадима Цымбурского, представленной в его статье «Циклы похищения Европы (Большое примечание к "Острову Россия")»⁴⁶⁰ и рассматривающей «похищение Европы» как духовный комплекс, которым вообще был отмечен весь имперский период русской истории – со стремлением оспорить свое положение «острова» посреди европейской цивилизации, с копированием внешних черт этой цивилизации и, что в данном случае самое главное, с пафосом прямого геополитического и военного присутствия в Европе, со стремлением оказывать на нее влияние.

Но вернемся к официальному знакомству широкой публики с идеей Священного союза – отклик на которую волнами расходился по газетным публикациям на протяжении еще нескольких лет. Англичане с легкостью одобряли религиозность российского императора, когда та представляла абстрактной добродетелью – как это было в 1814 г., когда достоянием английской общественности стал александровский манифест от 6 декабря 1813 г. («О принесении торжественного молебствия за одержанные над

⁴⁶⁰ Цымбурский В.Л. Циклы «похищения Европы». Большое примечание к статье «Остров Россия» // Русский архипелаг. Сетевой проект «Русского мира». URL: https://archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/comment/ (дата обращения: 21.02.2023).

врагом победы»). Александр I издал его, будучи исполненным благодарности Богу за чудесный перелом в войне с Наполеоном на немецких землях в момент, когда антинаполеоновская коалиция могла распасться – это было понятно английской публике. Текст манифеста был приведен на страницах газет с комментарием, что Александром как воином восхищались давно, но теперь есть основание отдать ему дань уважения как почтительному к религии монарху⁴⁶¹. Однако причины появления Священного союза были им уже непонятны.

Ключевым основанием враждебной реакции со стороны английских газетчиков на Акт союза была их подчеркнута практическая оценка того, какую пользу могло бы принести подобное образование; – «Единый акт реституции сделал бы больше для восстановления доверия в Европе, чем целый ряд религиозных договоров и прокламаций»⁴⁶². Иными словами, чтобы произвести впечатление на прагматичную британскую мысль – будь то госсекретарь или пресса любого толка, – нужны были бы не возвышенные моральные воззвания, а шаги в направлении практических дивидендов – своего рода выражение христианского милосердия и справедливости в духе протестантской этики. Но получивший огласку Акт Священного союза не заключал в себе каких-либо конкретных намерений или программы, отчего и вызывал опасения. В частности, бытовало весьма зловещее для англичан объяснение: Священный союз был задуман Российской империей для того, чтобы нивелировать соглашение, заключенное 3 января 1815 г. в Вене Францией, Австрией и Англией с целью заслона для Европы при русском разделе Польши (мнение это изначально было напечатано во французской “Le Constitutionnel”, однако было подхвачено сразу несколькими английскими газетами⁴⁶³).

⁴⁶¹ Royal Cornwall Gazette, 1814, № 572 (11th Juny), p. 4.

⁴⁶² Cheltenham Chronicle, 1816, № 340 (15th February), p. 3.

⁴⁶³ Derby Mercury, 1825, № 4832 (16th February), p. 2; North Devon Journal, 1825, № 34 (18th February), p. 2; Staffordshire Advertiser, 1825, vol. 31 (19th February), p. 2; Northampton Mercury, 1825, № 51 (19th February), p. 1; Hampshire Telegraph, 1825, № 1324 (21st February), p. 1.

В немецкой прессе идея Священного союза, напротив, была встречена сентиментальным восторгом еще безотносительно каких-либо ясно оформленных надежд. Так, например, в “*Zeitung für die elegante Welt*” мы видим рассуждение о том, «станет ли это первым случаем, когда всемогущее Провидение использовало женскую душу или руку [им. в виду баронесса Крюденер] для создания чего-то великого и доброго»⁴⁶⁴ – о том, так ли успешно действовала грубая мужская сила для определения судеб народов и государств, о том, для чего же дипломатам приходилось изошрять свое искусство на протяжении месяцев и даже лет, чтобы достичь приемлемого результата... Все выдвигаемые в статье вопросы, в конечном счете, подразумевали лишь один ответ: ни в чем подобном не было бы необходимости, если бы у европейских держав еще пару веков назад возникла счастливая мысль, сформулированная актом Священного союза, что их народы – члены одной и той же христианской семьи и что заповеди христианства – заповеди справедливости, любви и мира – применимы не только к частной жизни, но и к сфере решений государственного уровня.

Созвучное рассуждение обнаруживаем в “*Augsburgische Ordinari Postzeitung*”, опубликовавшей письмо генерала фон Гагерна⁴⁶⁵. Последнего появление нового союза сперва оттолкнуло, но теперь он признавал: «выдающийся ученик благородного Лагарпа» своей идеей превосходит большую часть умов современности, ибо эта его идея несет в себе «первый луч света новой эпохи для человеческого общества» и тем самым является важной вехой в истории человечества. Отчего? Оттого, что, по мысли генерала, у животных и варваров религиозности не существует и есть только инстинкт и хитрость либо же благоразумие; у более развитых «цивилизованных» народов мораль и политика борются за приоритет, а религия по случаю привлекается на помощь; но вот теперь, на новом этапе, именно религиозное чувство стало определять договоры и союзы, а

⁴⁶⁴ *Zeitung für die elegante Welt*, 1816, № 58 (21. März), S. 459].

⁴⁶⁵ *Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten*, 1817, № 151 (25. Juni), S. 3.

благоразумие и прочие соображения, напротив, должны будут играть лишь вспомогательную роль. «...Человеческое общество сделает гигантский шаг к самосовершенствованию и прочному счастью», – заключал фон Гагерн. Много позже также и “Bauern-Zeitung aus Frauendorf” писала: «...Людям [отныне] не суждено воевать друг с другом, грабить друг друга, действовать хитростью и обманом; они будут удовлетворять свои физические потребности через работу и через обучение и возвышение своего духа, облагораживание своего сердца и все больше и больше двигаться по пути процветания. Предполагается, что из состояния дикого зверя человек вступит в состояние образованности и цивилизации. Следовательно, ни явное насилие, ни тайные уловки [отныне] не могут иметь места в судьбе человечества, но должны рассматриваться только как несовершенные состояния и как переходные стадии... Священный союз сделал эту цель своей задачей»⁴⁶⁶. Оставалось только воскликнуть вместе с “Hamburgisches Morgenblatt”: «Давайте признаем это свободно и открыто: вероятно, величайшее из того, что было изобретено и выдуманно в наше время – это Священный союз, и мы смущенно благодарим великого правителя, под эгидой которого эта идея распространилась и нашла успешное воплощение, великого Александра!»⁴⁶⁷

Оценивая идею Священного союза и религиозный манифест императора Александра в качестве метеоров в области дипломатии, находили в них свидетельство высоты его личности также “Bayreuther Zeitung” и “Allgemeine Zeitung”. Впрочем, они писали это и о двух его венценосных союзниках, для которых также «тяжелые времена стали великим учителем, и они осознали, что наиболее опасно для престола и для хижины: произвол и злоупотребление законом, деспотизм правителей, анархия в народе...» и потому сделали выбор в пользу «кротости, расширения прав и возможностей и редкого уважения к самому священному для человечества – свободе

⁴⁶⁶ Bauern-Zeitung aus Frauendorf, 1821, № 21 (19. Mai), S. 190.

⁴⁶⁷ Hamburgisches Morgenblatt, 1817, № 55, S. 124.

совести, свободе людей и граждан»⁴⁶⁸. Более христианский акцент звучал в трактовке из швейцарского источника, приведенной в “Bremer Zeitung”⁴⁶⁹: как в 1813 г. Александр, Франц и Фридрих Вильгельм «пали в прах... после первых великих побед, одержанных их объединенными армиями, и восславили Бога за дарованную победу» (речь о богослужении на месте Кульмского сражения⁴⁷⁰, описания которого в газетах найти не удалось, однако публика могла быть с ним знакома благодаря гравюре Ф. Кампе «Великий благодарственный праздник трех союзных монархов под Теплицем 2 сентября 1813 г.»), так и в 1815 г. они, после возобновления побед, возблагодарили Бога, а благодарность выразили через заключение Священного союза. По сути, это единственный раз, когда газетные наблюдатели вербализовали прямую связь между идеей Священного союза, как ее понимал *сам* Александр I, и ее частной репрезентацией в виде совместного богослужения трех монархов и их войск.

Подобный ход мысли должен был вселять надежду на то, что если и при исчерпанности открытых дискуссий между европейскими державами те могли бы косвенно обнаруживать недружелюбие в частных вопросах, то возвышенный христианский настрой величайших монархов отныне гарантирует Европе мир. Тем более, что к Священному союзу вскоре начали примыкать новые члены. «Более мягкой эпохи для человечества» ожидала “Erlanger Real-Zeitung”, признавая: нам – немцам – простительно, если мы отчаялись в средствах спасения, которые могут быть получены только посредством объединения с монархами мировой величины» и теперь «было бы глупостью и малодушием отказываться от всякой надежды на великие дела и спасение»⁴⁷¹.

⁴⁶⁸ Bayreuther Zeitung, 1816, № 73 (25. März), S. 274; Allgemeine Zeitung, 1816, № 87 (27. März), S. 348.

⁴⁶⁹ Bremer Zeitung, 1817, № 51 (20. Februar), S. 4.

⁴⁷⁰ Андреев А.Ю. Политическая теология императора Александра I... С. 70.

⁴⁷¹ Erlanger Real-Zeitung, 1816, № 78 (27. September), S. 323.

“National-Zeitung der Deutschen”⁴⁷² и вовсе находила, что Священный союз отвечает высочайшим требованиям человечества к государству, поскольку последнее «должно превратить землю, осужденную быть бездной страданий, в небеса». Удивительным при таком взгляде должно было казаться – и казалось – что «...все христианские учителя и пасторы не собрали свои общины в храме Божьем, чтобы отпраздновать эту славную победу религии над развратным духом времени, поблагодарить Бога за эту безмерную пользу и увидеть спасение и благословение для благородных жертвователей того же самого... Едва ли может быть более печальное доказательство моральной порочности нашего времени, чем холодное безразличие, с которым был воспринят этот договор, призванный заткнуть главный источник всех социальных бедствий». Впрочем, объяснение столь преступному равнодушию у “National-Zeitung der Deutschen” нашлось: всё дело в удивительной новизне этого явления на фоне более чем тысячелетнего хода событий, и изумление могло сдерживать голоса даже лучших из людей. Иных причин в газете не предлагается, коль скоро «было бы тяжким преступлением... поставить под сомнение искренность настроений и решений, выраженных в Акте возвышенными монархами, которые предоставили миру так много убедительных доказательств личной честности в самом высоком и самом священном деле». Как представляется, “National-Zeitung der Deutschen” (редактором которой был народный просветитель Р.З. Беккер, который стремился задокументировать состояние просвещения посредством конкретных примеров, причем в духе просветительского оптимизма еще в начале своей издательской деятельности просил «уважаемых господ корреспондентов сообщать только правду, и скорее похвальные, нежели достойные порицания факты»⁴⁷³) в наибольшей мере восприняла идею российского императора так, как он видел ее сам, так как в ней же мы находим строки: «Нет, для спасателей Европы очень серьезно

⁴⁷² National-Zeitung der Deutschen, 1817, № 1 (1. Januar), S. 1.

⁴⁷³ Deutsche Zeitung, 1785, 17. September, S. 306.

завершить свою победу над мировым врагом через это братское объединение».

И всё же – не всем должно было доставать христианской семантики даже среди доброжелательной немецкой публики, а получивший огласку акт Священного союза не заключал в себе каких-либо конкретных намерений или программы и потому оставлял поле для воображения. Ряд немецких газет, выражая помыслы общественности в своих землях, заполнял это поле теми надеждами, которые были близки лично им. А чего же могли желать от Священного союза в Германии, одухотворенной либеральным подъемом и недовольной установленными в рамках Германского союза ограничениями? В первую очередь – улучшений во внутренней жизни своих государств, несмотря на внешнеполитический характер этого договора.

Так, уже в марте 1816 г. “*Zeitung für die elegante Welt*” открыто писала⁴⁷⁴: «Священный союз [как христианская по своей идее ассоциация]... должен иметь самые благотворные последствия в первую очередь для внутренней жизни государств». Казалось бы, христианские заповеди ничего не определяют по вопросу конституций и даже управления государством в целом, однако газетчики размышляли: «...Дух христианства, который основатели Священного союза очень точно описывают как дух справедливости, любви и мира, должен иметь самое благотворное влияние на внутренние отношения в государствах – не только на управление, но также и на конституции государств, потому что... Князья, вдохновленные этим духом, ни при каких обстоятельствах не могут воздать должное деспотизму... Поэтому они, несомненно, дадут своим народам правовые конституции или, как их еще называют, либеральные конституции... Они сделают то же самое в отношении торговли и всех человеческих сношений... Они, наконец, обратятся к тому... что называется тайной полицией... чтобы она не распечатывала письма, не наблюдала за семейным кругом и не наполняла умы страхом и ужасом». Таким образом, получалось, что под сенью

⁴⁷⁴ *Zeitung für die elegante Welt*, 1816, № 51 (11. März), S. 403.

Священного союза не только свобода должна была идти рука об руку со справедливостью, дисциплина с любовью, а самая оживленная деятельность – с самой пасторальной гармонией, но и более того – христианство как религия внутренней свободы должно было обеспечить либеральную систему в государстве. “Bayreuther Zeitung”, в свою очередь, писала⁴⁷⁵: «...Нам нужен Священный союз, чтобы вернуть мир в его утраченное равновесие и обуздать неукротимый коммерческий дух, влияющий на человеческую жизнь» – и в этом протесте против диспропорции, разделившей человечество на богатых и нищих, также читается представление о христианских нестяжательстве, любви к ближнему и справедливости, которые, как казалось, должна была культивировать христианская в своей основе ассоциация. Даже в 1820 г., когда восторги от свежей идеи отчасти сгладятся, в еще одной газете можно будет прочесть размышление о том, что Священный союз служит благотворным противодействием буржуазии, поскольку предполагает поддержание общественного равновесия – ведь гражданская свобода может процветать только там, где определенные силы уравнивают друг друга⁴⁷⁶.

На страницах немецких изданий можно было увидеть еще более конкретный практический вывод из столь же расплывчатых, сколь и прекрасных идей александровского манифеста. “Bremer Zeitung” и “Oppositions-Blatt oder Weimarische Zeitung” риторически вопрошали: «Мы хотели бы знать: “Der österr[eichische] Beobachter” и “Die deutschen Staatsanzeigen” намерены защищать крепостное право, которое император Александр хочет упразднить в своих владениях? Великий герцог Мекленбургский присоединился к христианскому союзу; насколько крепостное право совместимо с принципами христианства, провозглашенными нормой Священного союза, непонятно»⁴⁷⁷. Эти строки

⁴⁷⁵ Bayreuther Zeitung, 1816, № 264 (6. November), S. 1038.

⁴⁷⁶ Jenaische Allgemeine Literatur-Zeitung, 1820, № 94 (Mai), S. 281.

⁴⁷⁷ Bremer Zeitung, 1817, № 299 (26. Oktober), S. 2; Oppositions-Blatt oder Weimarische Zeitung, 1817, № 264 (10. November), S. 2108.

мир увидел, когда не прозвучала еще даже знаменитая речь российского императора на открытии варшавского сейма, вдохнувшая во многих антикрепостнические надежды. Написанные осенью 1817 г., они также проистекали из представлений о несовместимости христианской морали и открытого угнетения подданных, присущего крепостничеству.

Возможность отсылки к авторитету Священного союза как организации христианской, в числе прочего, казалась удобным аргументом даже в вопросе немецко-французских территориальных споров: как наставительно писала в этой связи “*Rheinische Blätter*”, Священный союз «по крайней мере, вернет нас к признанию прекрасной человеческой основы учения Христа: как вы хотите, чтобы люди поступали с вами, так поступайте с ними сами»⁴⁷⁸. Новый формат международных отношений вообще внушал немцам надежду, что они будут уравнены в военной мощи с другими странами. «Хвала и благодарность добрым князьям за союз, безошибочно преследующий цель мира и гармонии государств и благополучия их жителей!» – читали подписчики “*Allgemeine Anzeiger der Deutschen*”, которым далее предлагалось рассматривать этот союз пока лишь как основу и предвестник второго, истинного, который и завершит славное дело обеспечения национального счастья: «Глав государств-союзников можно сравнить с братьями из большой семьи, которые после многих споров произнесли слово примирения. Но даже в этом случае истинные братья должны отбросить всякое недоверие друг к другу; им нужно не стоять вооруженными и готовыми к сражению, а только предаваться мирным занятиям, чтобы восстановить процветание, подорванное конфликтом...»⁴⁷⁹ – словом, им нужно простить друг другу контрибуции и долги, в противном случае, начнись когда-нибудь новая война, воюющие державы станут привлекать все свои силы и средства, и тогда кто-то (очевидно, немецкие земли в первую очередь) окажется в заведомо невыигрышном положении. В этом можно

⁴⁷⁸ *Rheinische Blätter*, 1817, № 188 (25. November), S. 776.

⁴⁷⁹ *Allgemeine Anzeiger der Deutschen*, 1820, № 246 (9. September), S. 2641–2642.

видеть еще одну грань идеи того равновесия, которое должен был привести Священный союз⁴⁸⁰; вот этого-то продолжения (или второго издания) международного договора и ждали авторы статьи.

Полезным союз казался и в контексте предложения об объединении католиков с протестантами в немецких землях: о необходимости такого объединения писали давно и много, но препятствия к сближению казались непреодолимыми, и вот теперь появилась некая внешняя объединительная сила, во главе которой стояли монархи всех трех христианских конфессий – будто ответ на мольбы желавших «отправиться в паломничество, если бы на этом пути были устранены препятствия»⁴⁸¹. Однако рано или поздно кто-то должен был заострить внимание на вопросе: подразумевал ли сам договор Священного союза какой-то конкретный практический смысл помимо возвышенных общих слов?

И на исходе 1817 г. на страницах наиболее радикальной “*Oppositions-Blatt oder Weimarische Zeitung*” читателям было предложено задуматься: чем является этот договор – простым соглашением о том, что христианский закон должен преобладать во всех отношениях и что надлежит отказаться от произвола и насилия на мировой арене? Если так, заключала газета – то «...такой союз не имеет никакой другой гарантии, кроме личных чувств некоторых, к сожалению, смертных людей» и «...если у него нет особой внешней цели, то следует беспокоиться о побочном, постепенно ширящемся ложном действии, а именно: что цель вырождается в форму и лишь видимость, или – что гораздо хуже – что члены союза считают себя таковыми [добродетельными], или даже притворяются таковыми, потому что, если бы

⁴⁸⁰ Чернов А.В. Проект «Всеобщего союза» Иоанна Каподистрии // МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ И МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ РОССИЯ: Материалы III Международной междисциплинарной конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки, почетного профессора РУДН, академика МАН ВШ Тамары Васильевны Батаевой: в 2 частях /Отв. ред. Н.В. Болдовская, Л.А. Терентьева. Ч. I. Актуальные проблемы отечественной истории и исторической науки: II половина XIX – начало XXI века. М., 2010. С. 384–385; Чернов А.В. Проекты «вечного мира» и «европейского союза» во внешней политике России в первой четверти XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2013, №4. С. 32–33.

⁴⁸¹ Allgemeine Anzeiger der Deutschen, 1817, № 124 (10. Mai), S. 1333–1334.

они подлинно были такими, им не понадобилась бы ассоциация; в первом случае выйдет опасный самообман, во втором – лицемерие, подрывающее все доброе»⁴⁸².

От таких умозаключений оставалось полшага до того, чтобы заподозрить участников Священного союза в наличии некой скрытой цели объединения уже вовсе за рамками провозглашаемых официально лозунгов. Но эти полшага будут решительно предприняты английской прессой, немецкая же замрет по большей части на позиции робкого опасения за судьбу прекрасной идеи и осторожных размышлений о том, как эту идею спасти и развить (немногочисленные примеры критики тоже будут, но о них – позже). Некоторые немецкие издания и вовсе не пожелали отступить от представления о надежности Священного союза как договора; в частности, “Allgemeine Literatur-Zeitung” – вразрез с тезисом “Oppositions-Blatt oder Weimarische Zeitung”, что коль скоро союз не имеет иной гарантии, кроме личных чувств нескольких людей, то он непрочен – утверждала⁴⁸³: пусть Священный союз не устанавливает какой бы то ни было определенной высшей инстанции для суда, он в силах обеспечить мир на долгие годы, будучи основан на самой личности политических оппонентов. Вряд ли, тем не менее, это могло убедить их коллег из “Oppositions-Blatt oder Weimarische Zeitung”, поскольку те постулировали также и следующее: союз сможет проявить себя только в том случае, если не только правители, но и их народы объединятся ради своей духовной свободы, на которой будет способно покоиться их возвышение как более прочная, нежели прежние иллюзии или насилие, основа для престолов⁴⁸⁴. Впрочем, уже на Аахенском конгрессе члены Священного союза и сами провозгласят соответствующий призыв: да, основа нравственного братства христианских правителей заложена, но и народам надлежит проникнуться тем же духом и искать вечную гарантию своей свободы в искреннем следовании религиозным и моральным

⁴⁸² Oppositions-Blatt oder Weimarische Zeitung, 1817, № 183 (4. August), S. 1457.

⁴⁸³ Allgemeine Literatur-Zeitung, 1818, № 202 (August), S. 779.

⁴⁸⁴ Oppositions-Blatt oder Weimarische Zeitung, 1818, № 91 (18. April), S. 719.

заповедям. Призыв этот, конечно же, не остался незамеченным в газетном мире; мнения распределились от восторженной поддержки (“Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung” призывала⁴⁸⁵ всех людей в Европе, способных оказывать влияние на общественное мнение, поддержать это воззвание Конгресса) до тревожных размышлений (“Neuer rheinischer Merkur” развивала мысль⁴⁸⁶: Священный союз должен установить между народами братство, которое уже установил между монархами; но если где-то в Европе под железным скипетром всеобщей монархии вспыхнет очаг несправедливости от действий одного монарха, то для жертв этой несправедливости уже не останется убежища – и международное объединение под обманчивой видимостью общественного блага станет бедствием для народов).

Таким образом, сам Священный союз в 1810-х гг. не спешил предпринимать каких-либо практических шагов в духе своей доктрины – в 1815-1819 гг. он в целом больше проявлял себя в форме презентаций и деклараций⁴⁸⁷. В частности, одной из таких форм были публичные совместные богослужения союзных монархов в окружении войск, призванные продемонстрировать их единение во Христе наглядно⁴⁸⁸. Но если в пору 1814-1815 гг. пресса, как упоминалось во второй главе, подчас фиксировала такие богослужения на своих страницах, то теперь все взоры были устремлены исключительно на «реальную политику», и устроенное Александром I в Аахене богослужение в честь годовщины Лейпцигской битвы⁴⁸⁹ осталось без внимания. На страницах различных газет активно распространялись всё новые обвинительные догадки относительно целей союза.

⁴⁸⁵ Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1818, № 338 (5. Dezember), S. 3.

⁴⁸⁶ Neuer rheinischer Merkur, 1819, № 21 (15. März), S. 164.

⁴⁸⁷ Андреев А.Ю. «Политическая теология» императора Александра I... С. 67–73.

⁴⁸⁸ Там же. С. 71–72.

⁴⁸⁹ Андреев А.Ю. «Литургия» Священного союза... С. 149–151.

Обратимся вновь к англичанам. «Маневр “Священного союза” состоит в... отвлечении внимания общественности от политических тем в старинный канал религиозных спекуляций»⁴⁹⁰ – предполагала осенью 1817 г. “Cheltenham Chronicle”; «...Обещания, данные народу, были не только забыты, но и сформировался заговор между несколькими коронованными особами под лицемерным предлогом Священного союза, чтобы не только усилить, но и увековечить порабощение человека»⁴⁹¹ – добавляла “The Bury and Norwich Post”; в “The News” звучала объединяющая оба этих тезиса версия: «...Цель [Священного союза] состоит в том, чтобы ограничить знание... и бросить тень более темной политики над той философией, которая научила бы человечество основывать максимы управления на... свободе общественного мнения»⁴⁹².

Заметим, что все эти мрачные убеждения транслировались газетами еще до перехода Священного союза к политике подавления европейских революций. Еще в 1815 г. он даровал конституцию Польше, через год утвердил Положение об освобождении эстляндских крестьян, еще через год освобождены были крестьяне в Курляндии, а еще через два – в Лифляндии; а также, пусть и незримо для прессы – поручил группе своих советников во главе с Новосильцевым составить конституцию для России с двухпалатным парламентом, сеймами, разделением законодательной и исполнительной власти между императором и выборными органами, свободой слова, печати, вероисповедания, равенством граждан перед законом, неприкосновенностью личности... Либеральную прессу не могла не обрадовать речь Александра I перед собравшимся в Варшаве сеймом Царства Польского – с обещанием представительного правления, свободы прессы, личной и имущественной безопасности, независимости судопроизводства и другими атрибутами, благоприятствующими развитию гражданских свобод; эту речь не преминули

⁴⁹⁰ Cheltenham Chronicle, 1817, № 425 (9th October), p. 1.

⁴⁹¹ The Bury and Norwich Post, 1818, № 1854 (7th January), p. 626.

⁴⁹² The News (London), 1817, № 618 (8th June), p. 177.

отметить на своих страницах около десятка британских изданий⁴⁹³. Вдохновленные этой речью, некоторые из них транслировали надежды на дальнейшее расширение либеральных преобразований⁴⁹⁴.

Ведя рассуждение о том, что сделанное Александром для Польши есть одно из самых выдающихся творений, когда-либо выходявших от рук правителей, – о том, что обыкновенно конституции даруются народам лишь в качестве запоздалой уступки, в то время как конституцию Александра следует рассматривать как предусмотрительную заботу и отклик на едва зарождающееся народное желание – немецкие корреспонденты также видели в новом польском рейхстаге яркий пример «мощного сияния жизни, которым многие немцы хотели бы обогреть свои надежды». В Германии полуиррационально верили, что сам очередной приезд императора Александра в их земли может способствовать приближению патриотических ожиданий к воплощению в жизнь⁴⁹⁵. И в преддверии Аахенского конгресса, например, немецкая пресса полна была уверенности, что на нем, несомненно, будут решаться вопросы, имеющие величайшее значение для счастья и свободы народов. Оправдания свободолюбивых надежд ждали, памятуя о речи российского императора к представителям польской нации, «которая разнеслась по всей Европе и в которой возвышенный оратор, полностью отдаваясь своим сокровенным чувствам, торжественно воздает должное либеральным идеям и институтам»⁴⁹⁶. Конкретнее всех разлитое в воздухе ощущение сформулировала «*Neue Speyerer Zeitung*»: «Эта встреча [монархов] чрезвычайно интересна, однако не из-за подъезжающих экипажей, военного

⁴⁹³ The Morning Post, 1818, № 14759 (9th May), p. 3; The Saint James's Chronicle, 1818, № 9434 (12th May), p. 2; Kentish Chronicle, 1818, № 3998 (15th May), p. 2; The Huntingdon, Bedford & Peterborough Gazette, 1818, № 241 (16th May), p. 80; The Northampton Mercury, 1818, № 10 (16th May), p. 4; Baldwin's London Weekly Journal, 1818, № 2999 (16th May), p. 1; The New Times (London), 1818, № 5532 (18th May), p. 2; Hereford Journal, 1818, № 2492 (20th May), p. 4; The Bury and Norwich Post, 1818, № 1873 (20th May), p. 704.

⁴⁹⁴ The Dublin Evening Post, 1818, № 8595 (15th October), p. 2; Caledonian Mercury, 1818, № 15151 (15th October), p. 2.

⁴⁹⁵ Bremer Zeitung, 1818, № 158 (7. Juni), S. 3; Neue Speyerer Zeitung, 1818, № 73 (18. Juni), S. 1.

⁴⁹⁶ Oppositions-Blatt oder Weimarische Zeitung, 1818, № 122 (26. Mai), S. 970.

парада или снующих туда-сюда зрителей... а из-за либеральных идей, которые приносит с собой император Александр. То, что мы видели до сих пор из усилий этого монарха в России, Польше и Франции, позволяет нам также надеяться на много добра для Германии»⁴⁹⁷.

С восторгом и немецкие, и английские газеты тогда же передавали разговор русского царя с генералом Мезоном – бывшим адъютантом Моро, а теперь губернатором Парижа: «Все народы, – сказал ему император Александр, – должны быть освобождены от произвола властей. Вы видите, что я сделал в Польше и что хочу сделать во всех своих владениях. Я искренне желаю, чтобы Франция была счастливой, великой и сильной», – и обнял наклонившегося было поцеловать ему руку генерала⁴⁹⁸. С умилением писали о том, как чувствительно его сердце к ущемлению прав людей вообще: как, находясь в Лондоне, император Александр принимал активное участие в усилиях благотворительной ассоциации, нацеленной на искоренение работорговли; как на обратном пути на материк ему представили трактат, где описывались страдания и жестокости, которым подвергаются несчастные негры, – и когда сопровождавший его морской офицер выразил сожаление, что Его Величеству стало дурно от качки, ответил, что больше страдал от печальных картин, которые обнаружил в предложенной книге⁴⁹⁹. Всё это, как отмечалось в прессе, создавало российскому императору славу самого либерального государя своего времени⁵⁰⁰.

По-своему либеральной могла представлять и сама идея Священного союза – общего для всех без исключения стран, который аннулировал бы характерные прежде альянсы и к которому могли бы примкнуть не только

⁴⁹⁷ Neue Speyerer Zeitung, 1818, № 113 (19. September), S. 3.

⁴⁹⁸ Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1818, № 297 (25. Oktober), S. 3; Erlanger Real-Zeitung, 1818, № 87 (30. Oktober), S. 380; The Dublin Evening Post, 1818, № 8595 (15th October), p. 2; Caledonian Mercury, 1818, № 15151 (15th October), p. 2.

⁴⁹⁹ Augsburger Ordinar Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1818, № 259 (29. Oktober), S. 2.

⁵⁰⁰ Public Ledger and Daily Advertiser, 1816, № 17477 (10th April), p. 3.

великие державы, но и малые; такая идея выдвигалась в истории впервые⁵⁰¹. Она подразумевала, что малым государствам также гарантировались бы «безопасность и спокойствие», а равно учет их интересов при вступлении в союз. Перманентное соперничество и вражду, а также господство «сильного над слабым» Александр I предлагал заменить принципиально иными отношениями – и об этом прямо писал⁵⁰² в марте 1817 г. его ближайший в тот период сподвижник, статс-секретарь по иностранным делам И. Каподистрия, разместивший в газете “*Conservateur Impartial*” свое разъяснительное сочинение «Замечания об истинных интересах Европы».

Однако множество изданий в британской прессе сумели увидеть в новом союзе лишь договор одних против других. Это особенно ярко заметно в одной крайне растиражированной публикации времен Аахенского конгресса, где приводился следующий слух: члены Священного союза на самом деле намерены объединиться в единую республику – конфедерацию, во главе которой монархи Великобритании (!), Австрии, Франции и России должны поочередно путем выборов избираться на верховный пост и править каждый определенное время (предположительно, по три года)⁵⁰³. Появление в этом списке Великобритании мало объяснить только лишь политическим самомнением британцев. Очерченный план европейской конфедерации приписывался авторству Александра I, однако для образованного наблюдателя план этот вызывал ассоциацию с тем планом христианского

⁵⁰¹ Pyta W. *Konzert der Mächte und kollektives Sicherheitssystem. Neue Wege zwischenstaatlicher Friedenswahrung in Europa nach dem Wiener Kongress 1815 // Jahrbuch des Historischen Kollegs.* 1996. S. 134.

⁵⁰² *Conservateur Impartial*, 1817, № 18, 2/14 mars. P. 99–100.

⁵⁰³ *The Sun*, 1818, № 8101 (21st August), p. 2; *The London Packet and New Lloyd's Evening Post*, 1818, № 7827 (21st August), p. 4; *The British Press*, 1818, № 4899 (21st August), p. 2; *The Public Ledger and Daily Advertiser*, 1818, № 18215 (21st August), p. 2; *The Mirror of the Times*, 1818, № 1154 (22nd August), p. 4; *Morning Advertiser*, 1818, № 8388 (25th August), p. 2; *The Bath Chronicle*, 1818, № 2948 (27th August), p. 1; *The Westmorland Gazette*, 1818, № 15 (29th August), p. 1; *Baldwin's London Weekly Journal*, 1818, № 3014 (29th August), p. 2; *The Suffolk Chronicle, or Weekly General Advertiser & County Express*, 1818, № 435 (29th August), p. 4; *The Salisbury and Winchester Journal*, 1818, № 4852 (31st August), p. 2; *The British Press*, 1818, № 4925 (21st September), p. 1; *The Morning Herald (London)*, 1818, № 11850 (21st September), p. 1; *Saint James's Chronicle*, 1818, № 949 (22nd September), p. 2; *Saunders's News-Letter*, 1818, № 19117 (24th September), p. 1.

европейского объединения, который некогда задумывал Генрих IV Наваррский (либо, что вероятнее, приближенный к нему герцог де Сюлли) – и который включал в себя Великобританию как важное звено.

В целом, встреча в Аахене 29 сентября – 21 ноября 1818 г., как хронологически первая из конгрессов Священного союза, казалось, могла прояснить для сомневающихся наблюдателей сущность и цели нового объединения. Несмотря на то что переговоры были «покрыты непроницаемой завесой»⁵⁰⁴, достоянием прессы стали нота в адрес французского короля с предложением примкнуть к союзу и его положительный ответ на нее⁵⁰⁵, а также итоговая декларация конгресса⁵⁰⁶. И мнения в британской прессе снова разделились.

С одной стороны, представители консервативного сектора прессы одобрительно оценили закрепленный декларацией дискурс на недопустимость революций⁵⁰⁷. С другой стороны, их либеральные оппоненты по тому же поводу разразились возмущенным монологом о попрании народных прав. Да, в декларации звучало⁵⁰⁸, что своей главной обязанностью подписавшиеся монархи признают следование «указаниям народного права» – но газетчики возражали: если правители желают выразить почтение этим правам, то в первую очередь вернут их людям, у которых их отторгли ради установления нынешней системы управления в Европе – в Польшу, Саксонию, Италию и Бельгию⁵⁰⁹.

Существовал и третий подход – возможно, наиболее для англичан аутентичный. Он базировался на чисто практической оценке декларации. Из Франции выводятся войска? – Отлично: это сокращение британских расходов

⁵⁰⁴ Commercial Chronicle, 1818, № 2882 (20th October), p. 4.

⁵⁰⁵ Hereford Journal, 1818, № 2520 (2nd December), p. 1.

⁵⁰⁶ Hereford Journal, 1818, № 2520 (2nd December), p. 1; Bath Cronicle and Weekly Gazette, 1818, № 2962 (3rd December), p. 1; Westmorland Gazette, 1818, № 29 (5th December), p. 2; Westmorland Advertiser and Kendal Chronicle, 1818, № 389 (5th December), p. 2.

⁵⁰⁷ The Morning Herald, 1818, № 11922 (14th December), p. 2.

⁵⁰⁸ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 7. СПб., 1885. С. 322.

⁵⁰⁹ The Constitution, 1818, № 362 (6th December), p. 1.

на армию – и высвобождение средств для коммерции; да и в континентальной Европе теперь будут вновь готовы тратить деньги – «а так как основное предложение всегда исходит от нас, то их возросшие средства будут расходоваться на нашем английском рынке»⁵¹⁰. Монархи нескольких держав объединились в тесный союз? – Пусть; это может оказаться угрозой свободе всех прочих, но общественное мнение Англии и ее правительство будут начеку и всё равно не позволит злоупотреблений⁵¹¹. Абстрактные утверждения Акта переплавились в конкретные политические выводы, что дало англичанам возможность рассуждать в понятной им плоскости.

К исходу 1810-х гг. большинству английских корреспондентов стало понятно, что Священный союз будет отстаивать охранительные идеи всерьез. Немало английских изданий начало подмечать перемену политического курса Александра I. “The Morning Herald” в 1819 г. писала, что из уст российского императора больше не слышно выражений «либеральные идеи» и «дух времени»⁵¹². “Morning Chronicle” и “Saint James's Chronicle” начали разграничивать прежнего Александра – «друга свободы и прав людей каждой нации», который «казалось, думал, что конституционные права – лучшая защита трона» и который «был учеником добродетельного Лагарпа»⁵¹³ – и антагонистичного ему нынешнего. С другой стороны, существовал ряд консервативных изданий, которым крайне импонировало то, что среди своих венценосных коллег Александр I «наиболее серьезно относится к необходимости прилагать усилия для подавления якобинского и нерелигиозного духа времени»⁵¹⁴ – как следовало бы поступать, с их точки зрения, каждому трезвомыслящему и серьезному человеку в Европе. Соседствующее с «нерелигиозным духом времени» «якобинство» здесь следует понимать расширительно – в смысле анархических,

⁵¹⁰ Hull Packet, 1818, № 1675 (8th December), p. 4.

⁵¹¹ Там же.

⁵¹² The Morning Herald (London), 1819, № 12119 (27th July), p. 3.

⁵¹³ Morning Chronicle, 1820, № 16048 (3rd October), p. 3; Saint James's Chronicle, 1820, № 9811 (3rd October), p. 4.

⁵¹⁴ The Barbados Mercury and Bridge-town Gazette, 1818 (10th February), p. 2.

противогосударственных настроений вообще – поскольку в глазах консерваторов враждебное отношение к действующей законной власти подразумевало отход от постулата о богопоставленности монарха и от христианской веры в целом. И именно такие настроения в тот период заметно распространились в Испании, Южной Америке и ряде других мест среди «низших классов»⁵¹⁵.

Таким образом, с точки зрения реакции на создание Александром I Священного союза и на первые годы существования последнего британские газеты можно разделить на следующие подгруппы: либеральные издания, ожидавшие от управляемого просвещенным Александром объединения счастья для человечества; консервативные издания, которым импонировала осторожность Союза на первых порах и намечающийся охранительный характер его деятельности; издания, независимо от своей политической ориентации с сомнением подозревавшие Союз и лично Александра I в нечистых умыслах. Часть британских изданий продолжала высказываться об Александре I одобрительно вплоть до окончания его жизни и царствования; часть же к рубежу 1810–1820-х гг. заняла резко-критическую позицию. При этом нужно отметить, что и одобрение, и негодование в адрес русского царя можно было обнаружить как в либеральных, так и в консервативных изданиях.

4.2. Реакция в прессе на консервативную политику Священного союза Революции в Испании и Италии

Актуальность размышлений о том, к чему могут привести пути Священного союза, усилилась в 1820 г., когда в его линии заметно обозначились консервативные тенденции на фоне вспыхнувших в Испании и Италии революций. Первая из этих революций началась 1 января 1820 г. близ Кадиса мятежом Р. Риго и была вызвана затяжным внутривнутриполитическим кризисом (в одном только промежутке 1814–1819 гг. в Испании прогремело

⁵¹⁵ Там же.

девять восстаний⁵¹⁶), связанным в том числе с утратой Испанией колониальных владений в Латинской Америке. Революцию возглавили военные, проникшиеся либеральными идеями еще в ходе борьбы против французского господства 1808–1813 гг. Король Испании Фердинанд VII, и прежде не пользовавшийся широкой поддержкой населения, под их натиском был вынужден восстановить действие либеральной конституции 1812 г., уже в марте-апреле образовать конституционное правительство и назначить выборы в кортесы⁵¹⁷.

Испанские новости всколыхнули Италию. Там особенно тяжелое положение сложилось на Сицилии и в Неаполе, где были свои причины для недовольства правительством – на острове хозяйничали бандиты, с которыми правительство не могло справиться и шло на договоры с предводителями группировок. 2 июля 1820 г. в Неаполе началась, как до того в Испании, военная революция, и неаполитанский король также вынужден был принять конституцию. Брожение началось и в Северной Италии⁵¹⁸.

Газетным наблюдателям становилось очевидно, что политическая картина усложняется – «политика в Европе начинает запутываться», как писала “Erlanger Real-Zeitung”: военные, которым положено подчиняться приказам, принимают законы и конституции, министры, чья обязанность – хранить королевское достоинство, «умаляют это достоинство самыми безнравственными историями» (речь о скандале вокруг английской королевы); несомненно было, словом, что закон и мораль оскорблены. Разрешения этих конфликтов и восстановления закона и нравственности ждали от Священного союза («это правда, что король Англии не является членом заветного союза, но последний не потерпит того факта, что в Европе попирается общественная мораль» – считали в газете⁵¹⁹). И можно заметить, что именно из восхищения изначальной идеей союза с ее либеральным – как

⁵¹⁶ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 402.

⁵¹⁷ Там же. С. 402–403.

⁵¹⁸ Там же. С. 403.

⁵¹⁹ Erlanger Real-Zeitung, 1820, № 75 (19. September), S. 343.

казалось и как хотелось верить – ореолом рождалось разочарование и недовольство, поскольку то, как члены Священного союза противостояли новым вызовам, очевидно не соответствовало сложившимся высоким представлениям о христианском объединении.

Идеальный образ последнего был таков, что, например, в гессенской “*Rheinische Blätter*” заключали: «Газеты, находящиеся под цензурой, рассказали нам об этом [о революции в Испании] достаточно, чтобы оправдать мнение о том, что Россия разорвала Священный союз» – настолько не вязалась политическая реакция с ожиданиями тех, кто также сетовал: «министры упорно продолжают делать все возможное, чтобы лишить нас наших свобод, что уже было сделано в 1789 году, чтобы помешать нам их достичь»⁵²⁰. О том, что, видимо, Священный союз предан забвению – «потому ли, что вначале он был воспринят [политическими элитами] с не слишком большим доверием, потому ли, что впоследствии оказалось, что он воспринял многое, что противоречило [изначальной] идее этого союза» – писала и саксонская “*Leipziger Literaturzeitung*” – и заключала, что, следовательно, затея со Священным союзом была не так уж серьезна, так что надеяться на что-либо доброе от него в будущем не приходится⁵²¹.

Революционные события 1820 г. подогрели полемику и в британской прессе. Многие англичане, казалось, с самого начала внутренне готовы были к критике – и вот теперь для нее нашелся достойный повод. “*The Bristol Mercury*” предвещала: «...Взгляните на чудовищную политику (чтобы не сказать – на беззаконие) континентальной системы, которая, под именем Священного союза, в результате невыносимого угнетения породила революцию и изменения – систему, которая превратила европейский континент в политический вулкан...»⁵²²

В это самое время, когда пресловутый вулкан начал извержение в Испании, Португалии, Неаполе и на Сицилии, на конгрессе в Троппау в

⁵²⁰ *Rheinische Blätter*, 1820, № 104 (29. Juni), S. 418.

⁵²¹ *Leipziger Literaturzeitung*, 1819, № 281 (12. November), S. 2242.

⁵²² *The Bristol Mercury*, 1820, № 1598 (6th November), p. 3.

самом деле велись обсуждения, отвечавшие охранительному дискурсу европейской безопасности – более того, сам конгресс был вызван к жизни, прежде всего, этими революциями (инициатором встречи стала Австрия, канцлер которой опасался ослабления влияния Габсбургов в Северной Италии ⁵²³). Результатом обсуждений стал протокол, узаконивший применение военной силы против революционного Неаполя. В нем заявлялось следующее: если государства, в которых произошел мятеж, возбудят в других государствах опасения в силу близкого соседства и союзные державы будут в состоянии оказать на них воздействие, то для возвращения пострадавших от мятежа государств в лоно правопорядка будут приложены сначала дружественные усилия, а затем и принудительная сила, если возникнет такая необходимость. Иначе говоря, декларировалось право подавления революций в том или ином государстве без приглашения его правительства⁵²⁴. И спустя несколько месяцев, в Лайбахе, королю Обеих Сицилий Фердинанду I ясно дали понять, что он должен отменить конституцию, на верность которой дважды присягнул и которую обязался защищать перед конгрессом, и что на помощь ему будут посланы австрийские войска – что и было исполнено⁵²⁵.

“The Champion” в этой связи с болью утверждала, что Священный союз на самом деле является узурпацией всеобщего господства даже более невыносимой, чем у Наполеона, потому что «то, что это триумвират, а не индивидуальная тирания, скорее усугубляет, чем смягчает зло» ⁵²⁶ . Получалось, что вместо пути в новый мир, к новому обществу детище Александра I, напротив, стремилось «вернуть Европу к состоянию, в котором она находилась столетие назад»⁵²⁷.

В свете тех же несбывшихся ожиданий некоторые немецкие газеты перепечатавали мнения иностранных представителей, пребывавших в

⁵²³ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 404.

⁵²⁴ Там же. С. 410.

⁵²⁵ Лависс Э., Рамбо А.Н. История XIX века. Т. 3. М., 1938. С. 82.

⁵²⁶ The Champion (London), 1821, № 444 (8th July), p. 419.

⁵²⁷ The London Packet and Lloyd's Evening Post, 1822, № 9349 (31st July), p. 1.

оппозиции к Священному союзу. Из выступления генерала Фуа на собрании представителей французской нации таким образом одной из вюртембергских газет была избрана мысль о том, что Священный союз обращает на себя внимание только тем, что навязывает, и наносит лишь вред, так что появившись его войска на территории Франции – каждый француз, военный или гражданский, ополчился бы против врага⁵²⁸ (в этом случае авторы статьи предпочли оставить за скобками то, что это слова бывшего сподвижника Наполеона).

Этому во многом вторила выдержка из выступления либерального французского политика Габриэля-Жака Лене де Виллевека на заседании Палаты депутатов, исполненного возмущения против вооруженного вмешательства в дела других государств: «Принципы, которые величественно провозглашаются Священным союзом, ставят вне закона даже британскую Великую хартию, которую победоносные бароны вырвали у бессильной тирании Иоанна Безземельного»⁵²⁹.

Более того, на страницах баварских газет был размещен даже текст воззвания сторонников Наполеона II – в котором также вычерчивалась линия: в 1815 г. иностранные державы заявили перед лицом Европы, что вооружены только против Наполеона и уважают французскую независимость, а равно право каждого народа выбирать форму правления, соответствующую его обычаям и интересам – но несмотря на это торжественное заявление оккупировали Париж и вынудили народ признать правительство Людовика XVIII без выборов; и такая деятельность есть не что иное, как стремление препятствовать свободному развитию великой нации, ради которого и было произведено «объединение тиранов против народов» – и агрессия в Польше, Италии и Испании также служат тому

⁵²⁸ Neckar-Zeitung, 1822, № 224 (16. August), S. 989; Neckar-Zeitung, 1822, № 228 (20. August), S. 1005.

⁵²⁹ Neckar-Zeitung, 1823, № 117 (1. Mai), S. 480; Der Friedens- u. Kriegs-Kurier, 1823, № 107 (5. Mai), S. 556.

доказательством⁵³⁰. Подобный список «жертв агрессии» – который очевидно был сформирован по принципу обвинений против основных стран-участниц Священного союза (Россия «оккупировала» Польшу, Австрия – Италию, все вместе способствовали подавлению революции в Испании) – тем более примечателен в немецкой прессе, что по крайней мере в отношении Польши в ней всегда звучали исключительно хвалебные отзывы на деятельность русского императора, который должен привести польские земли к благоденствию.

Но французскими источниками дело не ограничилось. Из выступления лорда Каслри редакцией веймарской газеты был выужен тезис, что Священный союз более чем склонен к угнетению – который британский министр иностранных дел сформулировал в контексте дел в Южной Америке, чью независимость члены Священного союза из солидарности с испанским королем, конечно же, поддержать не могли, в то время как для англичан она была желанна из экономических интересов – однако эта прагматическая подоплека немецких авторов не интересовала, ее они никак не касались, приводя лишь сам колющий Священный союз вывод⁵³¹. Наконец, баварскими журналистами был избран риторический монолог Ж.А. Манюэля (выдающегося представителя либеральной оппозиции во французской Палате депутатов): «...Говорят, что Священный союз желает мира; но разве он не хочет мира за счет свободы народов? и не должно ли рабство быть его ценой? И какого еще мира можно ожидать от тех, кто бросил неаполитанцев и пьемонтцев иностранным солдатам, позволил туркам резать греков и подстрекал испанцев душировать самих себя?»⁵³²

От выводов о том, что на действия союзников остается смотреть с тревогой и трепетом, поскольку то, что они не могут принести пользу человечеству, уже

⁵³⁰ Bayreuther Zeitung, 1823, № 81 (25. April), S. 368; Aschaffenburgische Zeitung, 1823, № 98 (24. April), S. 2.

⁵³¹ Oppositions-Blatt oder Weimarische Zeitung, 1820, № 183 (3. August), S. 544.

⁵³² Allgemeine Zeitung, 1822, № 247 (4. September), S. 986.

общепризнано ⁵³³, в прессе происходил окончательный переход к отрицательным образам деятелей Священного союза. Многие английские газеты⁵³⁴ нашли интересным написать о небольшой работе «Иллюстрированное пророчество», где о Священном союзе – о христианской по своей мысли ассоциации, призванной нести евангельский свет – говорилось как о нечистых духах, подобных лягушкам в Апокалипсисе. Дождь из лягушек, как известно, согласно Иоанну Богослову должен служить знамением скорого конца света; активность членов Священного союза, таким образом, расценивалась аналогично – их «война против общественного мнения, уничтожение прав совести и прав человека», по-видимому, в глазах авторов предвещала скорый конец цивилизованного общества. Такое предположение можно сделать, глядя на газетные трактовки того, что есть современное общество; авторы были убеждены: человечество сегодня объединено во всех своих цивилизованных сообществах коммерцией и прессой, которую никакая рукотворная сила уже не может эффективно подавлять, и подобное развитие необратимо ⁵³⁵. Сразу несколько изданий писали: «Между народами действительно существует один обширный заговор: его корни в природе человека, и он покрывает своими ветвями всю поверхность живого общества...: каждый человек реагирует на давление и стремится избавиться от боли»⁵³⁶.

«The Examiner» в 1821 г. замечала, что непоследовательность Священного союза крылась в том, что изначально он апеллировал к народной поддержке против военных посягательств, а спустя несколько лет сам начал использовать военное насилие, чтобы подавить народный дух⁵³⁷. Впрочем, конечно, и без апелляций к народному духу со стороны союзных монархов в

⁵³³ The Morning Chronicle, 1822, № 16713 (13th November), p. 3.

⁵³⁴ Morning Advertiser, 1822, № 9450 (17th January), p. 3; The British Luminary And Weekly Intelligencer, 1822, № 173 (20th January), p. 442; The Bath Chronicle, 1822, № 3125 (24th January), p. 4; The Westmorland Gazette and Kendall Advertiser, 1822, № 194 (2nd February), p. 4.

⁵³⁵ Evening Mail, 1822, № 8165 (16th August), p. 4; The Scotsman, 1822, № 292 (24th August), p. 265; The Manchester Guardian, 1822, № 60 (24th August), p. 2.

⁵³⁶ Там же.

⁵³⁷ The Examiner, 1821, № 685 (18th February), p. 105.

Европе царила эпоха национального романтизма, с которой александровская идея союза монархов как «отцов народов» сочеталась плохо.

Греческое восстание

Революции в Италии и Испании стали для Священного союза в определенном смысле проверкой на прочность, но если его линия и вызывала недовольство многих наблюдателей, то, тем не менее, не противоречила всё же собственным декларациям союзников, постановивших бороться с распространением революционных идей. Однако новым политическим вызовом стало греческое восстание против Османской империи⁵³⁸, известие о котором настигло монархов во время конгресса, проходившего в Лайбахе 26 января – 12 мая 1821 г.⁵³⁹

По всей Греции (а также и в других местах, где жили греки) еще с конца XVIII века стали возникать тайные общества, нацеленные на освобождение Греции из-под власти турок, чинивших христианским подданным жестокие притеснения. При назначении нового господаря Валахии – также находившейся под турецким владычеством – в 1821 г. вспыхнул мятеж, и момент был сочтен удобным для начала греческого восстания. При этом повстанцы рассчитывали на поддержку России в лице Александра I, направив ему в начале года письмо с описанием своих несчастий. Писал российскому императору с объяснением своих мотивов и лично один из руководителей греческой революции А. Ипсиланти – в недавнем прошлом генерал-майор русской армии⁵⁴⁰.

Происходящее внутри турецкой державы волнение не осталось без реакции со стороны европейской публики потому, что европейские державы для Турции служили важным элементом поддержания всеобщего равновесия, и потому, что восставшие были христианами. Последнее и порождало коллизию: с одной стороны, Священный союз и в этом случае должен был бы не одобрять

⁵³⁸ Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 4. СПб., 1898. С. 198.

⁵³⁹ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 413.

⁵⁴⁰ Там же. С. 413, 421–422.

революции; но с другой равнодушие выглядело бы предательством по отношению ко братьям во Христе, желавших освободиться от иноверного господства. Симпатии широкой европейской общественности (и газетчиков в том числе) были безусловно на стороне повстанцев, в помощь грекам собирались деньги, воевать с турками отправлялись добровольцы. Казалось, европейская общественность внутренне солидарна: от христианского союза ждали помощи грекам, томящимся под игом мусульман. «Неужели Священный союз, заключенный для защиты христианской семьи, не пошлет даже умирающего из числа своих войск для вашего [греков] спасения?»⁵⁴¹ – звучало в 1822 г. на страницах немецких “Neue Speyerer Zeitung” и “Morgenblatt für gebildete Stände”, и это было лишь наиболее лаконичным выражением того возмущенного недоумения, которое было разлито на многих и многих страницах других газет.

Однако решение должны были принимать монархи – а союзникам российского императора в действительности было выгоднее, чтобы Османская империя смогла подавить восстание. Более того: возможно, английской верхушке не меньше, чем туркам, не давала покоя убежденность в желании русских захватить Константинополь⁵⁴². Вот почему мы видим, например, в “The Public Ledger and Daily Advertiser” и в “The Dublin Evening Post” начального периода греческого восстания следующие записи: «[Александр I] проявил большую умеренность и даже великодушие в отношении предмета, который... мог пробудить амбиции», когда «соблазнов избрать иной путь было достаточно и они были сильны» – когда его войска, придворные и подданные в целом с радостью приветствовали бы объявление войны, а обстоятельства этому благоприятствовали – а он сопротивлялся всем этим интенциям и «с мудростью, которую невозможно перехвалить, предпочел титул справедливого и миролюбивого правителя титулу

⁵⁴¹ Beilage zur Neuen Speyerer Zeitung, 1822, № 127 (22. Oktober), S. 2; Morgenblatt für gebildete Stände, 1822, № 87 (2. November), S. 345.

⁵⁴² Schoonmaker E.D. Constantinople: And Then? // The North American Review, 1917, vol. 205, № 737 (April), pp. 511–512.

Завоевателя»⁵⁴³. Представление о миролюбии русского царя побуждало некоторые из британских газет на фоне греко-турецкого конфликта верить, что он вряд ли пожертвует покоем Европы в угоду политическим интригам, фамильной гордости или желанию возвышения⁵⁴⁴.

К неразрешенной проблеме революций в Италии и Испании добавилась, таким образом, греческая проблема. Коллективная позиция монархов Священного союза была после трудных обсуждений сформулирована в циркуляре по итогам Веронского конгресса 20 октября – 14 декабря 1822 г. Было подтверждено право Священного союза вмешиваться во внутренние дела всякого государства, где революционное движение угрожает монархическим устоям – в частности, было оправдано вмешательство в дела итальянских государств в 1821 г. и в испанскую революцию, а Францию уполномочили от имени Священного союза распространить интервенцию на испанские колонии в Латинской Америке. Действия греческих повстанцев осудили в рамках той же возобладавшей линии на подавление революций⁵⁴⁵. Интервенция в Латинской Америке при этом шла врозь с английскими экономическими интересами, поскольку предполагала усиление конкуренции со стороны Франции на латиноамериканских рынках. Как известно, в связи с этим Великобритания обратится к США с предложением о координации совместного противостояния планам Священного союза в Латинской Америке, результатом чего станет провозглашение в конце 1823 г. доктрины Монро – и вынужденный отказ союзников от интервенции на бывшие испанские колонии⁵⁴⁶.

Однако немецкими газетчиками объяснение тому, почему же Священный союз не вмешивается в греко-турецкий конфликт, было найдено в плоскости

⁵⁴³ The Public Ledger and Daily Advertiser, 1821, № 18850 (24th October), p. 2; The Dublin Evening Post, 1822, № 9220 (30th March), p. 3.

⁵⁴⁴ The Sun (London), 1822, № 9189 (6th February), p. 4.

⁵⁴⁵ Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими от заключения всеобщего мира в 1814 до конгресса в Вероне в 1822 году, ч. 1. Акты публичные. Т. 2. Спб., 1825. С. 705–715.

⁵⁴⁶ Дипломатический словарь. М., 1985. Т. 1. С. 191.

несовершенства человеческой природы (при том, что, как мы помним, залог успешности Священного союза виделся в нравственных качествах его участников-монархов): «Разве амбиции и завоевания больше не привлекательны? Может ли кто-то предположить, что Россия [которая является душой Священного союза] отошла от политики Екатерины и навсегда отказалась от своих планов? (...) Разве Священный союз установлен только для мира, но не для войны?»⁵⁴⁷ При таком подходе, конечно же, легко было видеть в нежелании союза вмешиваться в развязавшийся конфликт желание дожидаться, когда Османская Порта истощит себя, чтобы наброситься на ее территории и «утащить себе по кусочку». В этой связи интересна динамика восприятия: в самом начале, весной 1816 г., когда мир только узнал об образовании Священного союза, на страницах этой же самой газеты, “Bayreuther Zeitung”, читатель видел статью с диаметрально противоположным посылом: Акт Священного союза не преследует никакой другой цели, кроме как спокойно установить внутреннее благополучие государств и не только обеспечить самые незыблемые чувства мира, единства и доброжелательности по отношению ко всем христианским народам, но также распространить аналогичные чувства на нехристианские народы, в частности на Османскую Порту – и, тем самым, Акт «самым прекрасным образом опровергает тайные намерения Священного союза, какими они представлены в некоторых иностранных газетах»⁵⁴⁸.

Теперь же едва ли не самой характерной при речи о Священном союзе в прессе (впрочем, прежде всего – все же, британской) стала запись: «Священный союз преследует только одну цель – уничтожить в каждой стране все, что имеет подобие Свободы»⁵⁴⁹.

4.3. Образы Священного союза на страницах прессы

Рассмотрим теперь ассоциативные образы, которые нанизывались газетчиками на понятие Священного союза в связи с его рассмотренной выше

⁵⁴⁷ Bayreuther Zeitung, 1824, № 3 (4. Januar), S. 11.

⁵⁴⁸ Bayreuther Zeitung, 1816, № 117 (17. Mai), S. 447.

⁵⁴⁹ The Morning Chronicle, 1824, № 17189 (21st May), p. 3.

политикой. Так, на страницах британских газет можно наблюдать развитие эмоционального образа «Священный союз = хищный зверь» в его вариациях. Когда в центре внимания фигурировал вопрос независимости южноамериканских государств, “The Star” призывала защитить их «от клыков Священного союза... – хищного зверя, который возжелал распространить на них свое сокрушительное и разрушительное влияние, как то уже было сделано на европейском континенте»⁵⁵⁰. Немногим позже еще несколько газет⁵⁵¹, развивая ту же мысль, рассуждали о том, что «хищный зверь – Священный союз мог, для достижения своих собственных целей, попытаться сделать из Испании клык, чтобы вгрызться в сердце Америки» (т.е., подавив революцию в Испании, сделать из последней плацдарм для подавления революции в ее колониях) – но, что если такая попытка будет предпринята, английский дух свободы защитит свободу в Америке. Наконец, “Dublin Morning Register” сравнивала Священный союз с «ухаживающим, но бдительным тигром, ожидающим наиболее удобной возможности наброситься на зарождающуюся свободу, где бы она ни появилась в пределах досягаемости» и рассуждала о том, что таковы природа и принципы этого объединения, что «малейшее движение со стороны пятнистого и коварного монстра» непременно заставляет ждать «предстоящего акта жестокости, двуличности или репрессивного вмешательства»⁵⁵².

Другая любопытная система образов выстраивается из переворачивания с ног на голову изначальной идеологии и символики Священного союза. Если при своем создании он нес Европе спасение от наполеоновских учреждений и противовес им, то теперь в газетах звучало, что «суд Священного союза основан на обновленных замыслах Наполеона, консолидированных в соответствии с более надежным принципом» – что члены Священного союза

⁵⁵⁰ The Star, 1824, № 11647 (16th June), p. 2.

⁵⁵¹ The Dublin Evening Post, 1824, № 9210 (19th June), p. 2; Hereford Journal, 1824, № 2810 (23rd June), p. 4; Hampshire Chronicle and Southampton Courier, 1824, № 2673 (21st June), p. 4; The Southampton Herald, 1824, № 48 (21st June), p. 2; Baldwin's London Weekly Journal, 1824, № 3308 (19th June), p. 3; Bombay Gazette, 1824, № 1793 (13th October), p. 10.

⁵⁵² Dublin Morning Register, 1825, vol. 1 (23th March), p. 2.

присвоили себе право юрисдикции с большим охватом, чем прежде мог позволить себе Наполеон на подвластных ему территориях, которые владения нового союза теперь превосходили⁵⁵³.

“Kentish Chronicle”, замечая, что среди членов Священного союза быстро прогрессирует «склонность к чистому деспотизму», проводила мысль: поработив тела своих несчастных подданных, правители теперь стремятся поработить разума – нынешним деспотам недостаточно старой тирании, которая довольствовалась физическим послушанием и покорным молчанием⁵⁵⁴ (нужно сказать, что случаем, который в глазах авторов статьи служил свидетельством их правоты, был довольно невинный эпизод, имевший место несколькими годами ранее: австрийский император тогда обронил, что ему нужны не столько ученые подданные, сколько честные люди). Из этого монархи-участники вместо того, чтобы быть добрыми отцами своим народам (как то утверждал русский император), выступали им врагами – в частности, “Imperial Weekly Gazette” на фоне французской интервенции в Испанию в 1823 г. писала: «дух Священного союза... – это гнусный заговор королей против их подданных»⁵⁵⁵. “The Morning Chronicle” добавляла к этому, что мораль, которую прививает Священный союз – что не короли созданы для народов, но народы для королей – поскольку лишь желания последних имеют значение⁵⁵⁶.

Но в английских газетах можно найти и еще более контрастный образ для христианских монархов. «Маска с лицом херувима упала со змея-искусителя, и теперь он предстает перед всем миром в своих истинных дьявольских характеристиках и размерах»⁵⁵⁷, – с оттенком торжества писала “Bell's Life in London and Sporting Chronicle” в контексте вмешательства Священного союза в испанские дела. Апологеты Священного союза распространяли либеральные надежды и заверения? Что же, теперь политическая манера

⁵⁵³ Bell's Life in London and Sporting Chronicle, 1823, № 55 (16th March), p. 486.

⁵⁵⁴ Kentish Chronicle, 1824, № 4656 (3rd September), p. 4.

⁵⁵⁵ Imperial Weekly Gazette, 1823, № 1103 (1st February), p. 4.

⁵⁵⁶ The Morning Chronicle, 1823, № 16933 (28th July), p. 3.

⁵⁵⁷ Bell's Life in London and Sporting Chronicle, 1823, № 54 (9th March), p. 428.

союзников («язык его оракулов, кровожадный по своей цели и низменный по тону, а также по духу»⁵⁵⁸) взрастила подозрения в их истинных притязаниях – и они явно казались далеки от христианской любви и терпимости, коль скоро несогласные подавлялись силой оружия. Сюда вплетался еще один оттенок смысла: Священный союз – не просто не христианский, он языческий (как антитеза христианскому): во главе его – трехглавое чудовище (триумвират российского, прусского и австрийского императоров), вроде идола в индийских храмах, которому поклоняются, не замечая, что он – лишь цветасто украшенный истукан, лишенный души и жизни – как писали в газете, «бессмысленный образ, состоящий из низких и нестоящих материй, призванных завлечь внимание» и скрыть истину.

Впрочем, встречались и менее мистические (и более объективные) выводы из критики деятельности Священного союза. Разумеется, то, что политика союзников становилась всё более реакционной, не могло оставаться незамеченным («мы видели, как Священный союз... становился все смелее и смелее с каждым последующим актом насилия и угнетения»⁵⁵⁹ – писала “The Morning Chronicle”; «принципы Священного союза укрепляются с каждым последующим посягательством на права человечества»⁵⁶⁰, – вторила ей “The Globe”). Но почему так происходило в самом деле, с точки зрения британской прессы – если отбросить в сторону символические ассоциации и откровенно абсурдную конспирологию?

«...Они сами служили распространению идей свободы и независимости»⁵⁶¹, – писала авторитетнейшая “The Morning Chronicle” о монархах-участниках Священного союза, вспоминая пору победы над Наполеоном, когда провозглашена была цель поддержания законной власти и сохранения мира в Европе. Но... (1) «...Тесно объединенные схожими взглядами, суверены вскоре впали в безумие и злоупотребление властью, которое и

⁵⁵⁸ Там же.

⁵⁵⁹ Morning Chronicle, 1823, № 17017 (3rd November), p. 4.

⁵⁶⁰ The Globe, 1825, № 6902 (13th January), p. 2.

⁵⁶¹ The Morning Chronicle, 1824, № 9891 (26th May), p. 4.

было причиной прежних бедствий»; и (2) «забыв все свои обещания, презирая мнение своих подданных и будучи совершенно безразличными к возможным результатам, они немедленно предприняли самые произвольные меры... чтобы... беззастенчиво пожертвовать независимостью малых государств во имя рабских доктрин»⁵⁶². В эти рассуждения, как представляется, закралось две ошибки. Первая из них заключается в том, что газетные обозреватели понимали политику эпохи Венского конгресса и политику Священного союза как единое целое – на основании идентичного состава монархов-участников этой политики. Между тем, как уже подчеркивалось, образование Священного союза знаменовало принципиально новый этап в политической жизни Европы. Вторая же ошибка состоит здесь в непонимании того, что «обещания» проистекали из теоретических идей Александра I, а нашедшие реальное воплощение «доктрины» – из перевесивших практических взглядов других членов союза, в первую очередь – Меттерниха.

Таким образом, несовпадение провозглашаемых целей с теми средствами, которые применялись Священным союзом, вело к тому, что опасности подвергались учреждения, для поддержки которых он и был создан. Это и ощущали те, кто помимо общих заявлений вроде «система Священного союза с каждым днем становится все более гнетущей и опасной» замечал нечто более конкретное: политика Священного союза уже не отвечает духу и чувствам эпохи и только своей негибкой жесткостью союз удерживает власть⁵⁶³.

4.4. Возникновение «черного мифа» об Александре I

В отличие от Венского конгресса с его торжествами и публичными мероприятиями, конгрессы Священного союза вовлечения публики не предполагали и газетчикам не всегда было очевидно даже то, начался ли уже конгресс, продолжается ли он еще – и уж тем более была неведома его

⁵⁶² The Morning Chronicle, 1824, № 9891 (26th May), p. 4.

⁵⁶³ The British Press, 1824, № 6872 (11th December), p. 2.

внутренняя кухня. Видя, что император Александр никак не препятствует амбициям Австрии в Неаполе, именно к его портрету стали добавлять такие эпитеты, как «легкий, спокойный, довольно ленивый ум» и падкость на удовольствия вкупе с обходительностью при отсутствии личной склонности к честолюбию и насилию⁵⁶⁴. Из этого можно заключить, что солидарность верного договоренностям российского императора с союзниками – того самого, который в предыдущем десятилетии способен был рождать либеральные надежды – приписывалась равнодушию к делам и нежеланию лично принимать решения. Нельзя сказать, конечно же, чтобы последнее было вовсе не свойственно Александру Павловичу, однако подтверждений этому куда больше в фактах его внутренней политики, чем внешней. И поддерживая решения своих партнеров по Священному союзу, он исходил уж точно не из лени. Неаполитанские Бурбоны, в частности, вызывали у него чувство сильнейшего презрения, и он надеялся на возможность проведения в их владениях в дальнейшем ряда реформ, которые искоренили бы сами причины произошедшей революции⁵⁶⁵.

О роли российского императора в конгрессах в немецкой прессе практически не упоминали, публикуя о нем по большей части заметки из сферы внутренней политики или частной жизни – не менее положительные, чем прежде, – либо не публикуя новостей вовсе, если положительного не находилось (последним обстоятельством можно объяснить спад публикаций об Александре I в немецких газетах за 1820 г., см. график в Приложении 3). Общее число известий о русском монархе по всем рассмотренным в рамках диссертации периодам во всех использованных газетах показано в Приложении 4. О том, издания какой направленности в наибольшей мере тяготели к освещению фигуры Александра I, еще будет сказано ниже, пока же на основании указанных графиков отметим, что во всех этих изданиях – независимо от страны происхождения и ориентации – периодом активных публикаций о

⁵⁶⁴ Bell's Weekly Messenger, 1822, № 1371 (8th July), p. 216.

⁵⁶⁵ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 411.

русском царе была эпоха Венского конгресса, когда коллективными штрихами творился портрет Александра – победителя и миротворца. Дальнейшая же активность британских корреспондентов была связана как раз с формированием нового – негативного – представления о российском императоре: посвященные ему статьи вновь, после спада, составили весьма заметный процент всех публикаций в английских изданиях именно в начале 1820-х гг. – в период наибольшей критики деятельности Священного союза, во главе которого стоял император Александр. В немецкой же прессе, начиная с эпохи Священного союза, число посвященных русскому царю материалов неуклонно снижалось в процентном отношении к общему их числу именно на фоне нежелания публиковать об Александре что-либо критическое.

«Мы все еще помним, что вскоре после своего восшествия на престол этот благородный монарх воплотил гуманные планы по улучшению судьбы наиболее многочисленного класса своих подданных, желая смягчить и постепенно искоренить крепостное право»⁵⁶⁶, – звучало в 1823 г. на страницах баварской “*Neueste Weltbegebenheiten*”. Напомнив таким образом об издании указа о вольных хлебопашцах, автор статьи рассказывал далее, что доброжелательные намерения монарха осчастливить миллионы своих подданных встретили большое сопротивление со стороны русской знати – «и для того, чтобы испортить идею императора, были найдены всевозможные средства»; «поскольку некоторые крупные деятели во главе правительства и в непосредственной близости от императора действовали в унисон, жалобы угнетенных людей не могли достигнуть престола, а сам император оставался в неведении...» Завершался этот рассказ счастливо: по сведениям автора, некий священник при помощи императрицы-матери сообщил, наконец, императору об истинном положении дел, после чего многие люди были немедленно сняты со своих постов. Александр I, таким образом, оставался всё тем же полусказочным воплощением справедливости и добра, каким предстал в рассказах о нем десятилетием ранее – только теперь место действия ограничивалось его

⁵⁶⁶ *Neueste Weltbegebenheiten*, 1823, № 108 (7. Juli), S. 433.

собственными владениями. В по сути библейском облике царя как пастуха народа он, по версии прессы, лично толковал курляндским крестьянам предоставляемую им свободу и то, как правильно ей пользоваться⁵⁶⁷.

В британской прессе указ о вольных хлебопашцах и отмена крепостного права в Прибалтике также не остались без внимания – и также сделан был акцент на мужестве Александра, проводившим столь гуманную политику вопреки недовольству русского дворянства⁵⁶⁸. Любопытно, что просвещенность русского царя кое-кто приписывал французскому влиянию, сообщая читателям, что тот большую часть своего образования получил от француза [в которого швейцарец Лагарп в изложении газеты превратился, возможно, в силу звучания своей фамилии, а возможно в силу предпочитаемого им языка] и потому, конечно, блистает тем лексиконом и манерами, к которым был приучен в юности⁵⁶⁹.

Кроме того, в британской прессе находили отражение поступки русского царя, которые представлялись положительными с позиций общечеловеческих ценностей, безотносительно политических симпатий. Так, например, одобрительно отмечалось его распоряжение о смягчении наказаний преступников⁵⁷⁰ или личные визиты в дома подданных во время путешествий с целью оценки их положения («Он не верил на слово своим министрам, которые с твердой и бесстыдной наглостью... обвиняли преданных сносящих страдания людей в невежественно-раздраженном отношении к налогообложению»⁵⁷¹).

⁵⁶⁷ Erlanger Real-Zeitung, 1818, № 87 (30. Oktober), S. 380.

⁵⁶⁸ Morning Herald, 1823, № 13391 (12th July), p. 2; New Times (London), 1823, № 6884 (12th July), p. 4; Morning Chronicle, 1823, № 16920 (12th July), p. 2; The Sun, 1823, № 9636 (12th July), p. 2; English Chronicle and Whitehall Evening Post, 1823, № 11679 (12th July), p. 4; Northampton Mercury, 1823, № 20 (19th July), p. 1; Cumberland Pacquet, and Ware's Whitehaven Advertiser, 1823, № 2545 (21th July), p. 2; Stamford Mercury, 1823, № 4825 (12th September), p. 2; Imperial Weekly Gazette, 1823, № 4125 (13th September), p. 246; Salisbury and Winchester Journal, 1823, № 4491 (15th September), p. 2; Leeds Intelligencer, 1823, № 3611 (18th September), p. 2.

⁵⁶⁹ The New Times (London), 1818, № 5713 (15th December), p. 2.

⁵⁷⁰ The Morning Post, 1818, № 14695 (24th February), p. 3; Hereford Journal, 1818, № 2480 (25th February), p. 3.

⁵⁷¹ The News (London), 1816, № 584 (13th October), p. 331.

В немецкой прессе и вовсе предпочли оставить образ Александра I как либерала неприкосновенным – и скорее не писать о нем вовсе, нежели выставить консерватором и реакционером. Немецкими газетчиками нежелание Александра I что-либо навязывать расценивалось как либеральность взглядов, в то время как англичане видели в этом слабых характерность. «Дух времени хочет либеральности», – звучало в немецких газетах, – как высшего принципа для правителей; он хочет таких правителей, как либеральный, конституционный император Александр!»⁵⁷²

Разумеется, в Германии знали и то, что такой деятель, как А. Коцебу – этот «апостол, посланный проповедовать самый безграничный монархизм, самый грубый деспотизм; полномочный представитель, назначенный для того, чтобы преследовать все либеральные идеи, враждебно относящийся ко всем гуманным взглядам, желаниям и чаяниям времени»⁵⁷³ – был платным агентом российского правительства. Но то, что подобный вектор активности литератора мог как-либо одобряться самим Александром I, не допускалось даже “*Oppositions-Blatt oder Weimarische Zeitung*” (возможно, наиболее оппозиционно-радикальной из немецких газет рассматриваемого периода). Возмущенно отвергая такое предположение, в газете писали: «Можно ли ему [российскому императору] приветствовать такие взгляды, как у Коцебу? Кто не помнит принципов Александра, декларированных и претворенных в жизнь... Скажите, не стоял ли этот государь непоколебимо за закон и справедливость ради народов в решениях, касающихся Франции и Германии, не воздал ли он открыто и свободно дань духу времени во всех его разумных требованиях? Когда секреты дипломатии однажды откроются для истории, тогда откроются и доказательства того, что Александр сознательно воздерживался от всякого вмешательства во внутренние дела государств и только хотел обеспечить мир и

⁵⁷² *Baierische National-Zeitung*, 1818, № 168 (18. Juli), S. 617; *Neue Speyerer Zeitung*, 1818, № 86 (18. Juli), S. 1.

⁵⁷³ *Beilage zum Oppositions-Blatt oder Weimarische Zeitung*, 1818, № 43 (15. Mai), S. 344; *Allgemeiner Anzeiger der Deutschen*, 1818, № 136 (23. Mai), S. 1483–1484.

благополучие для всех»⁵⁷⁴. Этому вторили панегирики во многих других газетах; в общественном мнении русский царь являлся «философом на троне», возвышавшим свой народ через либеральные институты и мечтавшим, чтобы по землям распространился тот свет просвещения, дочерью которого является гражданская свобода⁵⁷⁵.

Относительно же общеевропейской тематики замечания о его либеральности были прерваны 1821 г. – замерев на робком «Говорят, что император Александр в очередной раз проявил благородство и поистине либеральное отношение; он предложил [на фоне революционных событий в Неаполе и Пьемонте] свое посредничество через графа Мочениго и пообещал *Statuto libero in senso lato* [– «свободный устав в широком смысле»] при условии, что все добровольно вернется к повиновению»⁵⁷⁶.

Некоторые британские издания также подчеркивали, что в теоретической плоскости император Александр, вероятно, остается филантропом и искренне желает счастья человечеству – но что иные его амбиции совершенно несовместимы ни с его характером, ни с текущей ситуацией, и это приводит к противоречиям⁵⁷⁷. «Мы верим, что император Александр – кроткий человек и добродушный государь; но идея сделать Россию ограниченной монархией слишком абсурдна. Он, определенно, является таким любителем рассуждений о свободных правлениях. Но что сделал он в Польше? – Подарил полякам игрушку, свободную прессу, а когда они начали ею пользоваться – явился и разрушил ее, как карточный домик. Действительно, абсурдно относиться

⁵⁷⁴ Beilage zum Oppositions-Blatt oder Weimarische Zeitung, 1818, № 43 (15. Mai), S. 344; Allgemeiner Anzeiger der Deutschen, 1818, № 136 (23. Mai), S. 1483–1484.

⁵⁷⁵ Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1818, № 305 (2. November), S. 3; Neue Speyerer Zeitung, 1818, № 133 (5. November), S. 2–3; Münchener politische Zeitung, 1818, № 263 (6. November), S. 1184; Baierische National-Zeitung, 1818, № 263 (6. November), S. 929; Erlanger Real-Zeitung, 1818, № 89 (6. November), S. 389; Augsbургische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1818, № 266 (6. November), S. 3.

⁵⁷⁶ Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1821, № 159 (8. Juni), S. 2–3.

⁵⁷⁷ The Champion, 1820, № 408 (29th October), p. 716.

всерьез к населению России, которое не знает, что делать с представительной Конституцией»⁵⁷⁸ – писало одно из них.

Еще в марте 1816 г. Александр I пытался объяснить иностранным политикам, что именно желание бороться с революцией, ее духом и последствиями, которые еще живы в Европе, послужило главным толчком для провозглашения Священного союза⁵⁷⁹. Черода революций, начавшаяся в начале 1820-х гг., в декларациях Священного союза в связи с этим осмысливалась как единый процесс («Проявление зла в столь различных пунктах и тот факт, что всюду оно принимает одинаковые формы, слишком ясно доказывает общее его происхождение»⁵⁸⁰). Будучи подведенными под общий знаменатель, эти революции отрывались от своих реальных социально-политических корней, поскольку «зло» выводилось обезличенным и глобально восходящим ко «врагу Христа» как источнику всеобщего зла в мире – а борьба с последним в интерпретации российского императора носила характер последней схватки со злом перед наступлением «царства вечного мира и справедливости», в которую должны вступить именно монархи, призванные к этому Христом⁵⁸¹. Другое издание писало: «...Величайший политический шарлатан нашей эпохи, император Александр, притворившийся сторонником свобод человечества, выражает «свою глубокую скорбь» в связи с событиями, которые произошли в Испании»⁵⁸². Заметим, что эта оценка (датированная 1 августа 1820 г.) представляет собой первый подлинно демонизирующий Александра Павловича отзыв; в пору войны 1812 г. мы видели мнения о его слабости, начиная с 1816 г. встречались отдельные пассажи на тему ленивости его ума и

⁵⁷⁸ The Morning Herald (London), 1819, № 12225 (27th November), p. 2.

⁵⁷⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. 2. Т. 1 (9). С. 116.

⁵⁸⁰ Заключительная декларация Веронского конгресса 14 декабря 1822 г. // ПСЗ-I. Т. XXXVIII. № 29.230.

⁵⁸¹ Подробнее см.: Андреев А.Ю. «Политическая теология» императора Александра I: идеи, репрезентации, практика // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. М., 2022. Т. 106. С. 75.

⁵⁸² Statesman (London), 1820, № 4786 (1st August), p. 3.

поверхностности натуры, однако все те негативные качества не подразумевали опасности миру – в то время как на фоне событий 1820 г. раздался первый голос, выразивший уже именно такую позицию.

В целом динамика позитивных и негативных отзывов об Александре I в английской и немецкой прессе представлена в Приложении 3. На графике видно, что у англичан число позитивных публикаций об Александре I с самого начала – со времен Отечественной войны 1812 г. – постепенно возрастало по мере успехов его армии и своего пика достигло в 1814 г. после победы над Наполеоном и в пору Венского конгресса, когда российский император играл большую роль в делах Европы и с ним связывались различные позитивные надежды. Следующий пик посвященных ему позитивных публикаций приходится на 1818 г., когда на фоне Аахенского конгресса с Александром вновь связывались всеобщие ожидания (неслучайно поэтому и у немцев мы видим схожий рисунок графика с резким увеличением числа положительных отзывов в 1814 и 1818 гг.). После этого происходит спад позитивных оценок в его адрес, который можно объяснить тем, что конкретных шагов Священным союзом не предпринималось и хвалить русского монарха наблюдателям было не за что. Затем с 1820 г. намечается новый подъем положительных откликов, который у немцев достигает апогея к 1821 г., а у англичан к 1823 г. – и это в принципе одни из самых высоких точек на графиках, практически на уровне 1818 г.

С другой стороны, на графике видно, что в 1820 г. негативные оценки Александра со стороны британских корреспондентов впервые возобладали над позитивными. И в целом у англичан в 1820-е гг. параллельно позитивным начинает увеличиваться число негативных публикаций об Александре I. Это связано с тем, что консервативная деятельность Священного союза в одно и то же время одними английскими газетами оценивалась со знаком плюс, другими – со знаком минус, в зависимости от их политической ориентации. И если у немцев в последние годы жизни императора Александра позитивные и негативные оценки оказались на одном и том же уровне,

поскольку его образ для немецкой публики законсервировался, то у англичан позитивные публикации к 1824 г. заметно сходят на нет и последний их подъем связан уже только со смертью Александра I, когда надлежало вспомнить о нем что-то хорошее. Негативные же оценки в английских газетах стабильно нарастают всё последнее пятилетие – при том, что прежде бывали годы, когда они вообще равнялись нулю (пусть таких лет у англичан и было меньше, чем у немцев, у которых негативные мнения об Александре за весь период присутствуют только для трех лет, включая 1812 г.). Исходя из этого можно заметить, что чаще всего всплески доброжелательных публикаций об Александре I были связаны с возлагаемыми на него надеждами (а не его реальными поступками), в то время как всплески негативных отражали реакцию на конкретную политику этого монарха.

Британская публика, конечно, была далека от того, чтобы постигнуть внутренние религиозные убеждения Александра, подвинувшие его к консервативной политике в рамках союза. Газетчики – для которых, как и для большинства, российский император в силу завоеванных им в Европе позиций виделся в союзе первым среди равных, тем, кто при желании способен был бы задавать ход всей машине – склонны были свои претензии к политике Священного союза связывать лично его с фигурой по совершенно другим причинам. В редакции “The Sun”, например, полагали, что сам старт агрессии против Испании дало не что иное, как чудовищное честолюбие русского царя⁵⁸³.

Бывший воспитатель Александра I, Ф.С. Лагарп еще в 1820 г. старался предупредить своего ученика: «Священный союз стал для всех этих держав... не более чем средство поставить под подозрение филантропические намерения его создателя. ...Не успели объявить о его появлении, как каждое из названных правительств поспешило приписать Вашему могущественному влиянию все меры, вызывавшие сомнения или

⁵⁸³ The Sun, 1825, № 10383 (21st December), p. 4.

жалобы»⁵⁸⁴. И в самом деле, во многих английских газетах Александра называли душой Священного союза отнюдь не в комплиментарном смысле: писали, что он вертит министрами континентальных кабинетов, как марионетками⁵⁸⁵; что, подобно ткачу в шекспировском «Сне в летнюю ночь», он желает монополизировать роли всех действующих лиц в международном альянсе⁵⁸⁶.

В британской прессе писали: «Россия [= ее император] была главной движущей силой и зачинщицей вторжения в Испанию»⁵⁸⁷ при том, что в действительности за несколько лет до вспыхнувшей революции русский посол в Мадриде осуществлял «плотную опеку» над Фердинандом VII, получая инструкции из Петербурга по влиянию на его политику в либеральном духе, а сам Александр I призывал испанского коллегу к мирному разрешению конфликта Испании с колониями, т.е. к дарованию американским подданным испанского короля собственной конституционной хартии⁵⁸⁸. Но для английских корреспондентов это, конечно же, было неизвестно.

В то же время в ряде баварских газет, когда в Испании в конце 1810-х гг. еще только назревал конфликт, тиражировалось мнение: «На севере Европы очень удивятся, когда услышат... Мы сомневаемся, знает ли благородный император Александр эти обстоятельства [упадок финансов, недовольство армии, подавление партии королевы]»⁵⁸⁹. Казалось, что если русский царь не обращает оружия или влияния против подавления свобод – то это возможно лишь по

⁵⁸⁴ Ф.-С. Лагарп – Александру I (неотправленное письмо); Лозанна, 28 августа 1820 г. // Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы. Том 3: 1815–1832 / Андреев А.Ю., Тозато-Риго Д. М., 2017. С. 431.

⁵⁸⁵ *Weekly Dispatch* (London), 1825, № 1223 (06th February), p. 14.

⁵⁸⁶ *Saunders's News-Letter, and Daily Advertiser*, 1824, № 10929 (17th August), p. 1; *Hereford Journal*, 1824, № 2818 (18th August), p. 2.

⁵⁸⁷ *Morning Advertiser*, 1824, № 10075 (16th January), p. 2.

⁵⁸⁸ *Внешняя политика России XIX и начала XX вв. Сер. 2: 1815–1830 гг. Т. 2* (10). М., 1976. С. 67.

⁵⁸⁹ *Baierische National-Zeitung*, 1818, № 301 (21. Dezember), S. 1073; *Münchener politische Zeitung*, 1818, № 301 (21. Dezember), S. 1346; *Bayreuther Zeitung*, 1818, № 255 (25. Dezember), S. 1130.

причине его неосведомленности о проблеме. Когда же испанская революция разгорелась – и не была бы притушена, если бы Фердинанд VII не получил от российского императора материальную поддержку в виде русских фрегатов – немецкие газеты лишь упомянули, что Александр I сделал своему царственному коллеге подарок, узнав о плохом состоянии линейных кораблей в Испании; его вклад в подавление революции никак не подчеркивался⁵⁹⁰.

Значительное число немецких газет одобрило консервативный поворот в политике Священного союза. Общее их рассуждение было таково, что принцип, по которому ни одно государство не должно вмешиваться в дела другого, не применим, когда речь идет о борьбе с распространением революционной системы. «Да, Священный союз взял на себя обязательство подавить все революции, которые поставили народы на грань гибели. «Мы очень хорошо знаем, что... вторжение иностранных войск вызовет самые жестокие конвульсии во Франции, которые могут быть разрушительны... к радости всех революционеров в Европе. Поэтому было бы лучше косвенно действовать до конца и постепенно вырвать у либералов то преимущество, которое им даст революционизация...» – писала и вюртембергская “Neckar-Zeitung”, и баварские “Aschaffenburgische Zeitung” и “Regensburger Zeitung”⁵⁹¹. Саксонская “Leipziger Literaturzeitung”⁵⁹², в свою очередь, примирительно подытоживала, что Священный союз, в котором участвуют почти все европейские государства, может, и не содержит правовых принципов, но содержит одни добрые намерения.

Тем не менее даже в немецкой прессе находились авторы, обращавшие внимание на намечившиеся изменения политике Александра (хоть и пытавшиеся по-прежнему его оправдать). Например, либеральная (с 1817 г.) баварская “Neue Speyerer Zeitung” передавала содержание записки,

⁵⁹⁰ Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1818, № 252 (21. Oktober), S. 1; Allgemeine Zeitung, 1818, № 298 (25. Oktober), S. 1189; Neue Speyerer Zeitung, 1818, № 132 (3. November), S. 4.

⁵⁹¹ Neckar-Zeitung, 1822, № 221 (13. August), S. 977; Aschaffenburgische Zeitung, 1822, № 195 (15. August), S. 1–2; Regensburger Zeitung, 1822, № 195 (16. August), S. 794.

⁵⁹² Leipziger Literaturzeitung, 1822, № 309 (9. Dezember), S. 2466.

циркулировавшей в начале 1821 г. во многих городах Германии: «...То, что произошло в Неаполе, имеет такой враждебный характер для мира царей и народов, что император действовал бы вопреки своим взглядам, известным во всем мире, если бы решил ограничиться наблюдением... Секты рабочих и возмущенные солдаты навязывают своему суверену конституцию, которая обязана своим существованием исключительно чрезвычайным обстоятельствам, в которых оказалась Испания в 1812 году, но которая никогда не могла бы рассматриваться как образец при обычном ходе вещей»⁵⁹³. «Не желая разгадывать секреты кабинетов», немецкие корреспонденты посчитали необходимым, тем не менее, привести факты, которые «не оставляют сомнений в чувствах Его Величества императора России»⁵⁹⁴. Газетчики напоминали, что Александр – как основатель Священного союза – хочет защитить справедливость согласно предписаниям религии (и именно по этой причине дал Польше отвечающую потребностям эпохи конституцию, предоставил крепостным в прибалтийских губерниях надлежащую свободу и гражданские права; по этой же причине его министры на Венском конгрессе говорили об условиях, от которых зависит спокойствие и счастье германских государств – а сам император Александр защищал находящуюся под угрозой независимость и неделимость Великого герцогства Баденского, не принимал участия в обсуждениях в Карловых Варах и уважал независимость Германской Конфедерации). Вывод напрашивался вполне очевидный: Александр I никогда не отклонялся от своей благородной системы, которая оберегала покой и справедливость во всем мире, поэтому и теперь странно думать, чтобы он мог представить себя врагом «порядка вещей, который соответствует цивилизации и потребностям народов»⁵⁹⁵.

Последнее наблюдение очень важно – до него в своем анализе в мире немецкой прессы доходили не все. “Münchener politische Zeitung”, в частности, писала в противоположном русле: император Александр, *который думает*

⁵⁹³ Neue Speyerer Zeitung, 1821, № 20 (15. Februar), S. 2.

⁵⁹⁴ Там же.

⁵⁹⁵ Там же.

иначе, чем в 1812 г., считает, что конституция кортесов противоречит характеру нации⁵⁹⁶. Между тем, не признать конституцию кортесов в 1812 г. российский император не мог уже потому, что альтернативой ей выступала только власть ставленника Наполеона – Жозефа Бонапарта; он в самом деле не только признал в 1812 г. в Великих Луках конституцию⁵⁹⁷, но и приказал затем присягнуть ей личному составу отправлявшегося в Испанию под управлением полковника О'Доннелла подразделения, образованного в 1813 г. из числа испанских военнопленных⁵⁹⁸. Теперь же во главе Испании был представитель законной династии, с которым Александра объединяло членство в Священном союзе – а одной из основ этого союза, разумеется, была договоренность поддерживать монархические режимы в Европе.

Точно так же немецкая пресса в основной своей массе была на стороне Александра во время восстания в Греции. С самого начала, ожидая, что российский император поддержит восстание в Греции, немецкие газетчики возлагали на Александра большие надежды. Можно привести формулировку со страниц баварской “Augsburgische Ordinari Postzeitung”: «Западная Европа обязана высочайшему правителю Севера освобождением от позорного ига Наполеона; если он теперь также сокрушит иго, которое османы наложили на восточные народы, то его имя несравненно воссияет в мировой истории – и он, более достойно, нежели завоеватель Александр, будет именоваться Великим»⁵⁹⁹.

Но то, что Александр I восстания не одобрил, стало ясно еще весной 1821 г. Более того, данные им из Лайбаха инструкции говорили о желании не только дать понять Порте, что Россия не хочет войны с ней, но и сделать все возможное, чтобы положить восстанию конец. Немецким газетчикам пришлось искать способ увязать подобную реакцию со сложившимся образом русского

⁵⁹⁶ Münchener politische Zeitung, 1823, № 107 (6. Mai), S. 599.

⁵⁹⁷ Внешняя политика России XIX века... Т. 6. С. 495–497.

⁵⁹⁸ Der Friedens- u. Kriegs-Kurier, 1823, № 27 (31. Januar), S. 113.

⁵⁹⁹ Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten, 1821, № 216 (8. September), S. 3.

царя, и потому, например, в рамках одной и той же статьи могли фигурировать и сожаление о том, что «великий освободительный проект греков задушен при рождении», и сдержанное уважение в адрес Александра, поскольку тот намерен был решить вопрос «без дальнейшего кровопролития»⁶⁰⁰. Схожие чувства читались и в текстах из Петербурга, которые проникали в немецкую печать (например: «Наши [русские] войска уже несколько месяцев угрожающе стоят на Пруте и ждут лишь намека, чтобы ужасно отомстить за судьбу оказавшихся в тяжелом положении греков, своих несчастных единоверцев. Только пронизательность императора Александра предвидит ужасную кровавую бойню, которая впоследствии ожидала бы бедных греков везде, где бушует ислаимизм. Его благородное, человеколюбивое сердце хочет предотвратить это...»⁶⁰¹).

По мере развития событий и сохранения неопределенности, однако, стал фигурировать также гипотетический вариант, что войны может захотеть сама Порта. Но и в этом случае – «если непостижимая слепота Дивана вынудит его пойти на войну» – некоторые источники верили, что император Александр «по-прежнему будет выполнять свою великую и святую миссию – окончательное восстановление мира в нашей столь долго терзаемой части света». В этом газетчиков убеждал весь курс этого монарха со времен Венского конгресса, «в котором можно обнаружить почти беспрецедентное в истории слияние силы и умеренности, которое побеждает, низвергает обывательское безумие, не верящее в свободные и благородные жесты»⁶⁰². «Неверие в благородные жесты» с османской стороны в прессе находили даже полезным: раз турки, от султана до самого подлого мусульманина, не верят в искренность России, ожидая, что русские реализуют некий секретный план в отношении Турции (если «по своей подлости они не могут представить себе такого благородного и

⁶⁰⁰ Neue Speyerer Zeitung, 1821, № 62 (24. Mai), S. 2.

⁶⁰¹ Münchener politische Zeitung, 1821, № 304 (24. Dezember), S. 1629; Allgemeine Zeitung, 1821, № 358 (24. Dezember), S. 1431; Neue Speyerer Zeitung, 1821, № 154 (25. Dezember), S. 2; Augsburgerische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten, 1821, № 308–309 (26. Dezember), S. 4.

⁶⁰² Bayreuther Zeitung, 1821, № 154 (5. August), S. 672.

искреннего характера, как у императора Александра»⁶⁰³) – то это мощное подспорье для греков, поскольку рассеивает внимание Дивана.

Между тем, убежденность в старинном желании русских захватить Константинополь не давала покоя не только туркам, но и англичанам – и до немецких корреспондентов доходили их тексты⁶⁰⁴, идеи которых – зеркально переворачивая написанное выше – сводились к следующему: нет ничего более естественного для Порты, чем подозревать Россию в поддержке мятежных греков, которые, ослабляя власть турок и перетягивая на себя их внимание, способствуют российским интересам, следовательно, для России события в Греции крайне выгодны; при этом обстоятельства для нее никогда не были столь благоприятны, как теперь, когда русское оружие приобрело большую силу и уверенность благодаря удачной кампании против Бонапарта – а можно ли думать, что амбиции нации ослабевают по мере роста ее могущества?

Ощущая потребность выдвинуть контраргументы, сразу несколько немецких изданий проводило мысль: даже если весь петербургский кабинет и россияне в целом в нетерпении ожидают возможности довершить дело Екатерины Великой в отношении Турции, лично император Александр выступает против войны⁶⁰⁵. Мысль эта становилась популярной тем более, что немногим позднее в немецкую прессу просочился слух, согласно которому российский император писал своему австрийскому коллеге: «Вся моя семья, включая мою мать, моя армия, мои подданные хотят войны. Я один хочу мира, и я докажу, что император здесь я» (впрочем, “*Bayreuther Zeitung*” на это возражала: немислимо, чтобы Александр – «самый простой, самый скромный человек, который когда-либо был на русском престоле» – мог так выражаться⁶⁰⁶).

⁶⁰³ Allgemeine Zeitung, 1823, № 175 (24. Juni), S. 700; Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1823, № 178 (27. Juni), S. 3; Bayreuther Zeitung, 1823, № 125 (27. Juni), S. 564; Bremer Zeitung, 1823, № 184 (3. Juli), S. 6.

⁶⁰⁴ Bayreuther Zeitung, 1821, № 158 (10. August), S. 689; Münchener politische Zeitung, 1821, № 189 (11. August), S. 1019.

⁶⁰⁵ Bayreuther Zeitung, 1821, № 176 (4. September), S. 765; Münchener politische Zeitung, 1821, № 209 (4. September), S. 1127; Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten, 1821, № 212 (4. September), S. 3.

⁶⁰⁶ Bayreuther Zeitung, 1821, № 200 (8. Oktober), S. 865.

Письма из Петербурга, попадавшие в поле зрения немецких корреспондентов, добавляли к этому также абстрактное объяснение, что если и мнение семьи, и предпринятые уже меры в пользу угнетенных греков не повлияли на решения императора Александра, то это должно быть связано с убежденностью самодержца в том, что прямое вмешательство в конфликт вооруженной рукой не вписывается в хитросплетения нынешней европейской системы⁶⁰⁷.

Одним из популярных доводов в поддержку невинности мыслей русской стороны стало то, что поскольку общественное мнение в самом деле давно вело пересуды о намерении петербургского кабинета расширить границы Российской империи до Босфора, то поддержки в нынешних обстоятельствах Александр I предприятие князя Ипсиланти, худшие предположения бы подтвердились – а допускать этого было бы никак нельзя. Видя же в позиции Александра опровержение слухов, газеты констатировали: «Похоже, что Россия и Австрия не хотят использовать нынешние бедствия османского правительства для приобретения земель за их счет» (это наблюдение вновь подкреплялось выводом о том, что подобные намерения «полностью соответствуют благородным принципам, которые до сих пор... лежали в основе их политики»)⁶⁰⁸.

К осени 1821 г. появилось ощущение, будто беспорядки в Османской империи подходят к концу – или, по крайней мере, не станут объектом европейской войны либо предлогом для нее. Уверенность в этой надежде с каждым днем крепла и в Париже, и в Вене, и в Лондоне, и в Константинополе; газеты писали: «Судя по всему, что великодушная умеренность императора Александра, усилия кабинетов и потребность в общем мире предотвратили искушение, которое... усиливалось несколько месяцев назад»⁶⁰⁹. Примечательно, что во главу угла здесь – в контексте подавленного искушения

⁶⁰⁷ Neckar-Zeitung, 1822, № 204 (27. Juli), S. 898.

⁶⁰⁸ Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten, 1821, № 168 (14. Juli), S. 3; Bayreuther Zeitung, 1821, № 140 (16. Juli), S. 609.

⁶⁰⁹ Bayreuther Zeitung, 1821, № 204 (14. Oktober), S. 885; Münchener politische Zeitung, 1821, № 244 (15. Oktober), S. 1309; Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten, 1821, № 247 (15. Oktober), S. 2.

(с религиозными коннотациями этого понятия) – помещались именно добродетели автора Священного союза. Тем самым, в его политике была вновь нащупана христианская основа – утерянная было из виду в пору запала оказать военную поддержку христианскому народу греков.

Правда, спустя пару месяцев в газетах стали появляться сведения, что контингент турок значительно умножился в Молдавии и Валахии – т.е., что Порта, похоже, всерьез готовится к войне. Гарантом сохранения мира неизменно продолжал быть лично российский император: писали, что австрийский двор со своей стороны не готовит никаких военных действий потому именно, что твердо рассчитывает на миролюбие императора Александра⁶¹⁰. Писали также, что две державы, Англия и Австрия объединили свои дипломатические усилия ради достижения желанного всеми результата – но что долг велит вновь сказать о характере императора Александра, который с самого начала переговоров был склонен к миру и мало проявлял горячего желания воплотить в жизнь амбициозные планы своей бабки в то время, когда это было бы для него так легко осуществить⁶¹¹. (Любопытно заметить, забегая вперед, что в то же время издания в самой Англии тиражировали прямо противоположное мнение: «...Этот монарх [Александр I] крайне склонен к войне, но его сдерживают союзные державы. Хотя говорят, что он полностью посвящает все свое усердие увеличению благосостояния своей империи, мало кто сомневается в том, что он желает укусь Турцию»⁶¹²).

Лично же Александр в глазах немецкой прессы продолжал выступать гарантом мира потому, что о России в целом – вне фигуры ее императора – в ней всё так же писали, что ее подталкивают к войне амбиции и фанатизм, а сдерживает лишь недостаток финансов для столь масштабной кампании. К 1822 г. эта тенденция окрепла настолько, что, констатируя личное стремление

⁶¹⁰ Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten, 1821, № 263 (2. November), S. 1; Neue Speyerer Zeitung, 1821, № 134 (8. November), S. 1.

⁶¹¹ Bayreuther Zeitung, 1822, № 71 (11. April), S. 327; Der Friedens- u. Kriegs-Kurier, 1822, № 88 (12. April), S. 403.

⁶¹² Bayreuther Zeitung, 1821, № 257 (27. Dezember), S. 1112–1113.

Александра I к миру, одна из газет в январе нового года осмелилась даже на предположение о том, что всеобщее желание войны в России возьмет верх над частными убеждениями монарха, поскольку «нет никаких сомнений в том, что личный характер императора Александра определяет огромная природная умеренность в использовании своей власти единодержавного правителя величайшей в мире империи»⁶¹³. Нужно, впрочем, отметить, что такое предположение в “Neueste Weltbegebenheiten” могло вытекать не столько из анализа событий, сколько из искреннего желания видеть их развитие именно таким – эта же газета чуть позднее постулировала: ужасы в Турции давно вызывают отвращение у всех, кто не впал в эгоизм, и она (газета) никогда не откажется от уверенности, что «страдающее человечество найдет поддержку в щедрых чувствах императора Александра»⁶¹⁴. Всеобщее неодобрение действий турок сложилось не на пустом месте: насилие с их стороны в адрес восставших было массовым и системным – турки грабили и сжигали церкви, разрушали дома, убивали людей, разоряли даже кладбища (ожидавая найти в могилах сокровища); тех, кто выживал после их карательных акций, отправляли на невольничьи рынки. На одном только о. Хиос в апреле 1822 г. было вырезано около 23 тыс. человек, около 43 тыс. продано в рабство, сам остров превращен в пустыню, а воды вокруг него в какой-то момент стали красными от пролитой крови⁶¹⁵.

Однако время шло – и позиция русского царя не менялась. Д.П. Татищеву, отправленному в Вену в качестве чрезвычайного полномочного представителя, было велено «всеми средствами, соответствующими достоинству этого монарха [Александра I], восстановить доброе взаимопонимание с Османской Портой, с согласия австрийского и английского кабинетов». Это новое свидетельство умеренности российского императора давало понять, что Россия не требует ничего, кроме выполнения договоров, согласно которым турки

⁶¹³ Neueste Weltbegebenheiten, 1822, № 6 (11. Januar), S. 44.

⁶¹⁴ Neueste Weltbegebenheiten, 1822, № 57 (10. April), S. 450; Der Friedens- u. Kriegs-Kurier, 1822, № 87 (11. April), S. 398–399.

⁶¹⁵ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 445.

должны были оставить Молдавию и Валахию и восстановить во главе этих княжеств господарей. Ответ Дивана был уклончивым, и наблюдателям оставалось видеть, что Россия извлекает из текущего положения тяготы, но никак не геополитические преимущества. Газеты отмечали: на протяжении более чем шести месяцев многочисленные армии, собранные на границе с Турцией, требуют больших расходов на свое содержание, в то время как доходы уменьшились из-за застоя торговли, – и это лишний раз подводило к выводу: русский царь не только далек от каких-либо планов завоевания, но и своим самопожертвованием заслуживает величайшей чести в укреплении мира в Европе⁶¹⁶.

Возможно, лаконичнее всего образ действия Александра I на фоне греко-турецкого конфликта охарактеризовала “*Bayreuther Zeitung*”: «император Александр скорее предпочтет согласиться на более умеренные условия, чем побеспокоить остальной мир»⁶¹⁷. С учетом подобной кротости русского монарха в прессе свободно развернулось обсуждение того, что если турки будут изгнаны из Европы, то великие державы еще до осени 1822 г. коллегиально определят форму правления и границы потенциального греческого государства – что основные положения нового соглашения очевидны всем и так, коль скоро «император Александр, которому никогда не отказывали в умеренности и щедрости, ни о чем не просит»⁶¹⁸. В самом деле, как известно, составить план о разделе греческих провинций Османской империи на три части с присвоением им автономии под контролем России, Австрии и Великобритании Александр I в конце концов прикажет именно под влиянием мнения британской стороны.

Получалось, что несмотря на неодобрение греческого восстания со стороны российского императора, мягкость и уступчивость последнего способствовали

⁶¹⁶ *Bayreuther Zeitung*, 1822, № 61 (26. März), S. 277; *Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten*, 1822, № 75 (28. März), S. 3; *Neue Speyerer Zeitung*, 1822, № 38 (28. März), S. 1; *Bremer Zeitung*, 1822, № 87 (28. März), S. 4.

⁶¹⁷ *Bayreuther Zeitung*, 1824, № 3 (4. Januar), S. 11.

⁶¹⁸ *Regensburger Zeitung*, 1822, № 111 (10. Mai), S. 459; *Erlanger Zeitung*, 1822, № 38 (10. Mai), S. 153; *Neueste Weltbegebenheiten*, 1822, № 75 (11. Mai), S. 599.

желанному для публики исходу. На протяжении лета и осени 1823 г. немецкие газеты во многом только и делали, что торжествующе писали на разные лады: мы не зря столь долго заверяли читателей в миролюбии и умеренности Александра – ведь во многом именно эти качества дали теперь благодатные плоды и обеспечили снятие напряжения и возможность появления в ближайшем будущем пусть маленького, но независимого греческого государства⁶¹⁹. Примечательно, что, силясь разгадать ход мысли русского монарха, немецкие газетчики решительно оставляли за скобками необходимость для него принимать в расчет позиции других держав Священного союза, Австрии и Англии в первую очередь – в то время как те проявляли деятельное участие в развитии событий, опасаясь усиления России на Балканах. Следование желаниям стран-союзниц со стороны Александра они приписывали личной кротости императора, а не политической необходимости, и в этом можно видеть убеждение в исключительной роли русского самодержца, который на страницах немецкой прессы представал верховным вершителем судеб Европы, частные убеждения которого могли играть исключительную роль.

Англичане же в свою очередь не стремились искать положительные интерпретации политики Александра во время восстания в Греции. Конечно, они знали, что на конгрессе в Лайбахе не помогать восставшей Греции Александра I – который в эту пору уже питал неприязнь к любым тайным обществам, в том числе и ко греческим, которые служили двигателем революции – убедил Меттерних⁶²⁰; а потому вся ответственность вновь возлагалась ими на российского императора единолично, когда стало очевидно, что он восстания не одобрил и более того, данные им из Лайбаха

⁶¹⁹ Bremer Zeitung, 1823, № 233 (21. August), S. 4; Bremer Zeitung, 1823, № 305 (1. November), S. 3; Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1823, № 322 (19. November), S. 2; Bayreuther Zeitung, 1823, № 231 (23. November), S. 1003; Münchener politische Zeitung, 1823, № 278 (24. November), S. 1549; Allgemeine Zeitung, 1823, № 315 (10. November), S. 1260; Bremer Zeitung, 1823, № 323 (19. November), S. 4.

⁶²⁰ Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1897-1898. В 5 тт. Т. 4. С. 198.

инструкции говорили о желании сделать все возможное, чтобы положить восстанию конец. В “The Sun” писали об Александре: «...Он помог Австрии поработить Италию; он сжал Польшу в своих объятиях и обрек ее на всеобщее рабство. Он поднял христиан во всех турецких провинциях на восстание, а подставив их горло под сабли угнетателей – обрек их тысячами на бойню»⁶²¹. Спустя пару лет та же газета комментировала события с еще более нагнетенными акцентами: Александр не помог Австрии, а «принудил ее ко вторжению в Неаполь», что же до греческого восстания, то «Англии, Австрии и Пруссии потребовалась самая болезненная борьба в течение четырех долгих лет, чтобы помешать Александру спуститься с Дуная и одновременно погасить турецкий деспотизм»⁶²². “Morning Herald”, со своей стороны, писала о бесчувственности и непоследовательности Александра I, который «сначала подстрекал греков к восстанию, затем стал их покровителем в Константинополе, а потом отступился и назвал их якобинскими мятежниками»⁶²³. Но оригинальнее всего, пожалуй, была позиция “The Dublin Mercantile Advertiser, and Weekly Price Current”, которая полагала, что Александр подталкивает членов Священного союза к военному вмешательству в итальянские и испанские дела, а также поддерживает претензии Франции на Южную Америку затем, что всеобщая война дала бы ему возможность атаковать Константинополь⁶²⁴.

Так образ мягкого непритязательного человека плавно перетекал в образ амбициозного деспота, стремящимся доминировать в масштабах европейской политики настолько, насколько это возможно⁶²⁵. Вместо чувствительного сердца ему приписывали холодную расчетливость – причем делали это в том числе и на фоне греческого сюжета: «прежде чем действовать, он, кажется, желает, чтобы и греки, и турки были измотаны своей борьбой; ибо даже самому беспечному наблюдателю очевидно, что первых он считает своими

⁶²¹ The Sun, 1823, № 9592 (22th May), p. 4.

⁶²² The Sun, 1825, № 10383 (21st December), p. 4.

⁶²³ Morning Herald, 1823, № 13412 (6th August), p. 2.

⁶²⁴ The Dublin Mercantile Advertiser, and Weekly Price Current, 1824, № 162 (5th January), p. 2.

⁶²⁵ The Westmorland Gazette, 1822, № 223 (13th July), p. 3.

политическими врагами не менее, чем вторых»⁶²⁶. Позднее “Bell's Weekly Messenger” и вовсе станет характеризовать его – лидера континентальной Европы! – как мелкого и недалекого человека, который избрал себе в пример прусского Фридриха II, но в силах подражать ему лишь в постоянной суетливости. «Император Александр... встает на рассвете, чтобы устроить парад... Имея в распоряжении хорошую сильную армию, он ощущает естественное желание найти для нее какое-нибудь занятие, поэтому вовлекается в дела континента»⁶²⁷. “Bombay Gazette” выразалась еще лаконичнее: «Что есть император Александр? Тиранический командир»⁶²⁸.

В поисках объяснений для подобной перемены в русском царе британские газетчики выдвигали гипотезы разного толка – включая и вполне правдоподобную: к сожалению, характер Александра I был отмечен «некоторыми вопиющими несоответствиями, проистекающими из готовности, с которой он уступал мнениям тех, кто действовал в качестве его доверенных советников». Находясь под опекой швейцарского республиканца Лагарпа, он был горячим сторонником либеральных взглядов и всяческого усердия к улучшению человеческого рода, но «деспоты Австрии и Пруссии вскоре поняли, что их планы против свобод человечества никогда не увенчаются успехом, пока этот либеральный дух продолжал преобладать в сознании столь могущественного монарха» – соответственно, Меттерних направил усилия на «извращение его великодушного нрава» в свою пользу и во многом преуспел. Такой вывод подталкивал газетчиков ко мнению, что Александр не был великим человеком – но был «ЧЕЛОВЕКОМ, во всех смыслах этого слова»⁶²⁹: не обладая особым внутренним стержнем, тем не менее, был наделен человечностью – кротостью, доброжелательностью и большим сердцем. В представлении ряда консервативных английских газет российский император сам по себе был очень слабой натурой, способной, тем

⁶²⁶ The News (London), 1821, № 847 (5th November), p. 348.

⁶²⁷ Bell's Weekly Messenger, 1824, № 1452 (25th January), p. 29.

⁶²⁸ Bombay Gazette, 1824, № 1783 (4th August), p. 6.

⁶²⁹ Weekly Dispatch (London), 1825, № 1277 (25th December), p. 409.

не менее, производить любое впечатление по своему усмотрению – и изредка следующей благому порыву. «И хотя в его действиях во многом читается характер человека, не способного к широте взглядов, его цель, к счастью, отвечает истинным интересам Европы и человечества» – писали о созданном им Священном союзе (объединении «с глупым названием, но дельной истинной целью») те, кому импонировала идея последовательной борьбы с революционными принципами⁶³⁰.

Ближе к концу правления Александра I в английской прессе в его («улыбчивого лицемерного денди Севера»⁶³¹) адрес можно было увидеть обвинения не столько в бесхарактерности, сколько в сознательной двуличности: «...непрекращающиеся амбиции и лицемерное вероломство северного самодержца; мнимая маскировка, которой он окутывал свои планы вселенского владычества, была рассмотрена и обнажена; вся Европа теперь видит его в истинном облике хищного грабителя Польши, хладнокровного предателя греков, имперского заговорщика против прав человека»⁶³².

Примечательно, что «демонизация» Александра и извращенное толкование мотивации его поступков параллельно могло в эти годы распространяться и на сферу внутренней политики. Так, относительно указа, разрешающего военным губернаторам и генерал-губернаторам по всей России отнимать управление поместьями у дворян, виновных в расточительности, распутстве или чрезмерной тирании по отношению к своим крепостным, либеральная “Morning Advertiser” в 1825 г. писала как о средстве, при помощи которого «деспотизм осуществляет общую юрисдикцию над чужой собственностью», в то время как «лучший способ защитить зависимое население от тирании их хозяев – это ввести народное конституционное правление и суд присяжных для их защиты» – но, уж конечно же, чего было ждать от «главного члена Священного союза, для которого само слово «реформа» является

⁶³⁰ Cheltenham Chronicle, 1817, № 414 (24th July), p. 4; The Tyne Mercury, or Northumberland and Durham and Cumberland Gazette, 1817, № 792 (29th July), p. 4; Barbados Mercury and Bridge-town Gazette, 1817 (6th September), p. 2.

⁶³¹ The News (London), 1825, № 1025 (10th April), p. 5.

⁶³² The Sun, 1823, № 9592 (22th May), p. 4.

коннотацией для тревоги и отвращения»⁶³³. Еще примечательнее то, что семью годами ранее та же самая газета тот же самый указ преподносила читателям совершенно иначе, сообщая, что тот содержит «несколько спасительных правил для облегчения положения крестьян и защиты их от репрессивного поведения некоторых помещиков», обращение которых «император осуждает самым решительным, чувствительным и гуманным образом» – и добавляла: «Не удивимся, если наши министерские эстампы выразят большую тревогу, когда станет известно, что прославленный император всея Руси предстает в достойном образе реформатора»⁶³⁴.

Еще одно печальное сопоставление: если некогда, в контексте оформления нового французского правительства в 1815 г., в английской прессе звучало: «К самому императору Александру мы испытываем чувство глубокого уважения; но российское правительство в целом... назойливо вмешивается и вторгается»⁶³⁵, то в 1823 г., например – уже следующее: «Когда, подчиняясь приказам Священного союза и взглядам российского императора, вам [«военной партии» в Париже] удалось уничтожить свободы Испании и Португалии... вы думаете, что французам будет позволено свободно существовать?»⁶³⁶

А что же немцы? На страницах их газет не присутствует разочарование в Александре I лично, как то было у англичан. Интересна, однако, одна деталь, связанная с динамикой восприятия Священного союза в целом. Название «Священный союз» передается в немецком языке двояко: как “Heilige Bund” либо как “Heilige Allianz”. И в первую пору появления темы Священного союза в немецких газетах по преимуществу можно было видеть первый вариант названия; к концу же рассматриваемого периода – уже почти исключительно второй вариант. И здесь следует заметить, что в отличие от понятия “Allianz”, непосредственно переводящегося как «союз», “Bund”

⁶³³ Morning Advertiser, 1825, № 10595 (13th June), p. 2.

⁶³⁴ Morning Advertiser, 1818, № 8358 (21st July), p. 2.

⁶³⁵ Public Ledger and Daily Advertiser, 1815, № 17314 (3rd October), p. 2.

⁶³⁶ The Star, 1823, № 11227 (12th February), p. 4.

имеет больше значений, и помимо «союза» под ним может пониматься также «завет». Этот вариант, таким образом, куда отчетливее отводит к религиозной символике – и ассоциацией с Новым Заветом, и образностью, в которой императоры между собой заключили именно религиозный завет и его же ниспослали подданным. Поэтому отход от употребления “Bund” в пользу “Allianz” в немецкой прессе с течением времени кажется неслучайным: точно так же от первых романтических восторгов самой моральной идеей христианского объединения в ней со временем произошел переход к пониманию под Священным союзом только объединения конкретных государств, которые для краткости теперь можно было объединить общим названием.

Таким образом, можно видеть, что в немецких газетах рассматриваемого периода прослеживалась тенденция с самого начала возлагать большие надежды на Священный союз. При этом авторы заметок не могли или не хотели понять, что этот союз был организован с преимущественно декларативными целями. Большинство из них в контексте ожиданий от Священного союза затрагивали в статьях социальные проблемы разной степени важности и давности; бытовали ожидания, что с наступлением новой политической эры наладится и внутренняя жизнь немецких княжеств. Одни ожидали примирения католиков с протестантами, другие — разрешения территориальных споров с Францией, третьи — устранения социального неравенства, поскольку христианская религия виделась противовесом духу капитализма.

Вера немецких газетчиков (или желание верить) в либерализм российского императора не поколебала даже консервативная политика вдохновленного им Священного союза – сам Александр при этом выносился в немецкой прессе за скобки; одни и те же баварские и вюртембергские газеты могли осуждать политику Священного союза, но оправдывать самого Александра I. Возможно, столь сильно оказалось первоначальное обаяние Александра, каким его узнали в Германии в пору Войны шестой коалиции; возможно, немецкие княжества

попросту страстно нуждались в либеральном образе монарха как ориентире для собственных надежд. В то же время позиции английских газет относительно того, что в личности Александра I определяло изменения в его политике, разделились. Часть британских изданий продолжала высказываться о нем как о человеке одобрительно вплоть до окончания его жизни и царствования; часть же – и немалая (как видно по графику в Приложении 3) – к рубежу 1810–1820-х гг. заняла резко-критическую позицию, увязывая воедино личные качества российского императора и политические решения, к которым считала его причастным. При этом нужно отметить, что и одобрение, и негодование в адрес русского царя можно было обнаружить как в либеральных, так и в консервативных изданиях – каждое из них избирало свои сюжеты для осмысления.

На графике в Приложении 5 прослеживается динамика суждений об Александре I как о либерале или консерваторе. Можно видеть, что всплески суждений о нем как о либерале в английской прессе наблюдались неоднократно на протяжении 1810-х гг. (в 1813 г. это было связано с мнением, что обеспечившую перелом в войне преданность своего народа он заслужил либеральной политикой, в 1816 г. – с его заверениями в желании видеть свободными все народы и ввести в своих владениях те либеральные институты, которые он начал развивать в Польше, в 1818 г. – с изданием распоряжения о смягчении наказаний преступникам). Но в 1820 г., на фоне реакции на революции в Испании и Италии, его имя начинает активно притягивать обвинения в консерватизме – и, начиная с 1822 г., число таких мнений, как видно на графике, будет лишь возрастать. Единичная для 1820-х гг. вспышка мнений о нем как о либерале в 1823 г. объясняется лишь тем, что до ряда изданий дошли сведения о предпринятом им несколькими годами ранее освобождении крестьян в Прибалтике.

В глазах немецких газетчиков Александр I во многом выступал гарантом осуществления собственных мечтаний. Долгое время им с упоением восхищались, подчеркивали его достоинства, и лишь совсем немногие

выражали смутные опасения, связанные с отсутствием конкретики в Акте Священного союза. Однако настрой ряда немецких авторов претерпел изменения к 1820-му г., когда Европу всколыхнула серия революций, против которых выступил Священный союз. Подавление восстаний отражалось в прессе, как ограничение народной свободы, а лично Александр I, как душа этого союза, казалось, не оправдывал надежд и разочаровывал бездействием. Но даже при всем при этом в его адрес у немецких корреспондентов не звучало «упреков» в консерватизме; единственное (см. график в Приложении 5) подобное замечание имело место лишь в 1823 г. – в противовес английской динамике суждений – когда, как упоминалось выше, одно издание воспроизвело слух, что российский император находит конституцию кортесов противоречащей характеру испанской нации. В остальном на всем протяжении рассматриваемого нами периода «немецкий» Александр выступал либералом, в 1814 г. вызывая подобную оценку предоставлением народам свободы самоопределения, в 1818 г. – своей речью перед польским сеймом и даже в 1821 г. – сведениями, что он хотел бы завершить конфликт в Неаполе полюбовно.

Поскольку Англия не состояла в Священном союзе, у английской прессы не было особых поводов возлагать на этот договор надежд на разрешение своих насущных политических задач; скорее наоборот – новость о союзе была воспринята настороженно. Ключевым вопросом для британцев была неприкосновенность собственной политики и собственных экономических интересов, и именно сквозь призму этого вопроса они оценивали политику союзников – одобряя, например, вывод войск из Франции (который способствовал оживлению их торговли) или осуждая подавление ростков независимости в испанских колониях в Латинской Америке (которое заодно подавляло и власть, и богатство англичан в Новом Свете).

С точки зрения многих английских авторов, Священный союз был результатом сговора ряда европейских монархов ради уничтожения прочих действовавших в Европе альянсов и ограничения свобод, а главным

инициатором такой политики – лично российский император. Существенно, что политику Священного союза подвергали критике как либеральные, так и консервативные английские газеты. Причиной этому, как представляется, было несоответствие провозглашаемых российским государем лозунгов, как их понимала публика, и реальной политики – а равно то, что наблюдатели из газет во многом смешивали понятия либерального и революционного, в то время как для членов Священного союза (и в первую очередь, для Александра I) между ними существовала принципиальная разница.

Глава V Итоги царствования Александра I в отражении прессы

5.1. Личность самодержца, стоявшего за преобразованием Европы

В предыдущих главах было показано, как менялись в немецких и английских газетах оценки внешнеполитической деятельности Александра I в различные периоды его царствования. Вместе с тем, всё это время в прессе находили отражение и такие поступки российского императора, которые характеризовали его не как политика или дипломата, но как человека в неформальной обстановке, как частное лицо. Фиксация такого рода личных проявлений также должна быть рассмотрена в русле анализа александровских репрезентаций, поскольку они дополняли образ русского царя в глазах читателей газет.

Первым уровнем, на котором наблюдатели воспринимали часто появлявшегося на публике российского самодержца, был визуальный. В прессе приводились мнения свидетелей, согласно которым у Александра была мужественная и привлекательная внешность и манера поведения высокообразованного благородного человека⁶³⁷. Его открытое улыбающееся лицо покоряло все сердца и тогда, когда он триумфатором стоял перед войсками на Вандомской площади в занятом русскими Париже⁶³⁸, и тогда, когда пасторально прогуливался по набережной в Аахене (один из тамошних обывателей делился: «Мне нравится загорать рядом с этим монархом, от которого исходит теплый свет...»⁶³⁹). Он умел нравиться всем: ученые отмечали его тонкую проницательность, люди искусства – вкус. Представители любого сословия могли видеть его, приближаться к нему – а подойдя, никто не оставался без ласкового слова, поддержки или иных свидетельств доброжелательности⁶⁴⁰.

⁶³⁷ Münchener politische Zeitung, 1814, № 218 (12. September), S. 1012.

⁶³⁸ Fränkischer Merkur (Bamberger Zeitung), 1815, № 178 (28. Juli), S. 2.

⁶³⁹ Oppositions-Blatt oder Weimarische Zeitung, 1818, № 97 (14. November), S. 785.

⁶⁴⁰ Allgemeine Zeitung, 1814, № 162 (11. Juni), S. 645–646; Bayreuther Zeitung, 1814, № 141 (14. Juni), S. 618; Münchener politische Zeitung, 1814, № 141 (14. Juni), S. 660.

Заметную часть обаяния Александра I, по свидетельствам наблюдателей, составляло страстное стремление к улучшениям во всем⁶⁴¹. В связи с этим, как передавали газеты, в разгар своих миротворческих забот он с особым вниманием изучал общественные учреждения тех мест, где ему случалось бывать, с удовольствием признавая их важность для нации и – как казалось – планируя учредить аналогичные в своих владениях⁶⁴². Не укрылось от внимания корреспондентов, например, то, что император Александр направил в Англию четверых молодых россиян с тем, чтобы они изучили и внедрили затем в России новые подходы к обучению⁶⁴³ (речь, конечно же, о неназванных в тексте А.Г. Ободовском, Ф.И. Буссе, М.М. Тимаеве и К.Ф. Свенске, которые были посланы в Лондон для обучения ланкастерской методе⁶⁴⁴). Внимание русского царя к вопросам образования в целом порождало среди наблюдателей мнение о том, что на ниве просвещения он делает больше своих предшественников⁶⁴⁵.

Так, рассуждая о высотах, которых уже достиг в своем развитии немецкий народ, немецкие газетчики отмечали, что «славянские племена» до равного цивилизационного уровня в силах довести только Александр I⁶⁴⁶. От создания и совершенствования по всей империи школ, университетов и научных заведений, которыми нация была обязана мудрости и щедрости императора Александра с начала его правления, до такой степени ожидали положительных последствий, что рисовали самые идеалистические картины – вплоть до того, например, будто якобы уже даже в отдаленных уголках Российской империи, среди самых диких сибирских племен пробудилась тяга к обучению и вкус к

⁶⁴¹ Münchener politische Zeitung, 1814, № 218 (12. September), S. 1012.

⁶⁴² Allgemeine Zeitung, 1814, № 162 (11. Juni), S. 645–646; Bayreuther Zeitung, 1814, № 141 (14. Juni), S. 618; Münchener politische Zeitung, 1814, № 141 (14. Juni), S. 660; Allgemeine Zeitung, 1818, № 360 (26. Dezember), S. 1440; Münchener politische Zeitung, 1818, № 306 (28. Dezember), S. 1368; Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1818, № 363 (30. Dezember), S. 1.

⁶⁴³ Augsbургische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1817, № 184 (2. August), S. 2.

⁶⁴⁴ Орлов А.А. Ланкастерские школы в России в начале XIX в. // Педагогика и психология образования, 2013, № 1. С. 13.

⁶⁴⁵ Allgemeine Literatur-Zeitung, 1815, № 162 (01. Juli), S. 514.

⁶⁴⁶ Leipziger Literaturzeitung, 1817, № 282 (5. November), S. 2249.

интеллектуальному воспитанию.⁶⁴⁷ Освещение в немецкой прессе получило и покровительство науке с его стороны. Сообщали, что «великодушный император Александр, пропагандист географии и естествознания, лично выписал 50000 рублей за первый год экспедиции Лангсдорфа во внутренние районы Бразилии, чтобы привлечь ученых, которые будут сопровождать его, приобрести инструменты, нанять людей в услужение, купить выючных животных и прочее необходимое. На каждый последующий год поездки было любезно одобрено 12000 рублей на неопределенный срок»⁶⁴⁸ (в действительности Г.И. Лангсдорфу – за плечами которого было кругосветное путешествие 1803-1806 гг. и работа в течение восьми лет русским консулом в Бразилии – было по его же просьбе выделено 40000 рублей на первый год экспедиции и по 10000 рублей далее ежегодно, позднее сумма была увеличена до 30000 рублей⁶⁴⁹).

Просвещенность монарха тесно переплеталась с широтой взглядов. Полагая, что всякое цивилизованное государство к XIX веку должно было как обязательный элемент политической культуры взрастить у себя толерантность, а для России в качестве родоначальника цивилизованной эпохи понимая Петра Великого, в газетах проводили прямую линию преемственности от первого российского императора к нынешнему – сообщая читателям, что посеянные Петром зерна культуры дали плоды при Александре, правление которого осенено приличной эпохе терпимостью⁶⁵⁰.

На уровне государственных решений последняя прослеживалась газетчиками, главным образом, в сфере толерантности к религиозным течениям, альтернативным государственной религии. Рассуждая о том, что Провидение милосердно дарует прогрессивных правителей большинству

⁶⁴⁷ Bremer Zeitung, 1817, № 223 (11. August), S. 3.

⁶⁴⁸ Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1825, № 111 (21. April), S. 1.

⁶⁴⁹ Вехов Н. «Воспроизвести природу во всех деталях». Первая русская научная экспедиция в Бразилию // Наука и жизнь, 2016, № 4. С. 88.

⁶⁵⁰ Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1815, № 305 (22. Dezember), S. 1; Münchener politische Zeitung, 1815, № 302 (22. Dezember), S. 1372.

европейских государств, где до сих пор происходит угнетение прав человека, “Erlanger Real-Zeitung” приводила в пример Александра I с его суждением о духоборах: «Отклонение этой секты от православной греко-русской церкви... основано на некоторых ошибочных представлениях... Но они не лишены веры, поскольку стремятся к божественному... И уместно ли для христианской власти действовать при помощи жестоких средств, пыток, изгнания и т.п., дабы вернуть их в лоно церкви? Истинная вера есть труд и дело благодати и может быть внедрена в душу наставлением, кротостью и, прежде всего, добрым примером»⁶⁵¹. Еще ряд газет находил утешительным расположение российского императора к своим иноконфессиональным подданным. В преддверии трехсотлетней годовщины Реформации, которую готовились праздновать и в протестантских общинах Российской империи, отношение царя к живущим под его скипетром протестантам восторженно характеризовали: «не терпимость, но дух подлинной христианской любви»⁶⁵².

На частном же уровне широту взглядов российского императора замечали в великодушном отношении к тем, кто так или иначе ему противостоял – опосредованно или напрямую, в прошлом или в настоящем. Читатели немецких газет могли прочесть о том, что когда Александр I узнал от Лагарпа, что пожилой уже герой польского освободительного движения Т. Костюшко живет ныне в Бервиле близ Парижа, то постановил оберегать эти места от грабежей и военных налогов⁶⁵³. Читатели английских сверх того узнавали, что Александр дал разрешение на установку этому деятелю неподалеку от Кракова памятника, ставшего объектом особого почитания поляков⁶⁵⁴. Другим примером благородства по отношению к оппонентам служило газетное известие, что

⁶⁵¹ Erlanger Real-Zeitung, 1817, № 23 (21. März), S. 98–99.

⁶⁵² Bremer Zeitung, 1817, № 298 (25. Oktober), S. 3; Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1817, № 299 (27. Oktober), S. 3; Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1817, № 261 (31. Oktober), S. 1.

⁶⁵³ Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1815, № 279 (22. November), S. 2; Baierische National-Zeitung, 1815, № 277 (23. November), S. 1147; Münchener politische Zeitung, 1815, № 278 (24. November), S. 1263.

⁶⁵⁴ The Southampton Herald, 1824, № 27 (26th January), p. 2; The Bath Chronicle and Weekly Gazette, 1824, № 3230 (29th January), p. 4.

когда некий «князь W-у» написал в адрес императора сатирическое стихотворение, вместо того чтобы покарать обидчика ссылкой в Сибирь, как поступил бы другой на его месте, только сказал: «Обвинять проще, чем действовать»⁶⁵⁵.

Но главным оппонентом Александра I, разумеется, был Наполеон – и в прессе время от времени мелькали известия, будто российский император – услышав, что его «бывший союзник и друг» подвергается жестокому обращению со стороны английских надзирателей – не только приказал своему комиссару на острове Святой Елены относиться к пленнику с уважением, но и направил правительству Великобритании ноту в сильных выражениях, в которой требовал облегчить судьбу Бонапарта⁶⁵⁶. Появившись в 1817 г., полтора годами позднее эти слухи получили второе дыхание: теперь писали, что в Аахене Александр внес предложение, чтобы с Наполеоном обращались как можно лучше в соответствии с его достоинством – и более того, что «его человечность и его религиозные убеждения побудили его потребовать, чтобы Наполеон не оставался слишком долго на острове»⁶⁵⁷. Конечно же, эти сведения не имели ничего общего с реальностью (напротив, на Аахенском конгрессе в числе прочего на повестке стоял вопрос об усилении надзора над пленником Святой Елены, и секретаря Наполеона, Э. де Лас Каза, Александр I даже не счел нужным принять у себя, когда тот надеялся на благосклонную аудиенцию⁶⁵⁸), но тем нагляднее проступает образ Александра, как он сложился в умах газетчиков.

От него, таким образом, ждали великодушия ко всякому, включая врага – особенно врага, такого как Бонапарт, ведь в этом случае добродетели русского царя сияли наиболее ярко. Александр I представал в отношении Наполеона

⁶⁵⁵ Eos: eine Zeitschrift aus Baiern, zur Erheiterung u. Belehrung, 1823, № 8 (14. Januar), S. 31; Der Friedens- u. Kriegs-Kurier, 1823, № 17 (20. Januar), S. 74.

⁶⁵⁶ Rheinische Blätter, 1817, № 70 (3. Mai), S. 282; Bayreuther Zeitung, 1817, № 113 (11. Mai), S. 252.

⁶⁵⁷ Erlanger Real-Zeitung, 1818, № 88 (3. November), S. 385.

⁶⁵⁸ Las Cases E.-A.-D. Memoirs of the Life, Exile, and Conversations of the Emperor Napoleon. 1890. Vol. 4. P. 344.

рыцарем, и при том представал им с самого начала – и когда «бесстрашно предложил противнику открытый бой и не опускал оружия, пока тот не бросил своего»⁶⁵⁹, и когда поручил себя в той борьбе Божьему Промыслу, пока враг овладевал Москвой⁶⁶⁰, и теперь, когда былой недруг уже был низвержен и жалок. Другой случай неявного сравнения с рыцарем можно обнаружить в газетах при печати «рекламы» рыцарских романов – сразу следом за которой размещалось известие, что между тем благородный император Александр освободил прибалтийских крестьян от крепостной зависимости – и это ли не созвучно идеям из предлагаемых читателю романов?⁶⁶¹ Ведь благородный рыцарь, как известно, благороден не только в отношении врага, но и в отношении людей слабых, уязвимых в жизни, которые нуждаются в защите и покровительстве.

Энтузиазм в следовании высшим идеям особо выделял Александра из рядов монархов Священного союза, и без того, казалось бы – на теоретическом уровне – объединенных возвышенными принципами мира, единства и заботы о человечестве. В “Deutsche Blätter” читаем: «Есть одна вещь, которая возвышает благородного, доброжелательного, изобретательного, талантливого и изящного человека над всеми, кто обладает этими качествами в той же степени, что и он, – это осуществление великой и прекрасной идеи»⁶⁶². Возвышенность и «магия» облика Александра I, тем самым, вырастали из его служения высшей идее – из того, что он понимал и преподносил себя в качестве инструмента Провидения.

Казалось, само расположение российского императора к кому-либо расценивалось в качестве знака Провидения, поощряющего добродетельнейших из людей – например, принца Евгения, которого, по мысли

⁶⁵⁹ Rheinischer Merkur, 1814, № 84 (9. Juli), S. 3; Allgemeine Zeitung, 1814, № 200 (19. Juli), S. 798; Augsbургische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1814, № 172 (20. Juli), S. 2–3; Münchener politische Zeitung, 1814, № 172 (20. Juli), S. 802.

⁶⁶⁰ Rheinischer Merkur, 1814, № 84 (9. Juli), S. 3; Allgemeine Zeitung, 1814, № 200 (19. Juli), S. 798; Augsbургische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1814, № 172 (20. Juli), S. 2–3; Münchener politische Zeitung, 1814, № 172 (20. Juli), S. 802.

⁶⁶¹ Oppositions-Blatt oder Weimarische Zeitung, 1817, № 53 (3. März), S. 424.

⁶⁶² Deutsche Blätter, 1813, № 53 (22. Dezember), S. 594–598.

газетчиков, уважение российского императора вознаграждало и возвышало на общем фоне⁶⁶³. Кроме того, император Александр мог представлять в качестве ангела, ниспосланного терпящим бедствие. Так, в немецкой и английской прессе получил большое освещение сюжет с участием императора в ликвидации последствий наводнения в Петербурге 1824 г. Газеты наперебой передавали, что «с присущей ему человечностью и быстротой реакции» он выделил миллион рублей на помощь пострадавшим и назначил комитет для надзора за распределением этих средств⁶⁶⁴; что «этот доброжелательный монарх лично присутствовал при сценах величайших страданий и помогал всем, обеспечивая продуктами голодающих, одеждой – раздетых и крышей над головой – лишившихся крова»⁶⁶⁵; был неутомим в своих усилиях и подвергался большой личной опасности, чтобы спасти страдальцев⁶⁶⁶ – словом, заслуживал высочайшей похвалы за быстрое, милосердное и поистине благородное поведение⁶⁶⁷.

Другая «ангельская» ипостась Александра I в представлении газет – миротворчество. Желая подчеркнуть миролюбивый нрав русского царя, в некоторых газетах писали: «он не тот, кого вульгарно называют «пожирателем огня»»⁶⁶⁸ (намек на агрессивную группировку в Соединенных штатах, выступавшую за разделение страны из идеологических разногласий). В русле той же темы на страницах английских изданий даже за 1822 г., когда корреспонденты с Туманного Альбиона в целом активно клеймили внешнеполитические злоупотребления членов Священного союза и лично Александра I, можно было встретить следующую надежду: «Император Александр – мягкий и любезный государь, и мы уверены, что [персоналии

⁶⁶³ The Waterford Mail, 1824, № 65 (27th March), p. 4.

⁶⁶⁴ The Sun, 1824, № 10064 (14th December), p. 3.

⁶⁶⁵ The New Times (London), 1824, № 8234 (18th December), p. 2.

⁶⁶⁶ Saunders's News-Letter, and Daily Advertiser, 1824, № 21598 (20th December), p. 2; The Dublin Evening Post, 1824, № 9291 (21st December), p. 2.

⁶⁶⁷ Bayreuther Zeitung, 1824, № 249 (14. Dezember), S. 1088; Der bayerische Volksfreund, 1824, № 68 (14. Dezember), S. 289; Der Friedens- u. Kriegs-Kurier, 1824, № 300 (15. Dezember), S. 1198; The Star (London), 1824, № 11819 (23rd December), p. 2.

⁶⁶⁸ Roscommon & Leitrim Gazette, 1823, № 86 (6th December), p. 3; Westmeath Journal, 1823, vol. 45 (11th December), p. 1.

вроде] Суворова или Потемкина не обретут милости в его глазах – он, как мы надеемся, не станет мириться с такими зверствами, которые совершались во времена правления его бабушки, Екатерины II»⁶⁶⁹. В том же году еще ряд английских газет приводил эпизод, едва ли имевший место в реальности, поскольку участники событий никогда не встречались лично все вместе: сообщалось, что Георг IV и Людовик XVIII горячо высказывались по поводу работорговли, причем каждый претендовал на честь быть первым, кто ее прекратил (в то время как в действительности первыми стали американцы), – и совершенно вышли из себя; английский король обнажил было меч, а французский – рапиру, но вмешался император Александр, и на этом дело закончилось⁶⁷⁰. Российский император, таким образом, представал посредником не только на глобально-политическом уровне, но и на частном – непосредственно в силу собственного характера.

Тем самым, русский монарх выдвигался в качестве образца для сравнения даже относительно своих личных, а не государственных качеств. Желая воздать должное благородной простоте прусского короля, газетчики писали, что в этом тот подобен императору Александру⁶⁷¹ – у которого скромность, как писало еще одно издание, составляла основную черту натуры (в доказательство чему приводились его упорные отказы принять большой крест, т.е. первую степень, ордена св. Георгия)⁶⁷². Писали также, что ни один, ни другой из них во время разъездов по Европе не использовал роскошные кровати, которые бывали им предоставлены: российский император спал на мешке с соломой⁶⁷³, а король Пруссии – на матрасе и кожаной подушке, которые входили в полевое

⁶⁶⁹ The British Monitor, 1822, № 595 (30th June), p. 9080.

⁶⁷⁰ The London Packet and Lloyd's Evening Post, 1822, № 9268 (23rd January), p. 1; The Public Ledger and Daily Advertiser, 1822, № 18937 (23rd January), p. 3; The Mirror of the Times, 1822, № 1335 (26th January), p. 4; The Imperial Weekly Gazette and Westminster Journal, 1822, № 4077 (26th January), p. 1; The National Register (London), 1822, № 1352 (27th January), p. 27; The Examiner, 1822, № 731 (27th January), p. 75; The Belfast Commercial Chronicle, 1822, № 2649 (28th January), p. 4.

⁶⁷¹ Bayreuther Zeitung, 1815, № 249 (19. Oktober), S. 1027.

⁶⁷² Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1824, № 6 (6. Januar), S. 2.

⁶⁷³ Augsburgerische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1813, № 296 (11. Dezember), S. 3; Allgemeine Zeitung, 1813, № 344 (10. Dezember), S. 1374.

снаряжение⁶⁷⁴. “Münchener politische Zeitung” сообщала, что Александр I редко наслаждался комфортом экипажа, вечно перемещаясь верхом на коне⁶⁷⁵; “Rheinischer Merkur” добавляла к этому, что несмотря на свой статус он умел отказывать себе во всем, лежащем за пределами первой необходимости, и что даже один-единственный слуга порой бывал ему излишним⁶⁷⁶.

В целом говорили о простоте Александра в обращении и о его беззаботном отношении к вопросам личной безопасности. «Он путешествует без военного прикрытия... так, что его могут видеть все. ...Нигде ни малейшего следа внешнего великолепия. Монарх... ел и пил то, что и где находил»⁶⁷⁷ – передавали немецкие корреспонденты; об отказе от почестей при посещении городов писали и англичане⁶⁷⁸. Когда же, например, в принадлежавшем герцогине Саган Ратиборжице (том самом, где в 1813 г. велись переговоры о новой антинаполеоновской коалиции между Россией, Пруссией и Австрией) полуденный стол был накрыт только для императора Александра, последний отказался от такого выделения себя и потребовал отобедать со всей компанией, которая находилась во дворце в то время, так что за столом собрались Меттерних, Гумбольдт и другие⁶⁷⁹.

При проявлениях народной любви в ходе его путешествия по каким-нибудь местам в пору Освободительного похода Александр также демонстрировал скромность и нежелание верить, будто все эти восторги могут быть посвящены

⁶⁷⁴ Münchener politische Zeitung, 1814, № 149 (23. Juni), S. 697.

⁶⁷⁵ Münchener politische Zeitung, 1813, № 271 (11. November), S. 1266.

⁶⁷⁶ Rheinischer Merkur, 1814, № 16 (21. Februar), S. 4.

⁶⁷⁷ Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1813, № 296 (11. Dezember), S. 3; Allgemeine Zeitung, 1813, № 344 (10. Dezember), S. 1374.

⁶⁷⁸ The Sun; 1814, № 6849 (20th August), p. 2; Public Ledger and Daily Advertiser, 1814, № 16967 (22nd August), p. 2; Evening Mail, 1814, № 5129 (22nd August), p. 1; Kentish Weekly Post or Canterbury Journal, 1814, № 3609 (23rd August), p. 3; Hereford Journal, 1814, № 2214 (24th August), p. 2.

⁶⁷⁹ Münchener politische Zeitung, 1813, № 172 (20. Juli), S. 807; Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1813, № 172 (20. Juli), S. 3; Baierische National-Zeitung, 1813, № 171 (20. Juli), S. 783; Bayreuther Zeitung, 1813, № 144 (22. Juli), S. 571; Zeitung des Großherzogthums Frankfurt (Frankfurter Ober-Post-Amtes-Zeitung), 1813, № 203 (22. Juli), S. 3; Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen, 1813, № 95 (10. August), S. 3.

ему лично – он замечал вслух, что «эти добрые люди [просто] демонстрируют своим восторгом свою ненависть к Бонапарту и желание навсегда освободиться от него»⁶⁸⁰. Немецкие газеты полны были известиями о том, что русский царь ведет себя самым приветливым и снисходительным образом со всеми, кто к нему подходит⁶⁸¹, запрещая при этом почетные парадные встречи – и несмотря на этот запрет везде сталкиваясь с возгласами, прославляющими его имя («Да здравствует император Александр!», «Да здравствует друг нашего доброго короля!»⁶⁸²). Об умеренности, постоянстве и самоотречении Александра⁶⁸³, о кротости и доброжелательности его нрава, какой никогда прежде не украшал трон⁶⁸⁴, писали со своей стороны и англичане, отмечая, например, что нетерпеливый и решительный тон был ему в разговоре совсем не свойственен⁶⁸⁵. Англичане точно так же, как и немцы, акцентировали скромность российского императора – его выезды без сопровождающих⁶⁸⁶ или, например, его признание: «Никаких комплиментов, я только желаю дружбы французского народа»⁶⁸⁷. Как и в немецких, в английских газетах можно было прочесть о свойственной российскому императору любознательности: о том, как он гулял по городам в костюме частного джентльмена и вел расспросы о товарах в магазинах и о предметах искусства⁶⁸⁸. Причем подобные сюжеты (и сообщения о них в газетах) были характерны не только для эпохи освобождения Европы от Наполеона, но и для последующих лет; в частности,

⁶⁸⁰ Rheinischer Merkur, 1814, № 16 (21. Februar), S. 4.

⁶⁸¹ Allgemeine Zeitung, 1814, № 196 (15. Juli), S. 784; Baierische National-Zeitung, 1814, № 167 (16. Juli), S. 695; Münchener politische Zeitung, 1814, № 169 (16. Juli), S. 784.

⁶⁸² Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1815, № 284 (11. Oktober), S. 2.

⁶⁸³ Saint James's Chronicle, 1814, № 8749 (6th January), p. 2.

⁶⁸⁴ Staffordshire Advertiser, 1814, vol. 20 (8th January), p. 4.

⁶⁸⁵ The Public Ledger and Daily Advertiser, 1821, № 18760 (2nd July), p. 2; The Morning Herald (London), 1821, № 12759 (2nd July), p. 3; Saint James's Chronicle, 1821, № 9930 (3rd July), p. 1; The Dublin Evening Post, 1821, № 9106 (5th July), p. 2; The Westmorland Gazette, 1821, № 164 (7th July), p. 3.

⁶⁸⁶ Morning Post, 1814, № 13660 (31st October), p. 3.

⁶⁸⁷ Mirror of the Times, 1815, № 1005 (14th October), p. 2.

⁶⁸⁸ Perthshire Courier, 1823, № 800 (10th January), p. 1; The Taunton Courier, and Western Advertiser, 1821, № 650 (31st January), p. 6; The Dublin Evening Post, 1821, № 9040 (1st February), p. 2; The Salisbury and Winchester Journal, 1821, № 4359 (5th February), p. 1; The Leeds Intelligencer, 1821, vol. 69 (5th February), p. 4.

во время конгресса в Лайбахе писали, что из трех присутствующих монархов в центре внимания местных жителей оказывался именно российский – который «по своему обыкновению часто ходит по городу в простой одежде человека среднего класса, спрашивая обо всем, что ему интересно; даже местный славянский диалект, который очень близок к русскому, не ускользает от его внимания»⁶⁸⁹.

Подобные сцены с участием Александра I были столь привычны, что однажды в газетах даже разгорелась полемика: не была ли очередная история такого толка вымышлена по аналогии с имевшими место в действительности. Несколько изданий распространили известие, будто бы однажды российский император внезапно оставил свою свиту и устремился к изумленной толпе, чтобы взять щепотку табака из банки в руках какого-то фермера; фермер продолжал держать банку открытой, приглашая взять у него еще – и император сделал это, после чего угощавший извинился: «Сир, это всего лишь крестьянский табак», – на что император ответил: «Друг мой, я никогда не пробовал лучшего табака»⁶⁹⁰. В ответ на это другие газеты напечатали возражения: известно по заверениям тех, кто имел возможность понаблюдать за императором Александром повнимательнее, что табака он не нюхает, а потому сцена, должно быть, вымышлена – и более того: «Изобретатель этой сцены не подозревал, что такая популярность сильно отличается от той, которая отличает императора Александра. У этого монарха она находится в доброжелательном сердце, которое горячо охватывает своей заботой всех людей; в его непоколебимом стремлении отстаивать закон и справедливость для всех людей без различия; в его честном стремлении содействовать благу личности и всеобщему благу. Но Александр никогда не устраивал сцен, подобных той, что

⁶⁸⁹ Allgemeine Zeitung, 1821, № 21 (21. Januar), S. 86; Bayreuther Zeitung, 1821, № 18 (25. Januar), S. 73; Neue Breslauer Zeitung, 1821, № 19 (1. Februar), S. 238.

⁶⁹⁰ Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1818, № 305 (2. November), S. 3; Neue Speyerer Zeitung, 1818, № 133 (5. November), S. 2–3; Münchener politische Zeitung, 1818, № 263 (6. November), S. 1184; Baierische National-Zeitung, 1818, № 263 (6. November), S. 929; Erlanger Real-Zeitung, 1818, № 89 (6. November), S. 389; Augsbургische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1818, № 266 (6. November), S. 3.

была описана! (...) И это намного ниже достоинства его характера; время театральных монархов, слава Богу, прошло!»⁶⁹¹

Между тем, русский монарх в самом деле был склонен и к публичному выражению своей «простоты», и к шутке на публику – и вполне вероятно понимал, что они служат ему позитивными репрезентациями. Другое дело, что подчеркнуто театральная демонстрация своей невзыскательности или чего-либо еще была бы слишком грубой работой для столь тонкого дипломата, каким был Александр – поэтому в большинстве эпизодов у него, скорее, заметна ставка на сердечность и «искренность».

Пресса не уставала фиксировать открытые проявления его сентиментальности, описывая, как в 1815 г. он обнял офицера, принесшего весть о победе в Нидерландах⁶⁹², как демонстрировал свою привязанность к князю Шварценбергу, удаляясь с ним с парада, держа за руку⁶⁹³. Что же до чувства юмора российского самодержца, то газеты фиксировали следующие эпизоды. Проходя мимо статуи Бонапарта на Вандомской площади, Александр Павлович как-то заметил: «У меня закружилась бы голова, если бы я забрался так высоко»; гуляя как-то по Парижу – крикнул людям, которые из почтительности думали освободить для него место: «Не бойтесь подходить ко мне!»⁶⁹⁴ В прессе также писали, что за прогуливающимся Александром I вечно следует большой поток людей, и когда император замечает это, то начинает удваивать шаги – но преследователи делают то же самое, и однажды он шутки ради прошел так всю Вену, всё ускоряя темп, однако его затея оторваться от «погони» так и не оправдалась: «Сегодня я хотел утомить венцев, но они утомили меня», – заметил он после⁶⁹⁵. И в этом звучит тем самым и игривость нрава, и подчеркнутое чувство, что он – лидер могущественной империи – по сути, всего лишь такой же человек, как и все, который устаёт, который может

⁶⁹¹ *Oppositions-Blatt oder Weimarische Zeitung*, 1818, № 272 (17. November), S. 2172; *Rheinische Blätter*, 1818, № 184 (17. November), S. 782.

⁶⁹² *Bayreuther Zeitung*, 1815, № 152 (27. Juni), S. 623.

⁶⁹³ *Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses*, № III (11. Oktober 1814), S. 44-45.

⁶⁹⁴ *Münchener politische Zeitung*, 1814, № 91 (15. April), S. 431.

⁶⁹⁵ *Allgemeine Zeitung*, 1814, № 326 (22. November), S. 1304.

не выйти победителем в состязании, которого, наконец, можно чисто физически настичь.

Еще одним следствием благородства и скромности Александра I, которые прославлялись в прессе, было умение быть благодарным людям независимо от их статуса. Во время визита российского императора к жене его учителя Лагарпа между ним и замершей хозяйкой состоялся, как передавали немецкие газеты, следующий диалог: «Вы очень изменились, мадам» – «Сир! Я вместе со всеми была подвержена переменам обстоятельств». – «Вы меня не понимаете. Говоря, что вы изменились, я хотел сказать только то, что прежде вы [без робости] садились рядом с воспитанником вашего супруга и дружески разговаривали с ним». Когда же госпожа Лагарп стала рассказывать о том энтузиазме, который добродетели и приветливость русского царя внушают парижанам, тот ответил: «Если я и обладаю качествами, которые нравятся людям, то кому я обязан ими? Если бы не было Лагарпа, не было бы и Александра»⁶⁹⁶.

Также трогательным газетчики нашли обращение российского императора с другой дамой – вдовой генерала Моро, смертельно раненного во главе союзных войск в сражении при Дрездене. После смерти генерала император написал его жене, находившейся тогда в Лондоне, «следующее чудесное письмо»: «Мадам! (...) В тяжелейших испытаниях судьбы есть только одно утешение – искреннее сочувствие. Вы найдете это сочувствие, мадам, повсюду в России, и если вы захотите поселиться там, я сделаю все, что в моих силах, чтобы ваше пребывание было как можно более приятным; потому что я считаю это своим долгом... Вы можете обращаться ко мне со всяким своим желанием. Моя дружба с Вашим мужем простирается за гранью могилы, но теперь я могу доказать это лишь своим участием в благополучии его семьи»⁶⁹⁷. Позже

⁶⁹⁶ Bayreuther Zeitung, 1814, № 96 (22. April), S. 433; Allgemeine Zeitung, 1814, № 112 (22. April), S. 446; Baierische National-Zeitung, 1814, № 98 (23. April), S. 402–403; Münchener politische Zeitung, 1814, № 99 (23. April), S. 466; более сжато также в: Augsbургische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1814, № 97 (23. April), S. 1.

⁶⁹⁷ Deutsche Blätter, 1813, № 27 (8. November), S. 223–224.

Александр лично навестил госпожу Моро и подарил ей 1000 рублей, назначив сверх того пенсию в 4000 рублей и пожаловав орден Святой Екатерины, а ее дочери сделав подарок в 6000 руб.⁶⁹⁸ Не обделена монаршей заботой оказалась и семья главнокомандующего союзными войсками в Битве народов под Лейпцигом генерала Шварценберга, который умер не на поле боя, а спустя несколько лет своей смертью, не успев, однако, привести свои дела в порядок. Александр I выделил его несовершеннолетнему наследнику 400000 серебряных рублей, которые последний без процентов должен был возвратить в казну лишь спустя 20 лет⁶⁹⁹.

Газеты любовно запечатлевали также и примеры, когда щедрость русского царя ниспадала на людей совсем простых и неизвестных, которые почему-нибудь нуждались. Например, посещая дом инвалидов, он познакомился с 90-летним ветераном австрийских войск Штульмюллером, который – не зная, кто перед ним – обсуждал с высоким гостем судьбу своего родного полка. Когда же затем император представился ему, старик был глубоко тронут и попросил милости поцеловать руки императора; но тот сам подошел к нему и расцеловал в обе щеки, а на следующий день прислал инвалиду 100 голландских дукатов⁷⁰⁰.

“Augsburgische Ordinari Postzeitung” и вовсе передавала примечательную и веющую почти сказочным флером историю о благородной барышне из Фрайштадта, бедной, но добродетельной сироте, которая взаимно полюбила молодого аристократа, также лишенного средств. Брак их был невозможен по причине обоюдной бедности: для того, чтобы свить гнездышко и иметь хлеб, им недоставало 4000 талеров – суммы, которая была для них неподъемна. Но через те места проезжал император Александр. «Добрый Господь внушил

⁶⁹⁸ Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1814, № 202 (21. Juli), S. 2; Münchener politische Zeitung, 1814, № 176 (25. Juli), S. 817.

⁶⁹⁹ Münchener politische Zeitung, 1823, № 17 (20. Januar), S. 102; Allgemeine Zeitung, 1823, № 20 (20. Januar), S. 79; Regensburger Zeitung, 1823, № 17 (20. Januar), S. 72; Bremer Zeitung, 1823, № 22 (22. Januar), S. 5.

⁷⁰⁰ Erlanger Real-Zeitung, 1819, № 3 (8. Januar), S. 18; Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen, 1819, № 4 (9. Januar), S. 2 etc.

девушке одеться крестьянкой и дожидаться императора на холме, где тот должен был сменить лошадей – чтобы передать ему письмо с описанием своего несчастья и мольбой о помощи. ...Император принял прошение из рук девушки, и его дружелюбный взгляд пролил луч надежды в ее сердце». Но Александр ехал в столицу и его мысли были заняты предметами государственной важности; «как мог он мог думать о девушке, когда размышлял о спасении народов!» Несчастливая успела отчаяться, как вдруг прошел слух, что император возвращается тем же путем. Тогда она осмелилась вновь прийти на тот же холм, закутавшись в длинные траурные одежды. Прибывший император, заметив скорбную фигуру, сразу узнал ее и помахал ей рукой; она бросилась к его экипажу, и... Милосердный император поцеловал ее в лоб и дал ей две тысячи талеров, пообещав прислать недостающую сумму и благословив радостную девушку. «Теперь домик будет построен, и в нем будут жить счастливо люди, которые каждый день поминают благородного императора в молитве», – завершала повествование газета. Нетрудно заметить, что император Александр в этой истории предстает не просто кем-то вроде сказочного волшебника, появляющегося в нужное время в нужном месте, но и орудием Провидения – которое милует и награждает именно добродетельных и несчастных; тем самым вокруг русского царя прослеживался ореол не только всеислия, но и права на высшую справедливость⁷⁰¹.

Однако скромность русского царя простиралась дальше: в ряде случаев он предпочитал творить добро инкогнито (покров которого с восторгом срывали газеты). Писали, что в 1814 г. он втайне пересылал через Швейцарию значительные суммы в помощь делу сестры Марты Дижонской, которая за 11 месяцев выходила 40000 раненых солдат, вынесенных с поля боя⁷⁰². Немецкие газеты сообщали читателю и о подобных проявлениях щедрости и скромности Александра в пору его присутствия в русском отечестве. Так, например, в 1822 г. рассказывали следующее. Когда император шел без сопровождения по

⁷⁰¹ Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1816, № 86 (9. April), S. 3–4.

⁷⁰² Literarisches Wochenblatt (Blätter für literarische Unterhaltung), 1818, № 19, S. 152.

набережной Невы в простом офицерском платье, как он это часто делал, то встретил не узнавшую его старушку, которую, проходя мимо, случайно задел рукой. Приняв царя за обычного офицера, та вслух выразила свое недовольство. Тогда Александр, «с которым немногие князья могут сравниться в истинной человечности», остановился, улыбаясь, позвал возбужденную женщину к себе – и попросил у нее прощения, сделал ей щедрый подарок деньгами и пообещал впредь быть более вежливым. Успокоенная женщина приняла награду, похвалила вежливого прохожего и продолжила свой путь, не понимая, что получила подарок от «правителя России, который может служить образцом для многих грубых юнкеров в своем поведении»⁷⁰³.

Подобно своим немецким коллегам, англичане также извещали читателей о щедрости царя и о его христианском рвении: «Он никогда не останавливается на ночь в гостинице, не сделав хозяину или его жене ценный подарок»⁷⁰⁴; «Говорят, император Александр не только своим влиянием способствует открытию воскресных школ в своих владениях, но и из своего собственного кошелька сделал пожертвование на создание 2000 воскресных школ для бедных крестьянских детей»⁷⁰⁵; «Если вы бросите взгляд в Европу, вы обнаружите Библейское общество в Санкт-Петербурге, находящееся под непосредственным покровительством императора Александра, друга религии и человечества...»⁷⁰⁶; «...Император Александр... узнав об объявлении в Петербурге подписки для бедствующих жителей швейцарского кантона Гларус, пожертвовал 100000 рублей»⁷⁰⁷. Многие газеты слово в слово передавали также эпизод, когда в канун своего дня рождения в 1818 г. русский царь, проезжая деревеньку близ

⁷⁰³ *Neueste Weltbegebenheiten*, 1822, № 196 (9. Dezember), S. 1568.

⁷⁰⁴ *The Morning Herald* (London), 1822, № 13174 (1st November), p. 2; *The English Chronicle and Whitehall Evening Post*, 1822, № 11603 (2nd November), p. 1; *Bell's Weekly Messenger*, 1822, № 1388 (3rd November), p. 346.

⁷⁰⁵ *Aberdeen Press and Journal*, 1814, № 3463 (25th May), p. 2.

⁷⁰⁶ *Inverness Journal and Northern Advertiser*, 1815, № 413 (30th June), p. 4.

⁷⁰⁷ *The Salisbury and Winchester Journal*, 1817, № 4182 (26th May), p. 3; *The Taunton Courier, and Western Advertiser*, 1817, № 458 (29th May), p. 6; *The Bath Chronicle*, 1817, № 2883 (29th May), p. 1; *The Stamford Mercury*, 1817 (30th May), p. 4; *The Leeds Mercury*, 1817, № 2710 (31st May), p. 3; также *Hereford Journal*, 1818, № 2516 (4th November), p. 2; *Manchester Mercury*, 1818, № 3591 (15th December), p. 2; *The Barbados Mercury and Bridge-town Gazette*, 1818 (19th December), p. 3.

силезского Тешина, остановился возле церкви у большой дороги, вошел в храм, упал на колени пред алтарем, некоторое время молился, а затем пожаловал местному священнику значительную сумму денег⁷⁰⁸ (подтверждение этого эпизода есть и в литературе⁷⁰⁹).

Таким образом, в первые годы после победы над Наполеоном немецкие и английские авторы были исключительно солидарны в описании личных качеств Александра I. Все газетчики подмечали его скромность, приводя в пример многочисленные случаи его аскетизма в быту. Многие авторы указывали на его щедрость, рассказывая, как он жертвует деньги на поддержку образования и помощь простым людям. Не осталось без внимания и его благородство, проявленное в первую очередь к Наполеону. В прессе подчеркивали, что Александр относился к поверженному противнику с уважением и стремился к тому, чтобы окружающие его люди не ущемляли его достоинство и были человечными по отношению к нему.

5.2. Оценки исторической роли Александра I

Александр I в ряду выдающихся правителей

Обилие на газетных страницах частных эпизодов, характеризующих императора Александра I как человека, заметно превышает число сухих оценок его как политика в этих же самых газетах. Чем же вызвано такое внимание именно к простоте и человечности императора? Ответом на этот вопрос может служить другой: а мог ли не являть собой образца скромности и всепрощения тот, кто в глазах миллионов людей стал олицетворением христианской идеи? По-видимому, не мог: газетчики (и прежде всего, конечно, немецкие) нуждались в аргументах для подтверждения созданного ими образа христианнейшего государя. И дело было не только в основании Священного союза, не только в заботе о библейских обществах⁷¹⁰, но и в повседневном поведении образцового христианина (как оно доводилось до читателей газет) –

⁷⁰⁸ Morning Advertiser, 1819, № 8524 (30th January), p. 3; Morning Herald (London), 1819, № 11964 (1st February), p. 3; Kentish Chronicle, 1819, № 4073 (2nd February), p. 3.

⁷⁰⁹ Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 4. С. 126.

⁷¹⁰ Leipziger Literaturzeitung, 1816, № 216 (31. August), S. 1721.

с ежедневным посещением часовни для молитвы ⁷¹¹, со способностью противостоять искушениям от великих до малых. К заключению о наличии у Александра I такой способности газетчики приходили индуктивно – памятуя о том, что когда стоял вопрос о получении дивидендов от победы над Францией, русский царь воздержался от любых претензий несмотря на тот урон, который был нанесен его владениям. Они писали: «Вероятно, из высокого образа мыслей Александра, продемонстрированного при столь великих искушениях, справедливо будет сделать вывод о его умеренности и в меньших искушениях»⁷¹².

Люди, хорошо знакомые со Священным Писанием, помнили отрывки из пророка Даниила, где описывался великий благочестивый монарх, избранный Богом, чтобы распространить христианство по всей земле и поднять человеческий род к счастью своим правлением – и полагали, что этого предреченного монарха можно разглядеть в императоре Александре⁷¹³.

В самом деле, при всем неодобрении отдельных политических шагов Александра I со стороны многих авторов, его заслуги перед человечеством казались современникам более чем очевидными, в связи с чем на газетных страницах можно было обнаружить множество рассуждений о его роли в истории. В числе прочего, вклад российского императора во всеобщее счастье отмечался в посвящениях книг – книги же с рекламной или просветительской целью упоминались в прессе, так что читатели газет вновь могли вспомнить о том, кто являлся главным героем современности. Так, книга «Архив войны и мира в историческом и политическом отношении» посвящена была человечеству, героям и лучшим из правителей, и прежде всего – императору Александру: отмечались как его военные победы, так и «высокие усилия культуры, нацеленные на то чтобы мягко разморозить человечество на суровом

⁷¹¹ Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung, 1822, № 289 (16. Oktober), S. 1.

⁷¹² Bayreuther Zeitung, 1822, № 76 (18. April), S. 350.

⁷¹³ Erlanger Real-Zeitung, 1818, № 95 (27. November), S. 415; Oppositions-Blatt oder Weimarische Zeitung, 1818, № 291 (9. Dezember), S. 2323.

северо-востоке»⁷¹⁴. Еще одно сочинение – само по себе рассматривающее правление Нумы Помпилия (что примечательно, отличившегося введением новых религиозных культов) в качестве образца заботы о счастье государства – посвящено было Лагарпу, вполне очевидно в признание его заслуг в том, что сейчас происходит с человечеством, о счастье которого печется его ученик⁷¹⁵.

Александра I, как было показано прежде, в немецкой прессе (будто зная умысел его венценосной бабки) не раз сравнивали с Александром Македонским. И ведь последний тоже был человеком идеи, притом идеи близкой Александру как оппоненту Наполеона: защитить свободу, культуру и язык своего государства от угрожающей ему великой вражеской силы. Но в его исполнении эта идея была пропитана тягой к завоеваниям, господству, героической славе – одним словом, разрушительными страстями. В российском же его тезке эта идея горела, как отмечали немцы, «с почти беспрецедентной чистотой»: «Он не хочет ничего брать или навязывать»⁷¹⁶. Наверное, человек такого склада и был нужен Европе в ту эпоху, чтобы объединить противоположности, устранить разделяющие народы преграды, подавить человеческий эгоизм – сделав это «под эгидой честности, тончайшего чувства чести и героических чувств»⁷¹⁷.

Некрологи Александру I в немецкой и английской прессе

Мощный импульс рассуждениям о роли Александра Павловича в истории придала его кончина – закономерный повод суммировать всё, что успел сделать монарх. И прежде всего нужно заметить, что само описание этой кончины исполнено во многих газетах подчеркнуто христианской этики и эстетики. На исходе 1825 г. многие немецкие газеты тиражировали сведения, будто бы в своих самых последних словах император Александр вверял свою жизнь и царство в руки Того, Кто правил в его сердце – выражая тем самым глубокое

⁷¹⁴ Jenaische allgemeine Literatur-Zeitung, 1813, № 10 (1. August), S. 245.

⁷¹⁵ Leipziger Literaturzeitung, 1815, № 317 (28. Dezember), S. 2536.

⁷¹⁶ Deutsche Blätter, 1813, № 53 (22. Dezember), S. 594–598.

⁷¹⁷ Deutsche Blätter, 1814, № 114 (11. April), S. 320.

подчинение Божьему Промыслу⁷¹⁸. Аналогичный слух публиковали и их английские коллеги, которые пошли дальше: они сообщали также, что последние мгновения царя были смиренны и пронизаны гармонией с миром – что за несколько часов до смерти он приказал открыть жалюзи на окнах и воскликнул, глядя в небо: как же красиво!⁷¹⁹

Можно видеть, что главной ассоциацией с личностью Александра I для европейских корреспондентов оказалась религиозность – а все прочие были, так или иначе, производными от нее. Как звучало в одном из немецких газетных некрологов, руководствуясь глубоким чувством религии и долга, он был чужд жестокого обращения, требующего одного лишь разрушения⁷²⁰. Схожая мысль проводилась и у английских коллег: «обладая абсолютной властью над огромным населением варваров, он, несомненно, обнаружил не только умеренность по отношению к своим подданным, но и просвещенный взгляд на их совершенствование и цивилизацию»⁷²¹. Христианская натура Александра I представляла гарантом не только его душевной кротости, но и цивилизованности в широком смысле; Александр как истинный христианин глядит с английских газетных страниц антитезой своим подданным-«варварам». Подтверждение такого восприятия вещей со стороны англичан – еще одна мысль из того же некролога: «Поддерживая мир с другими народами и, в частности, сопротивляясь провокационным враждебным действиям Турции, он сдерживал воинственные склонности своих полудиких

⁷¹⁸ Allgemeine Zeitung, 1825, № 364 (30. Dezember), S. 1454; Neueste Weltbegebenheiten, 1825, № 209 (31. Dezember), S. 843; Augsburgerische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten, 1825, № 313 (31. Dezember), S. 3; Der Friedens- u. Kriegs-Kurier, 1825, № 313 (31. Dezember), S. 1270.

⁷¹⁹ The Sun, 1825, № 10388 (27th December), p. 3; Morning Chronicle, 1825, № 17563 (28th December), p. 2; Evening Mail, 1825, № 8871 (28th December), p. 2; British Press, 1825, № 7190 (28th December), p. 2; Dorset County Chronicle, 1825, № 14 (29th December), p. 4; Birmingham Chronicle, 1825, № 157 (29th December), p. 412; Saint James's Chronicle, 1825, № 10632 (29th December), p. 2; Baldwin's London Weekly Journal, 1825, № 3397 (31st December), p. 2; Warwick and Warwickshire Advertiser, 1825, № 1043 (31st December), p. 1.

⁷²⁰ Bayreuther Zeitung, 1825, № 256 (28. Dezember), S. 1225; этот эпизод запечатлен и в историографии, начиная трудом Шильдера (Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 4. С. 383) и заканчивая современными популярными изданиями (Цветков С.Э. Александр I: Беллетризованная биография. М., 1999. С. 574).

⁷²¹ Leeds Intelligencer, 1825, № 3730 (29th December), p. 3.

подданных...»⁷²² – как видим, из всего разнообразия теорий касательно роли Александра I в греко-турецком конфликте проверку временем выдержала именно эта (следов других мы в некрологах не находим).

Не следует думать, вместе с тем, что авторы некрологов решили остановиться лишь на положительных чертах российского императора. Признание его христианских добродетелей не подразумевало его полной идеализации. Реакционная политика Священного союза слишком глубоко тревожила англичан, чтобы те «простили» ее Александру по смерти. Подводя итоги его жизни и царствования, они писали, что в любом движении, которое вело к нарушению спокойствия на континенте или вело к установлению конституционного правления, «самодержец Востока» видел либо непосредственную, либо по крайней мере отдаленную опасность для собственной власти (по парадоксальному мнению газеты, впрочем, Александр и революцию в Испании встретил враждебно потому именно, что в его глазах она предвещала восстание в Сибири⁷²³). Таким образом, с точки зрения английской прессы, личное христианство Александра Павловича безусловно имело благотворное влияние на него и его политику, однако не отменяло в целом его «восточного» происхождения со всеми вытекающими из последнего в глазах западной публики косными недостатками.

Что до немецких газетчиков, то они предсказуемо остались более добры к российскому императору, принесшему им освобождение и множество надежд. Для них Александр I не выглядел восточным деспотом, пусть и просвещенным; для них его имя осталось ассоциацией с утверждением правды и порядка. И насколько радостный прием они оказывали императору Александру при жизни, когда он путешествовал по немецким землям и нигде не казался чуждым («благодаря доброте и щедрости своего сердца, благодаря величию своего нрава он обрел дом повсюду и благодаря дарованной ему силе природы повсюду вызывал чистейшее восхищение»), настолько же, когда его не стало,

⁷²² Там же.

⁷²³ Там же.

преобладало в немецких газетах глубокое чувство, будто у них «украли одного из самых стойких защитников закона, одного из самых сильных защитников добродетели»⁷²⁴.

Подобное различие между английскими и немецкими газетными оценками можно назвать закономерным, если обратить внимание на то, какие именно издания еще прежде, на протяжении всего рассматриваемого периода, публиковали наибольшее число заметок об Александре I (см. Приложение 4). Если среди интересовавшихся им в Англии лидируют равно консервативные (*The Sun*, *Saint James's Cronicle*) и либеральные либо независимые газеты (*Morning Herald*, *Public Ledger and Daily Advertiser*), то в немецких землях четыре из пятерых лидирующих по упоминаниям Александра газет выходили на территории Баварии (*Allgemeine Zeitung*, *Münchener politische Zeitung*, *Augsburgische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten*, *Bayreuther Zeitung*), а пятая (*Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung*) – на территории Гессена: государств, где в то время велись активные либеральные преобразования⁷²⁵ и журналистам важно было видеть в российском императоре образец просвещенного либерала.

Итак, с самого утверждения Александра I на европейской политической арене мы видели в немецких и английских газетах его образ, отличавшийся от образов других русских монархов в прессе, известных нам по историографии. Немецкие авторы в первую очередь подчеркивали стремление российского императора ко всевозможным улучшениям в различных аспектах социальной сферы, освещалась и его заинтересованность в совершенствовании науки, образования и культурном развитии нации. Конечно, эти черты можно было бы соотнести и с фигурой Петра I, но в случае Александра I в качестве примера для подражания выводилась также и несвойственная его предку толерантность в вопросах религии и великодушие и рыцарственность по отношению к

⁷²⁴ *Bayreuther Zeitung*, 1825, № 256 (28. Dezember), S. 1225.

⁷²⁵ Лависс Э., Рамбо А.Н. Указ. соч. Т. 4. С. 70, 75; *Handbuch der Hessischen Geschichte. Band 4.2: Hessen im Deutschen Bund und im neuen Deutschen Reich (1806) 1815-1945 / Hrsg. W. Heinemeyer usw. Marburg, 2003. S. 701.*

противникам, а главное – либеральность и нежелание что-либо навязывать; как было показано, прочно закрепившийся за Александром образ либерала старательно поддерживался в немецкой прессе на протяжении всего его правления несмотря на объективную смену его политического курса. Писали также о его щедрости, простоте, смиренности – о скромности, граничащей с аскетизмом, а также о похвальном христианском рвении; казалось, русский царь своим своим обиходным поведением воплощал христианские идеи, декларированные в бумагах Священного союза. Иной раз авторы даже сравнивали его с ангелом. В своей популяризации его образа некоторые немецкие газеты доходили и до публикации таких историй с участием императора Александра, которые в действительности не имели места. Всё это формировало образ некоего «сверхчеловека», наделенного всеми мыслимыми совершенствами и посланного в мир для спасения человеческого рода в бурную эпоху; ни один другой монарх, насколько можно судить, не удостоивался в иностранной прессе подобного отношения.

В отличие от немецких, английские газеты не были на протяжении всего рассматриваемого периода благосклонны к Александру I, и его образ в их интерпретации предстает не столь безупречным. В суждениях английских газет на предмет простоты и человечности Александра I наблюдалось немало общего с немецкими (особенно в первые годы после победы над Наполеоном). Английские газеты, как и немецкие, также отмечали приверженность Александра христианским идеям, описывая некоторые его благородные поступки и также сравнивали его с ангелом. Отдавая должное его личным качествам (милосердию, благородству, миролюбию, обаянию, щедрости), а также либеральной до поры политике, они, тем не менее, писали о нем не как о полумистической фигуре, но как о человеке – с его сильными и слабыми сторонами. И если, как было показано в предыдущей главе, анализируя политику Александра I, некоторые английские корреспонденты приписывали ему тиранические наклонности, то, как было рассмотрено в этой, те из авторов-критиков, кто стремился оценить его личные, человеческие качества, увидели в

нем не деспота, но ведомую натуру без внутреннего стержня. Нежелание навязывать свои интересы преподносилось как слабость, а обходительность и умение найти подход к любому человеку – как лицемерие.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что основными содержательными характеристиками образа Александра I в изложении британской и немецкой прессы стали многослойность (Александр как герой освободительной войны, как основоположник новой политико-религиозной идеологии, как частное лицо...) и противоречивость – мы увидели, что британские и немецкие издания совпадали в своих оценках российского императора почти исключительно лишь в период Войны шестой коалиции и Венского конгресса, в дальнейшем избрав принципиально разные парадигмы. Остановимся на этом подробнее.

С одной стороны, газетные материалы позволяют проследить формирование образа Александра I как политического деятеля – российского государя и видного игрока на европейской политической арене. Этот образ динамически развивался от олицетворения мира, милосердия и освобождения от оков в эпоху Войны шестой коалиции к персонификации новой системы международных отношений в последующий период.

Принципиальная разница между «немецким» и «английским» образом Александра I состояла в том, что первый из них – тесно связанный с надеждами на позитивные преобразования в самой Германии – до последнего имел либеральную окраску: в пору конгрессов 1820-х гг. в немецкой прессе предпочли попросту ослабить внимание к фигуре Александра как политика, сосредоточившись на нем как на личности (разумеется, не лишенной положительных черт). «Английский» же Александр нес ответственность за все промахи Священного союза. При этом и в первом, и во втором случае можно говорить о преувеличенном представлении о роли русского государя в практической деятельности Священного союза.

С другой стороны, на протяжении всего рассматриваемого периода газеты регулярно приводили суждения об императоре Александре как о личности. Эти суждения рисуют довольно цельный и гармоничный портрет, который, тем не

менее, немецкой и английской стороной зачастую трактовался с противоположными знаками.

Мечтательность, лиричность натуры русского царя немецких наблюдателей трогала и заражала надеждами, поскольку светлые и яркие картины будущего, которое по мысли Александра должно было настать после объединения европейских народов в единую христианскую семью, были для них желанны и привлекательны. Для англичан подобные фантазии были чужды, подозрительны и отчасти даже опасны, поэтому в их изложении Александр I представал двуличным обольстителем и шарлатаном. Эмоциональное обаяние российского императора, его умение вызывать симпатию к себе у самых разных собеседников английские корреспонденты также трактовали в контексте использования им окружающих в личных целях, в то время как немецкие писали об этих качествах в контексте открытости, доброты и доступности царя, а также его умения вносить в происходящее гармонизирующее начало. Наконец, в английской прессе фигурировали мнения о лени и праздности характера Александра, которыми в числе прочего объяснялся разрыв между его возвышенными призывами и несовершенством реальной политики; в немецкой же, напротив, акцент делался на энтузиазме императора, работе на износ во имя общего блага и желании обеспечить счастье для всех и каждого.

Кроме того, как было показано, не консервативность или же либеральность конкретного издания зачастую выступала главным фактором, определявшим характер высказываний о российском императоре, идеализацию его немецкой стороной и подчеркнутый цинизм восприятия со стороны англичан. На страницах и либеральных, и консервативных газет встречались как одобрительные, так и недовольные комментарии в адрес политики русского монарха.

При аккумуляции суждений немцев для характеристики образа Александра I важно помнить, что в немецком внешнеполитическом дискурсе первой трети XIX века и образ самой России в целом отличался переплетением компонентов рационального и иррационального характера, из которых последние основаны

были на собственно немецких идеологических установках того периода, надеждах и ожиданиях, возникающих в германском обществе по мере динамики его внутренних проблем и противоречий. И насколько демонизировалась павловская Россия на этапе после Французской революции, настолько идеализировалась она на этапе после победы над Наполеоном⁷²⁶. И олицетворением России как политической единицы в немецких глазах традиционно служил ее император.

В случае же с использованием британской прессы как источника необходимо признать, что определяющим фактором для оценок в ней было то, насколько конкретные события, в которых принимал участие Александр I, отвечали английским прагматическим интересам. И эту тенденцию можно назвать для англичан характерной, поскольку она прослеживается и в другие годы, в отношении других фигур на русском престоле. Так, мы помним, что статичным в изложении британских газет не будет и образ Николая II: в пору, когда он выступит инициатором проведения Гаагской конференции, корреспонденты с Туманного Альбиона будут употреблять в его адрес почти исключительно термин «миротворец»; когда же политические интересы Великобритании окажутся в противоречии с российскими – именно сам образ российского императора станет мощным инструментом русофобской пропаганды⁷²⁷.

Однако ближе всего образ Александра I в британской прессе оказывается к образу в ней другого Романова – Петра I, для которого диапазон оценок на страницах газет в Великобритании точно так же распадался от «порочного, жестокого чудовища, хотя и одаренного организационным гением» до того, из кого «сделать настоящего героя невозможно» и кто вознесся на

⁷²⁶ Заиченко О. В. Проекция разочарований и надежд: «русский вопрос» в контексте немецкого внешнеполитического дискурса первой трети XIX века: эссе по исторической имагологии. М., 2018. С. 196.

⁷²⁷ Галкина О.И. «Царь-миротворец» и «отец народа»: образ Николая II на страницах британской прессы в конце XIX – начале XX вв. // «Свои» и «другие»: взаимодействие и восприятие культур Запада и России: к юбилею Виктора Леонидовича Малькова. СПб., 2020. С. 296.

международный политический Олимп благодаря «невероятной случайности»⁷²⁸. Свою роль в обобщении черт двух этих российских императоров в глазах англичан, вероятно, сыграли два обстоятельства: то, что Александр стал первым после Петра российским правителем, которого англичане увидели воочию – и потому петровский образ неизбежно всплывал в их памяти в качестве усвоенного «образца» русского государя – и то, что усвоенные ими еще в раннее Новое время стереотипы о Руси/России предполагали, что русские люди не могут жить без тирана во главе, следовательно, только тираном и может быть любой их правитель. То же, что Александр, подобно своему знаменитому прапрадеду, демонстрировал за границей открытую тягу к просвещению, представало для английской публики, безусловно, положительной чертой, но не опровержением глубинному варварству, которое мыслилось ими для русских имманентным. Новое в оценках состояло в том, что Александра, в отличие от его предка, газетчики уже не именовали «европейцем по уму, азиатом в забавах, дикарем в ярости», в самом деле стараясь проследить его индивидуальные черты.

Существенное расхождение между образом Александра I в немецкой прессе и его образом в британской можно объяснить разностью социокультурного облика двух этих наций (национал-романтизм в немецких землях и прагматизм в Англии), различиями их внутренних политических повесток в исследуемый период (необходимость национального возрождения в Германии и желание удержать свои позиции на мировой арене в Великобритании), а также сложившимися особенностями неформальных отношений между российским императором и правителями соответствующих государств. Всё это послужило причинами сосуществования подчас взаимоисключающих представлений об Александре I, в зависимости от контекста представавшим как освободитель или палач, герой или бесхарактерная натура, просвещенный монарх или деспот варварской державы.

⁷²⁸ Энтони Кросс. Английский Петр. Петр Великий глазами британцев XVII—XX веков. СПб., 2013. С. 178–179.

Таким образом, исходившие от Александра I саморепрезентации не нашли полного понимания в глазах зарубежной (английской и немецкой) публики. Последняя охотно откликалась на его частные попытки завоевать народную любовь демонстрацией скромности и человечности, щедрости и открытости – но весьма ограниченно постигала суть его глобально-идеологических манифестаций.

Отправной точкой религиозных самопрезентаций Александра I служило его позиционирование себя в качестве смиренного верующего, развивавшееся им с эпохи войны 1812 г., когда под ударами военных неудач российский император пришел к искренней вере. Подобное амплуа закрепилось за ним в сознании иностранной публики достаточно прочно, судя по тому, что его воспроизводят даже газетные некрологи в то время, когда многое в личности этого монарха уже было переосмыслено критиками. Сравнительный успех имело и развитие этой саморепрезентации в другую, более высокоуровневую – когда Александр I стал преподносить себя в качестве орудия Провидения, призванного противостоять Наполеону как «гению зла»: в первой половине 1810-х гг. в прессе звучали идеи о том, что победа была ниспослана России не иначе как за веру и смирение ее правителя и что император Александр лично рассеял зло, возвращенное Бонапартом.

Сложнее дело обстояло с теми репрезентациями, которыми российский император окружал деятельность созданного его вдохновением Священного союза. Для него самого это объединение имело смысл морального завета, на основании которого в дальнейшем уже надлежало выработать некие практические договоренности; в определенном смысле это был компендиум его веры. И можно говорить о том, что, по крайней мере, часть наблюдателей (в немецкой прессе) вслед за Александром Павловичем действительно увидели в этом союзе попытку замены извечной вражды и насилия на геополитическом поле отношениями единой религиозной морали и братства во Христе; воспринята была и идея императора с уподоблением союза монархов союзу библейских волхвов – поскольку долгое время Священный союз в газетах

именовали именно Heilige Bund. В то же время другой сегмент публики (с британских берегов) диаметрально переворачивал символику Священного союза, иронизируя над заложенными в него Александром I христианскими коннотациями – что говорит о том, что эта его репрезентация была замечена обществом, но не была принята.

Наконец, важной составляющей религиозных репрезентаций Александра I были совместные богослужения с союзными монархами. Начав развивать эту линию еще до создания Священного союза и продолжив в его рамках, российский император разработал наполненный символическими смыслами церемониал, который, по-видимому, остался недооцененным теми, к кому был обращен – в прессе мы видели чисто внешнее описание нескольких (отнюдь не всех!) из этих богослужений без сколько-нибудь существенного внимания к ним и осмысления их символического контекста.

Источники

1. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. 2. Т. 1 (9), 2 (10).
2. Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими от заключения всеобщего мира в 1814 до конгресса в Вероне в 1822 году, ч. 1. Акты публичные. Т. 2. Спб., 1825.
3. Законодательство императора Александра I. 1812–1825 годы /Сост. и автор вступ. ст. В.А. Томсинов. М., 2011.
4. Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы. Том 3: 1815–1832 / Андреев А.Ю., Тозато-Риго Д. М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 967 с.
5. Полное собрание законов (ПСЗ) Российской империи. Собрание первое. Т. 33, 38. СПб., 1830.
6. Briefe von und an Friedrich von Gentz. Bd. 3: Schriftwechsel mit Metternich. T. 1: 1803–1819. Berlin-München, 1913. – XIII, 485 S.

НЕМЕЦКИЕ ГАЗЕТЫ

1. Allgemeine Literatur-Zeitung, 1812–1825
2. Allgemeiner Anzeiger der Deutschen, 1812–1825
3. Allgemeine Zeitung, 1812–1825
4. Aschaffenburgische Zeitung, 1822–1823
5. Augsburger Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten (Augsburger Postzeitung), 1812–1825
6. Baierische National-Zeitung, 1812–1825
7. Bauern-Zeitung aus Frauendorf, 1819–1825
8. Bayreuther Zeitung, 1812–1825
9. Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen, 1812–1825
10. Bremer Zeitung, 1812–1825
11. Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses, 1814–1815
12. Der bayerische Volksfreund, 1824

13. Der Friedens- u. Kriegs-Kurier, 1822–1825
14. Deutsche Blätter, 1813–1815
15. Deutscher Beobachter oder privilegierte hanseatische Zeitung, 1815–1819
16. Deutsche Zeitung, 1785
17. Eos: eine Zeitschrift aus Baiern, zur Erheiterung u. Belehrung, 1823
18. Erlanger Real-Zeitung, 1813–1822
19. Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung (Zeitung des Großherzogthums Frankfurt), 1812–1825
20. Fränkischer Merkur (Bamberger Zeitung), 1812–1825
21. Hamburgisches Morgenblatt, 1816–1817
22. Haude- und Spencersche Berliner Zeitung, 1805
23. Jenaische allgemeine Literatur-Zeitung, 1812-1825
24. Kourier an der Donau: Zeitung für Niederbayern, 1813
25. Leipziger Literaturzeitung, 1812–1825
26. Literarisches Wochenblatt (Blätter für literarische Unterhaltung), 1818–1819
27. Morgenblatt für gebildete Stände, 1822
28. Münchener politische Zeitung, 1812–1825
29. National-Zeitung der Deutschen, 1814–1825
30. Neckar-Zeitung, 1822–1823
31. Neue Breslauer Zeitung, 1820–1825
32. Neuer rheinischer Merkur, 1819
33. Neue Speyerer Zeitung, 1816–1825
34. Neueste Weltbegebenheiten, 1812–1825
35. Oppositions-Blatt oder Weimarische Zeitung, 1817–1820
36. Regensburger Zeitung, 1814–1823
37. Rheinische Blätter, 1816–1820
38. Rheinischer Merkur, 1814–1816
39. Westphälischer Moniteur, 1812–1813
40. Zeitung für die elegante Welt, 1812–1825

АНГЛИЙСКИЕ ГАЗЕТЫ

1. Aberdeen Press and Journal, 1812–1825
2. Anti-Gallican Monitor (British Monitor), 1812–1825
3. Baldwin's London Weekly Journal, 1812–1825
4. Belfast Commercial Chronicle, 1812–1825
5. Bell's Life in London and Sporting Chronicle, 1822–1825
6. Bell's Weekly Messenger, 1812–1825
7. Birmingham Chronicle, 1819–1825
8. Bombay Gazette, 1812–1825
9. Bristol Times and Mirror, 1814
10. Caledonian Mercury, 1812–1825
11. Cheltenham Chronicle, 1812–1825
12. Chester Chronicle, 1814–1815
13. Chester Courant, 1812–1825
14. Cobbett's Weekly Political Register, 1812–1825
15. Commercial Chronicle, 1818
16. Cumberland Pacquet, and Ware's Whitehaven Advertiser, 1812–1825
17. Derby Mercury, 1812–1825
18. Dorset County Chronicle, 1824–1825
19. Dublin Morning Register, 1824–1825
20. Durham County Advertiser, 1814
21. Evening Mail, 1812–1825
22. Felix Farley's Bristol Journal, 1812–1825
23. Government Gazette (India), 1812–1825
24. Hampshire Chronicle and Southampton Courier, 1812–1825
25. Hampshire Telegraph, 1812–1825
26. Hereford Journal, 1812–1825
27. Hull Packet, 1815–1818
28. Inverness Journal and Northern Advertiser, 1812–1825
29. Kentish Chronicle, 1812–1825

30. Kentish Gazette, 1812–1825
31. Kentish Weekly Post or Canterbury Journal, 1812–1815
32. Lancaster Gazette, 1812–1825
33. Leicester Chronicle, 1815
34. Liverpool Mercury, 1812–1825
35. London Chronicle, 1815
36. London Courier and Evening Gazette, 1812–1825
37. London Moderator and National Adviser, 1814
38. Morning Advertiser, 1812–1825
39. Norfolk Chronicle, 1814–1815
40. North Devon Journal, 1824–1825
41. Nottingham Gazette, and Political, Literary, Agricultural & Commercial Register for the Midland Counties, 1813–1815
42. Perth (Perthshire) Courier, 1812–1825
43. Public Cause, 1815
44. Public Ledger and Daily Advertiser, 1812–1825
45. Roscommon & Leitrim Gazette, 1822–1825
46. Royal Cornwall Gazette, 1812–1825
47. Saint James's Chronicle, 1812–1825
48. Saunders's News-Letter, and Daily Advertiser, 1812–1825
49. Staffordshire Advertiser, 1812–1825
50. Statesman (London), 1812–1824
51. The Barbados Mercury and Bridge-town Gazette, 1812–1825
52. The Bath Chronicle, 1812–1825
53. The Belfast Commercial Chronicle, 1812–1825
54. The Bristol Mercury, 1812–1825
55. The British Luminary And Weekly Intelligencer, 1818–1823
56. The British Press, 1812–1825
57. The Bury and Norwich Post, 1812–1825
58. The Cambridge Chronicle and Journal, 1812–1825

59. The Champion (London), 1813–1822
60. The Constitution, 1818
61. The Derby Mercury, 1812–1825
62. The Dublin Evening Post, 1812–1825
63. The Dublin Mercantile Advertiser, and Weekly Price Current, 1823–1825
64. The English Chronicle and Whitehall Evening Post, 1812–1825
65. The Examiner, 1812–1825
66. The Globe, 1812–1825
67. The Huntingdon, Bedford & Peterborough Gazette, 1813–1825
68. The Imperial Weekly Gazette and Westminster Journal, 1812–1823
69. The Leeds Intelligencer, 1812–1825
70. The Leeds Mercury, 1812–1825
71. The London Packet and New Lloyd's Evening Post, 1812–1825
72. The Manchester Guardian, 1821–1825
73. The Manchester Mercury, 1812–1825
74. The Mirror of the Times, 1812–1823
75. The Morning Herald (London), 1812–1825
76. The Morning Chronicle, 1812–1825
77. The Morning Post, 1812–1825
78. The National Register (London), 1812–1823
79. The News (London), 1812–1825
80. The New Times (London), 1818–1825
81. The Northampton Mercury, 1812–1825
82. The Oxford University and City Herald, 1812–1825
83. The Public Ledger and Daily Advertiser, 1812–1825
84. The Salisbury and Winchester Journal, 1812–1825
85. The Scotsman, 1817–1825
86. The Southampton Herald, 1824
87. The Stamford Mercury, 1812–1825
88. The Star, 1812–1825

89. The Suffolk Chronicle, or Weekly General Advertiser & County Express, 1812–1825
90. The Sun, 1812–1825
91. The Sunday Monitor, 1815
92. The Taunton Courier, and Western Advertiser, 1812–1825
93. The Tyne Mercury, or Northumberland and Durham and Cumberland Gazette, 1812–1825
94. The Waterford Mail, 1823–1825
95. The Westmorland Advertiser and Kendal Chronicle, 1812–1825
96. The Westmorland Gazette and Kendall Advertiser, 1818–1825
97. Warwick and Warwickshire Advertiser, 1823–1825
98. Weekly Dispatch (London), 1812–1825
99. Westmeath Journal, 1823–1825

прочие газеты

1. Conservateur Impartial, 1817
2. Der aufrichtige und wohlerfahrene Schweizer-Bote, 1814

Литература

1. Айдунова Т.Ю. Образ Петра I в консервативной публицистике // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. научно-образовательный и прикладной журнал, 2019, № 1 (201). С. 9–18.
2. Айдунова Т.Ю. Трансформация образа Петра I в исторических представлениях российских монархов XVIII–XIX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. научно–теоретический журнал: Вып. 3. Ставрополь, 2018. С. 17–22.
3. Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 4 т. Т. 1. Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. М.: Кучково поле, 2017. – 608 с.
4. Андреев А.Ю. Император Александр I, митрополит Московский Филарет и идеи Священного союза // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. Т. 13. М., 2017. С. 104–121.
5. Андреев А.Ю. «Литургика» Священного союза: к вопросу о религиозных взглядах Александра I // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. Т. 12. М., 2016. С. 123–154.
6. Андреев А.Ю. Начало «нового века»: рождественская символика в царствовании Александра I // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. Т. 44, № 1. М., 2012. С. 40–48.
7. Андреев А.Ю. «Политическая теология» императора Александра I: идеи, репрезентации, практика // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. М., 2022. Т. 106. С. 62–80.
8. Бавыкин Ю.В. Интересы и роль России в образовании королевства Нидерландов: династический союз с Оранскими как инструмент внешней

- политики Александра I // Вестник МГИМО-Университета, 2017, № 4(55). С. 25–46.
9. Баринова Е.П. Образ Николая II в сознании русского общества // Третьи Ознобишинские чтения: Сб. материалов. Инза; Самара, 2005. С. 13–16.
10. Беглов С.И. Четвертая власть: британская модель. М.: Изд-во МГУ, 2002. – 256 с.
11. Безотосный В. Два императора: великий полководец и великий дипломат в судьбе Европы (Александр I и Наполеон) // Родина, 2002, № 8. С. 6–9.
12. Бескровный Л.Г. Великий русский полководец Михаил Илларионович Кутузов // Агитатор и пропагандист Красной Армии, 1945, № 9. С. 20–30.
13. Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. – 611 с.
14. Бессчастная Е.В. У истоков периодической печати: английская пресса XVII века и ее общественная роль // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза: Сборник научных трудов. Вып. II. М.: Московский педагогический государственный университет, 2011. С. 282–287.
15. Борисова А.В. Образ императора Александра I в трудах современников и исследователей XIX в. // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2010, № 1 (11). С. 3–7.
16. Брагин М. Разгром Наполеона русской армией // Воен.-ист. журн, 1941, № 6–7.
17. Бугаева Н.А. Петр I в русском общественном сознании конца XVII – первой четверти XVIII века: формирование нового образа государя в России: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (07.00.02). Омск: Изд-во Омского государственного педагогического университета (ОмГПУ), 2008. – 25, (1) с.
18. Буганов А.В. Отношение к русским царям в народном сознании XIX – начала XX веков // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2002. С. 253–260.

19. Бутучел Р. «Он освободил не только крестьян...»: Румынский образ Царя-Освободителя // Родина: исторический научно-популярный журнал. 2014, № 4. Специальный выпуск: «Александр II. Реформы». С. 44.
20. Вехов Н. «Воспроизвести природу во всех деталях». Первая русская научная экспедиция в Бразилию // Наука и жизнь, 2016, № 4. С. 86–97.
21. Виниченко В.М. О некоторых особенностях английской прессы XIX века // Журналистика XXI века: исторический опыт и современное развитие Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. А.А. Магометова. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2019. Вып. XIX. С. 213.
22. Галкина О.И. «Царь-миротворец» и «отец народа»: образ Николая II на страницах британской прессы в конце XIX – начале XX вв. // «Свои» и «другие»: взаимодействие и восприятие культур Запада и России: к юбилею Виктора Леонидовича Малькова. СПб., 2020. С. 275–296.
23. Дипломатический словарь. М., 1985. Т. 1.
24. Еремин В.С. Образ российских императоров на страницах шотландского ежеквартального книжного обозрения "The Edinburgh Review" в первой четверти XIX в. // Гуманитарные и юридические исследования, 2018. С. 43–51.
25. Ермасов Е.В. Петр I и Россия в немецкой публицистике первой четверти XVIII века: дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук (07.00.02). Саратов, 2000.
26. Жилин П.А. Контрнаступление Кутузова в 1812 году. М., 1950.
27. Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914 гг. М.: РГГУ, 2012. – 1140 с.
28. Заиченко О.В. Проекция разочарований и надежд: «русский вопрос» в контексте немецкого внешнеполитического дискурса первой трети XIX века: эссе по исторической имагологии. М.: Весь мир, 2018. – 364 с.
29. Зак Л.А. Монархи против народов. Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи. М., 1966. – 376 с.
30. Захарова О.Ю. Н.Г. Репнин-Волконский – участник Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813–1814 гг. // Отечественная война 1812 года.

- Источники. Памятники. Проблемы: материалы XXI Международной научной конференции, 4–6 сентября 2017 г. М., 2018. С. 224–233.
31. Земцов В.Н. 1812 год. Пожар Москвы: Монография. М.: Книга, 2010. – 138 с.
 32. Земцов В.Н., Попов А.И. Бородино. Южный фланг. М.: ООО Издательство «Киизга», 2009. – 104 с.
 33. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 416 с.
 34. Ибнеева Г.В. Образ Екатерины II в ранних сочинениях И. Г. Гердера // Россия и Балтия. М.: Наука, 2006. С. 7–15.
 35. Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы. Том 3: 1815–1832 / Андреев А.Ю., Тозато-Риго Д. М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 967 с.
 36. История внешней политики России. Первая половина XIX века. От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г. М., 1999.
 37. Кизеветтер А.А. Император Александр I и Аракчеев // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. Из истории политических идей. Школа и просвещение. Русский город в XVIII в. Из истории России в XIX столетии. М., 1912. С. 287–401.
 38. Кинг Д. Битва дипломатов, или Вена, 1814 /Пер. И.В. Лобанова. М.: АСТ, 2010. Серия: Историческая библиотека (новая). – 480 с.
 39. Кирьяш О.А. Образ Петра I в сознании европейского сообщества XVIII века: между варварством и варварством // ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО: человек варварского мира и варварский мир человека (Часть 1) / Ред. В.П. Буданова. М.: Аквилон, 2017. Вып. VI. – 294 с. – С. 173–183.
 40. Кишина Е.В. Комплексное исследование категории «свойственность – чуждость» в русском языке // Вестник Томского государственного университета, 2009, № 320. С. 11–14.
 41. Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 5. Курс русской истории. Ч. 5 / Под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1989. – 476 с.

42. Конанова Е.И. Мифологический образ Петра I в сочинениях Ф. Прокоповича и В. Н. Татищева // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Научно-образовательный и прикладной журнал, 2007, № 4 (140). С. 67–71.
43. Кром М.М. Отечественная история в антропологической перспективе // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. М., 2003. С. 179–202.
44. Кросс Э. Британский взгляд на Россию: происхождение, живучесть и изменение национальных стереотипов мышления в период с XVI в. до Крымской войны // От Елизаветы I до Елизаветы II: проблемы британской истории в Новое и Новейшее время: сб. статей. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. С. 21–32.
45. Кросс Э. В кривом зеркале: Россия в британской карикатуре в конце XVIII – начале XIX века // Пинакотека, 2004, № 18–19. С. 74–82.
46. Кросс Э.Г. У Темзских берегов: Россияне в Британии в XVIII веке [Пер.с англ.] СПб.: Академический проект, 1996. – 384 с.
47. Кузнецов И.Н. Образ царя в сознании крестьянства Вологодской губернии во второй половине XIX – нач. XX в. // Вестник архивиста, 2013, № 3. С. 215–226.
48. Кузнецова И.В. Образ Петра I в оценке петербургских западников (40–50-е годы XIX в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. Научно-теоретический журнал: Вып. 1. СПб., 2007. С. 27–30.
49. Кулачков В.В. Специфика отражения образа императора в правовом сознании крестьян Орловской губернии периода Первой мировой войны // История государства и права. Научно–правовое издание. 2016, № 9. С. 56–59.
50. Лависс Э., Рамбо А.Н. История XIX века. В 8 т. М., 1938–1939.
51. Лаптева М.П. «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики: дисс. на соискание уч. степ. доктора филологических наук: 10.02.01. Астрахань, 2012.

52. Леонтьева О.Б. «Страшен царь Петр»: образ Петра Великого в культуре пореформенной России (1860–1880-е гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2008, т. 10, № 1. С. 36–47.
53. Леонтьева О.Б. «Трудно быть императором»: император Павел I в исторической памяти рубежа XIX–XX вв // Вестник СамГУ. 2012. № 8/1 (99). С. 66–70.
54. Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814 / Д. Ливен; [пер. с англ. А.Ю. Петрова]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 679 с.
55. Лобачева Г.В. Самодержец и Россия: образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX – начало XX в.) Саратов: СГТУ, 1999.
56. Макарова Т.А. Роль Александра I в международных отношениях и предпосылки создания Священного союза // Вестник ВолГУ. Серия 4. 2008, № 1 (13). С. 164–169.
57. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 7. СПб., 1885.
58. Матвеева А.А. Оценочная параметризация лингвокультурологической категории «свой-чужой» в английском языке. Уфа, 2012. С. 206–223.
59. Матвеев О.В. Государь реальный и ожидаемый: образ Александра II в исторических представлениях кубанских казаков // Вестник Российского университета Дружбы Народов. Серия: История России. 2009, № 1. С. 5–12.
60. Медяков А.С. Война формата 9×14. Открытки в немецкой «культуре войны» 1914–1918 гг. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. Университет Дмитрия Пожарского, 2021. – 464 с.
61. Медяков А.С. Первая Мировая как «война культур» в немецких, французских и русских открытках 1914–1918 гг. // Франция – Россия, 1914–1918 гг.: от альянса к сотрудничеству (Материалы франко-российского коллоквиума). М: РОССПЭН, 2015. С. 219–234.
62. Мироненко С.В. Александр I и декабристы: Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М.: Кучково поле, 2016. – 400 с.

63. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в первой четверти XIX в. М.: Наука, 1989. – 240 с.
64. Митрофанов А.А., Промыслов Н.В., Прусская Е.А. Россия во французской прессе периода Революции и Наполеоновских войн (1789–1814). М.: Политическая энциклопедия, 2019. – 240 с.
65. Мойсинович А.М. Образ Николая II в политической карикатуре периода первой русской революции // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2015, № 3 (33), апрель–июнь. С. 16–22.
66. Мухин О.Н. Петр I – царь-харизматик: изменение сакрального образа правителя в России раннего Нового времени // Политическая культура в истории Германии и России: сб. научных статей. Сер. «Германские исследования в Сибири» / Отв. ред. Л.Н. Корнева, С.А. Васютин. Кемерово, 2009. С. 373–385.
67. Надлер В.К. Император Александр I и идея Священного союза. Рига: издание книгопродавца Киммеля, 1886–1892. В 5 т.
68. Новиков А.В. Монархические настроения и образ Николая II в повседневной культуре рабочих, крестьян и городских обывателей в период первой российской революции // Романовские чтения. Династия Романовых и российская культура: материалы конф., Кострома, 25–26 марта 2010 г. / сост. и науч. ред. А.Д. Шипилов. Кострома: Изд-во Костромского государственного университета (КГУ), 2010. С. 97–105.
69. Окунь С.Б. Очерки истории СССР: конец XVIII – первая четверть XIX в. Л.: Учпедгиз. Ленингр. отд-ние, 1956. – 416 с.
70. Орлик О.В. Россия в международных отношениях 1815–1829 гг. (От Венского конгресса до Адрианопольского мира). М., 2002.
71. Орлова О.Г. Стереотипы о России и русских. Кемерово, 2011. – 154 с.
72. Орлов А.А. Ланкастерские школы в России в начале XIX в. // Педагогика и психология образования, 2013, № 1. С. 11–20.

73. Пальцын Ю.С. Образ императора Николая II по материалам газет Пермской губернии 1917 года // Церковь. Богословие. История: материалы VI Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 10–12 февраля 2018 г.). Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2018. С. 68–74.
74. Парсамов В.С. Александр I в 1812 году: поиск роли // Известия Саратовского университета. Сер. История. Право. Международные отношения. 2005. Т. 5, вып. 1–2. С. 12–21.
75. Парсамов В.С. Александр I и проблема общеевропейского единства в 1814–1815 гг. // Вестник истории, литературы и искусства. Т. 4. М., 2007. С. 312–323.
76. Парсамов В.С. Священный союз и его интерпретаторы // Россия и современный мир, 2017, № 4 (97). С. 45–60.
77. Полунов А.Ю. Земский собор, образ «Белого царя» и политика России по отношению к отдаленным народам в конце XIX – начале XX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви, 2021, № 99 (март–апрель). С. 63–77.
78. Полчаева Ф.А., Касымов Д.А. Образ Петра I в исторической памяти населения Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16, № 4. С. 888–899.
79. Попов А.И. Бородино. Северный фланг. 2-е изд., испр. и доп. М., 2008. – 104 с.
80. Предтеченский А. Отечественная война 1812 года // Исторические записки, 1941, № 7–8.
81. Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 456 с.
82. Пресняков А.Е. Александр I. Пг.: Брокгауз и Ефрон, 1924. – 189 с.
83. Прусская Е.А. Образ России в прессе Восточной армии Бонапарта (1798–1801 годы) // Новая и новейшая история, 2012, № 4. С. 176–182.
84. Пыпин А.Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I: в 3 т. Т. 1: Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916. – IX, 486 с.

85. Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I. Спб.: издание «Вестника Европы», 1871. – 487 с.
86. Ремнев П.А. Трансформация образа Александра I в восприятии декабристов // Вестник Омского университета, 2010, № 2 (56). С. 179–187.
87. Ростиславлева Н.В. Политическая пресса в немецком герцогстве Баден в 20–30-е годы XIX века // Европейский альманах. М., 2004. С. 93–104.
88. Самойлов Н.А., Ли Суйань. Образ Советского союза в китайских учебниках 1950-х годов // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2012. Вып. 4. С. 14–21.
89. Самойлов Н.А. Образ Петра Великого и идеология реформаторского движения в Китае в конце XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 4. С. 107–114.
90. Самойлов Н.А. Эволюция образа России в Китае в начале XX века: ключевые факторы и методология изучения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2019. Т. 11. Вып. 1. С. 28–39.
91. Сахаров А.Н. Александр I. М.: Наука, 1998. – 288 с.
92. Свиридова А.С. Английская периодическая печать на пути к статусу «Четвертой власти» в XVII–XIX вв. // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Вып. VI. Брянск: Курсив, 2020. С. 101–107.
93. Сироткин В.Г. Наполеон и Александр I: Дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801–1812 гг. М.: Эксмо, 2003. – 416 с.
94. Соколов А.Б. Прав ли Маркс?: Заметки о британской политике по отношению к России в XVIII веке // Родина, 2014, № 10. С. 8–15.
95. Соколов В.С., Виноградова С.М. Периодическая печать Великобритании. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2000. – 112 с.
96. Соловьев С.М. Император Александр I. Политика, дипломатия. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 639 с.
97. Сухова О.А. Образ «царя» в массовом сознании российского крестьянства в начале XX в.: По материалам Пензенской губернии // Крестьянство и власть Среднего Поволжья: Материалы VII межрегион. науч.-практ. конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Саранск, 2004. С. 194–200.

98. Тендит К.Н. История журналистики. Т. 33. Ч. 1: учеб. пособие / К.Н. Тендит, Н.В. Шелковникова. Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2012. – 155 с.
99. Тихвинский С.Л. Восприятие в Китае образа России. М.: Наука, 2008. – 244, [2] с.
100. Троицкий Н.А. Александр I и Венский конгресс // Известия Саратовского университета. Сер. История. Право. Международные отношения. 2005. Т. 5, вып. 1–2. С. 3–12.
101. Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М.: Высшая школа, 1994. – 304 с.
102. Троицкий Н.А. Александр I против Наполеона. М.: Яуза: Эксмо, 2007. – 414 с.
103. Троицкий Н.А. Россия в XIX веке. Курс лекций. М.: Высшая школа, 1997. – 431 с.
104. Трубицына И.В. Зарождение и развитие английской журналистики. Английские периодические издания XVII в. и памфлет английской буржуазной революции: диссертация на соискание уч. степ. кандидата исторических наук: 07.00.10. – М., 1981. – 201 с.
105. Трыков В.П. Зарубежная журналистика XIX века. М.: Издательство ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004. – 608 с.
106. Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии российской монархии. М.: ОГИ, 2002. Т. 1. – 605 с.; Т. 2. – 796 с.
107. Устименко Г.А. Образ императора Александра II в публикациях журнала «Исторический вестник» (1881–1894 годы) // Шестые Байкальские международные социально–гуманитарные чтения [Текст]: материалы: в 3 т. Иркутск: Изд–во ИГУ, 2012. Т. 3. С. 35–38.
108. Фабрикант М.С. Интимность империи: образы императоров дома Романовых в белорусской исторической памяти // 400-летие Дома Романовых: политика памяти и монархическая идея, 1613–2013. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2016. С. 213–231.

109. Формирование и развитие политики средних германских государств и их взглядов на реформу Германского союза в 1815–1848 гг. // Даценко П.А. Проекты реформирования Германского союза и политика средних германских королевств в 1849–1864 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. ГАУГН. М., 2019.
110. Хартли Дж.М. Александр I. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
111. Цветков С.Э. Александр I: Беллетризованная биография. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 1999. – 587 с.
112. Цымбурский В.Л. Циклы «похищения Европы». Большое примечание к статье «Остров Россия» // Русский архипелаг. Сетевой проект «Русского мира». URL: https://archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/comment/ (дата обращения: 21.02.2023).
113. Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя: Монография. /Пер. с англ. Н.Б. Черных-Кедровой. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 1999. – 693 с.
114. Червяков Д. М.И. Кутузов – организатор партизанской борьбы в Отечественной войне 1812 года: к 200-летию со дня рождения // Агитатор и пропагандист Красной Армии, 1945, № 17. С. 31–37.
115. Черкасская Н.А. Образ Николая I в источниках личного происхождения: русско-польский дискурс // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2021, т. 6, № 2. С. 24–29.
116. Чернов А.В. Проект «Всеобщего союза» Иоанна Каподистрии // МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ ИМНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ РОССИЯ: Материалы III Международной междисциплинарной конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки, почетного профессора РУДН, академика МАН ВШ Тамары Васильевны Батаевой: в 2 частях /Отв. ред. Н.В. Болдовская, Л.А. Терентьева. Ч. I. Актуальные проблемы отечественной истории и исторической науки: II половина XIX – начало XXI века. М.: Изд-во РУДН, 2010. С. 381–392.
117. Чернов А.В. Проекты «вечного мира» и «европейского союза» во внешней политике России в первой четверти XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2013, № 4. С. 31–39.

118. Чиканова Н.А. Анекдоты об Александре II как отражение образа императора в социальной памяти потомков // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых. Вып. 13. Омск: Изд-во Омского государственного педагогического университета (ОмГПУ), 2009. С. 4–11.
119. Шебунин А.Н. Европейская контр-революция в первой половине XIX века. Ленинград: Сеятель, 1925. – 232 с.
120. Шеваренкова Ю.М. «Про царя мне папка рассказывал, он царя видел»: (Образ Николая II в устной народной летописи Серафимо-Дивеевского монастыря) // Традиционная культура: научный альманах, 2011, № 3 (43). С. 107–120.
121. Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1897–1898. В 4 тт.
122. Шукуров Р.М. Чужое: опыты преодоления: Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999. – 380 с.
123. Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989. – 176 с.
124. Эко У. Отсутствующая структура. СПб., 2004. – 531 с.
125. Ярославцев А. Стратегия Кутузова в войне 1812 года // Военная мысль, 1945, № 9.
126. A Catalogue of Books, Newspapers, &c. / Printed by John Bell, of the British Library, the Morning Post, Bell's Weekly Messenger, &c. [...] Exhibited at the First Edition Club, London, 15 April – 5 May, 1931. London, 1931.
127. Altick R.D. The English Common Reader, 2nd ed. 1998.
128. Aspinall A. Politics and the Press, 1780–1850. New York, 1949. – 511 pp.
129. Bertier de Sauvigny G. La Sainte-Alliance. Paris, 1972.
130. [Bessell G.] 150 Jahre Carl Schünemann Bremen, 1810–1960: die Geschichte eines Bremer Druck- und Verlagshauses. Bremen: Schünemann, 1960. – 137 S.
131. Bischoff J. Grundlage zur Geschichte der Erlanger Real-Zeitung 1741–1829. Erlangen: Veste, 19XX.
132. Blumenauer E. Journalismus zwischen Pressefreiheit und Zensur: die Augsburger "Allgemeine Zeitung" im Karlsbader System (1818–1848). Köln, 2000.

133. Bourne H.R. English Newspapers: Chapters in the History of Journalism. London, 1887. Vol. 1–2.
134. Böning H. Intelligenzblätter in Preußen // Bernd Söseemann (Hg.): Kommunikation und Medien in Preußen vom 16. Bis zum 19. Jh. 2002. S. 207–238.
135. Brake L., Demoor M. Dictionary of Nineteenth-Century Journalism in Great Britain and Ireland. Gent: Academia Press, 2009.
136. Breil M. Die Augsburger "Allgemeine Zeitung" und die Pressepolitik Bayerns: ein Verlagsunternehmen zwischen 1815 und 1848. Tübingen: Niemeyer, 1996.
137. Cross A.G. Peter the Great through British Eyes. Cambridge University Press, 2000.
138. Dethloff M. Die Zensur des Rheinischen Merkur. 2002.
139. Dovifat E. Zeitungslehre I: Theoretische und rechtliche Grundlagen, Nachricht und Meinung, Sprache und Form. (Aufl. von Jürgen Wilke). Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1978.
140. Dovifat E. Zeitungslehre II: Redaktion, die Sparten Verlag und Vertrieb, Wirtschaft und Technik, Sicherung der Öffentlichen Aufgabe. (Aufl. von J. Wilke / Sammlung Gosche). Berlin, 1976.
141. Gerabek W.E. Jenaische allgemeine Literatur-Zeitung // Enzyklopädie Medizingeschichte. De Gruyter, Berlin – New York, 2005. S. 695.
142. Geschichte der deutschen Presse: Lehrbrief 3, Die deutsche Presse in der Hauptperiode von 1789–1830. Teil 1: Zur Funktion der deutschen Presse von der Französischen Revolution bis zu den Befreiungskriegen und dem Wiener Kongress (1789–1815) / Hrsg. von Günter Bialowons. Leipzig: Karl-Marx-Univ., Sektion Journalistik, 1976.
143. Groth O. Die Geschichte der deutschen Zeitungswissenschaft: Probleme und Methoden. München, 1948.
144. Handbuch der Hessischen Geschichte. Band 4.2: Hessen im Deutschen Bund und im neuen Deutschen Reich (1806) 1815–1945 / Hrsg. W. Heinemeyer usw. Marburg, 2003.

145. Heyck E. Die Allgemeine Zeitung 1798–1898 // Beiträge zur Geschichte der deutschen Presse. München, 1898. Pp. 15–81.
146. Hunt F.K. The Fourth Estate: Contributions Towards a History of Newspapers, and of the Liberty of the Press. 1850. Vol. 1–2.
147. Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ad. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam, 2007.
148. Kindt H. Görres' Rheinischer Merkur und die deutsche Presse seiner Zeit. Braunschweig: Limbach, 1936.
149. Körber E-B. Görres und die Revolution: Wandlungen ihres Begriffs und ihrer Wertung in seinem politischen Weltbild 1793 bis 1819. Matthiesen, 1986. – 116 S.
150. Koszyk K. Deutsche Presse 1914–1945 // Geschichte der deutschen Presse. Teil III, Bd. 7. Berlin, 1972.
151. Koszyk K. Deutsche Presse im 19. Jahrhundert // Geschichte der deutschen Presse. Teil II, Bd.6. Berlin, 1966.
152. Koszyk K. Deutsche Presse im Ersten Weltkrieg. Düsseldorf, 1968.
153. Koszyk K. Pressepolitik für Deutsche 1945–1949 // Geschichte der deutschen Presse. Teil IV, Bd. 10. Berlin, 1986.
154. Lake B. British Newspapers: A History and Guide. London, 1984.
155. Lange J. Stellung der überregionalen katholischen deutschen Tagespresse (Band 40 von Europäische Hochschulschriften: Geschichte und ihre Hilfswissenschaften), Herbert Lang Verlag, Frankfurt/M., 1974.
156. Las Cases E.-A.-D. Memoirs of the Life, Exile, and Conversations of the Emperor Napoleon. Worthington Company, 1890. Vol. 1–4.
157. Leerssen J. Imagology: History and Method // Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ad. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam, 2007. P. 17–32.
158. Lieven D. In the Shadow of the Gods: The Emperor in World History. Viking, 2022. – 528 p.
159. Lindemann M. Deutsche Presse bis 1815 // Geschichte der deutschen Presse. Teil 1. Berlin, 1969.

160. Malia M. *Russia under Western eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Masoleum*. Cambridge (Mass.), 1999. – 514 pp.
161. Neill T.P. *Joseph Görres // They Lived the Faith; Great Lay Leaders of Modern Times*. Milwaukee: The Bruce Publishing Company, 1951. P. 230.
162. Paulmann J. *Pomp und Politik. Monarchenbegegnungen in Europa zwischen Ancien Regime und Erstem Weltkrieg*. Paderborn, 2000.
163. Pyta W. *Konzert der Mächte und kollektives Sicherheitssystem. Neue Wege zwischenstaatlicher Friedenswahrung in Europa nach dem Wiener Kongress 1815 // Jahrbuch des Historischen Kollegs*. 1996. S. 133–173.
164. Reid J.C. *Bucks and Bruisers: Pierce Egan and Regency England*. London, 1971.
165. Schoonmaker E.D. *Constantinople: And Then? // The North American Review*, 1917, vol. 205, № 737 (April), pp. 511–522.
166. Schroeder P.W. *The Transformation of European Politics, 1763–1848*. Oxford: Clarendon Press, 1994. – 894 pp.
167. Soboleva O., Wrenn A. *From Orientalism to Cultural Capital: The Myth of Russia in British Literature of the 1920s*. Oxford: Peter Lang AG, 2017. – 337 pp.
168. Stöber R. *Deutsche Pressegeschichte, von den Anfängen bis zur Gegenwart*. 2. überarbeitete Auflage. 2005.
169. *The Encyclopedia of the British Press, 1422-1992* /Ed. by Dennis Griffith. N.-Y., 1992.
170. *The Oxford Companion to British History*. Oxford University Press, 2002.
171. Ufer P. *Leipziger Presse 1789 bis 1815. Eine Studie zu Entwicklungstendenzen und Kommunikationsbedingungen des Zeitungs- und Zeitschriftenwesens zwischen Französischer Revolution und den Befreiungskriegen (= Kommunikationsgeschichte. Band 9)*. Münster, 2000.
172. Weber J. *Strassburg, 1605: The origins of the newspaper in Europe // German History*, 2006, № 24(3). P. 387–412.
173. Whale J. *Journalism and Government*. L., 1972.

174. Wiles R.M. Freshet advices: early provincial newspapers in England. Columbus (Oh.), State University Press, 1965.
175. Wortman R. Visual Texts, Ceremonial Texts, Texts of Exploration: Collected Articles on the Representation of Russian Monarchy. Boston: Academic Studies Press, 2014. – XXIV, 442 p.
176. Wöhrmann H. Görres' Rheinischer Merkur: eine geschichtliche Analyse. Löningen i.O.: Schmücker, 1933.
177. Zeitungsstadt Berlin. Menschen und Mächte in der Geschichte der deutschen Presse. Überarbeitete u. erw. Aufl. Frankfurt/M., Berlin, Wien: Ullstein, 1982.
178. Zeitungsstadt Frankfurt am Main. Zur Geschichte der Frankfurter Presse in fünf Jahrhunderten / Herausgegeben von A. Estermann im Auftrag der Frankfurter Sparkasse. Frankfurt am Main, 1994. – 315 S.

«Освободители Европы»

1. Гравюра Д.Г. Бергера

2. Гравюра С. Карделли

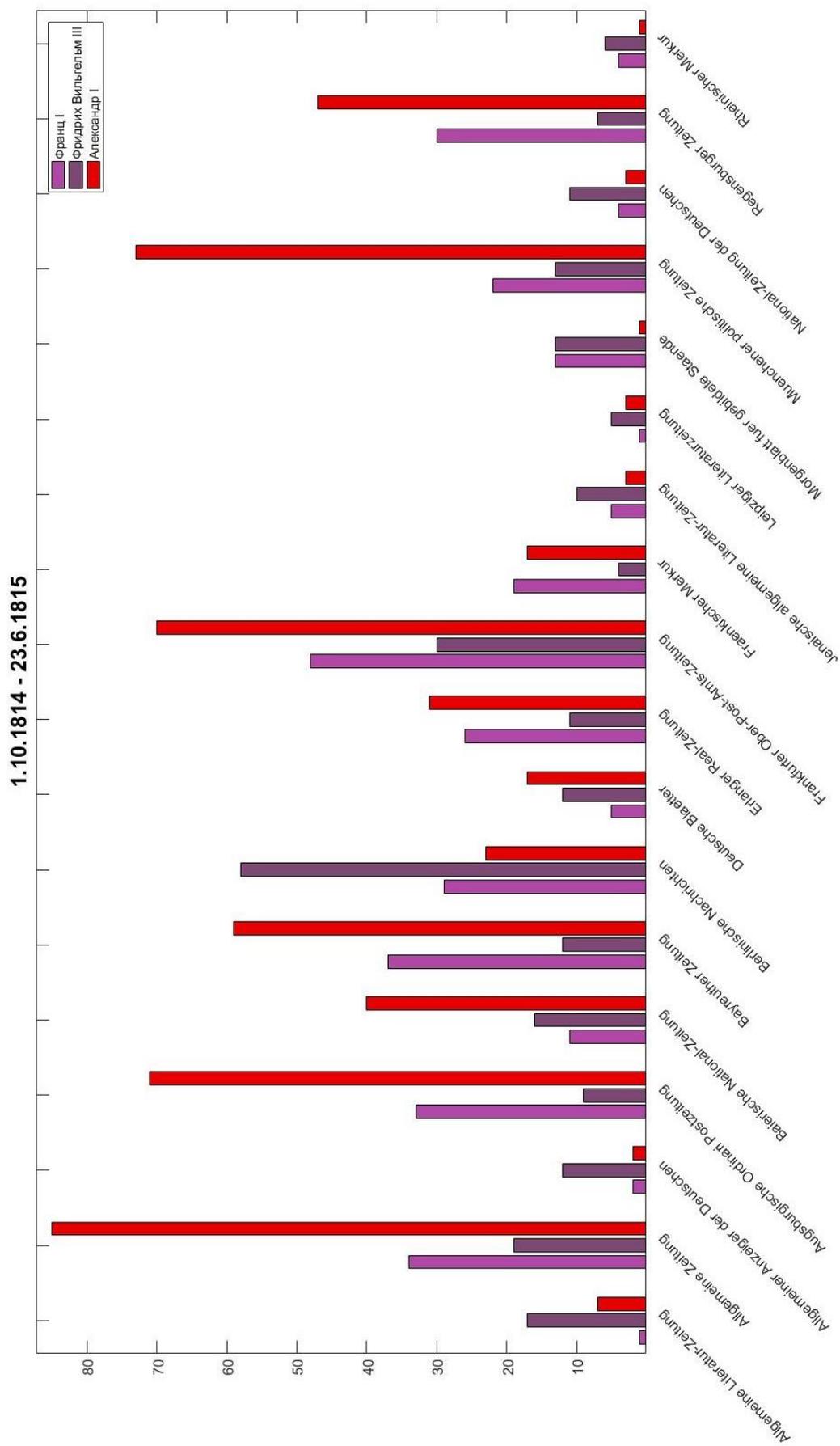

Рисунок 1

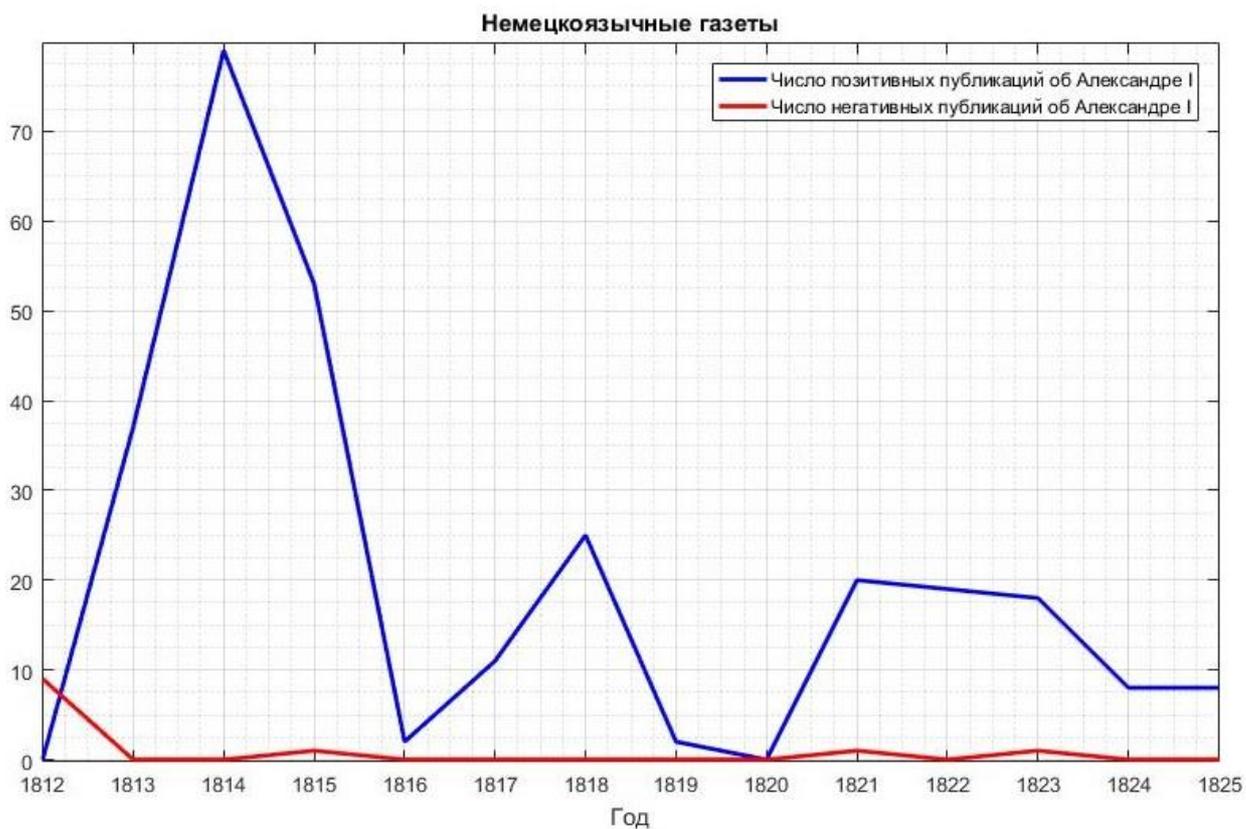

Рисунок 3

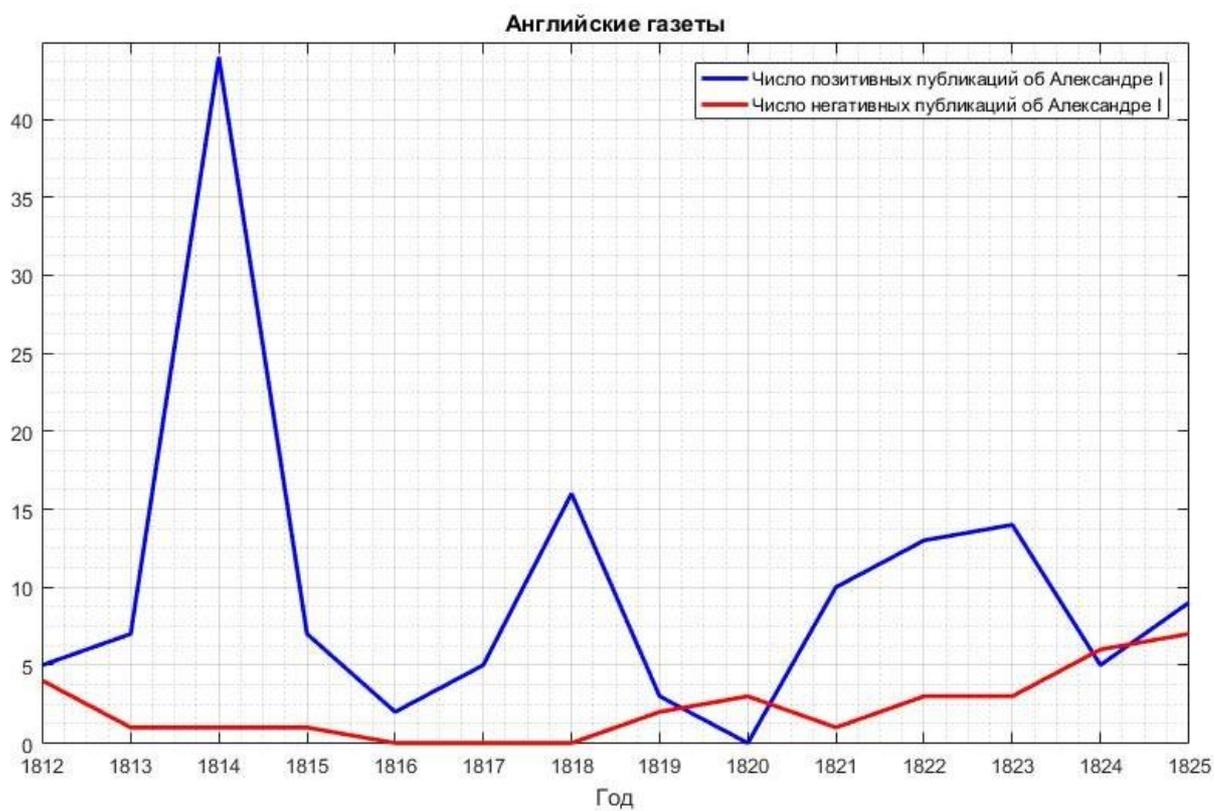

Рисунок 4

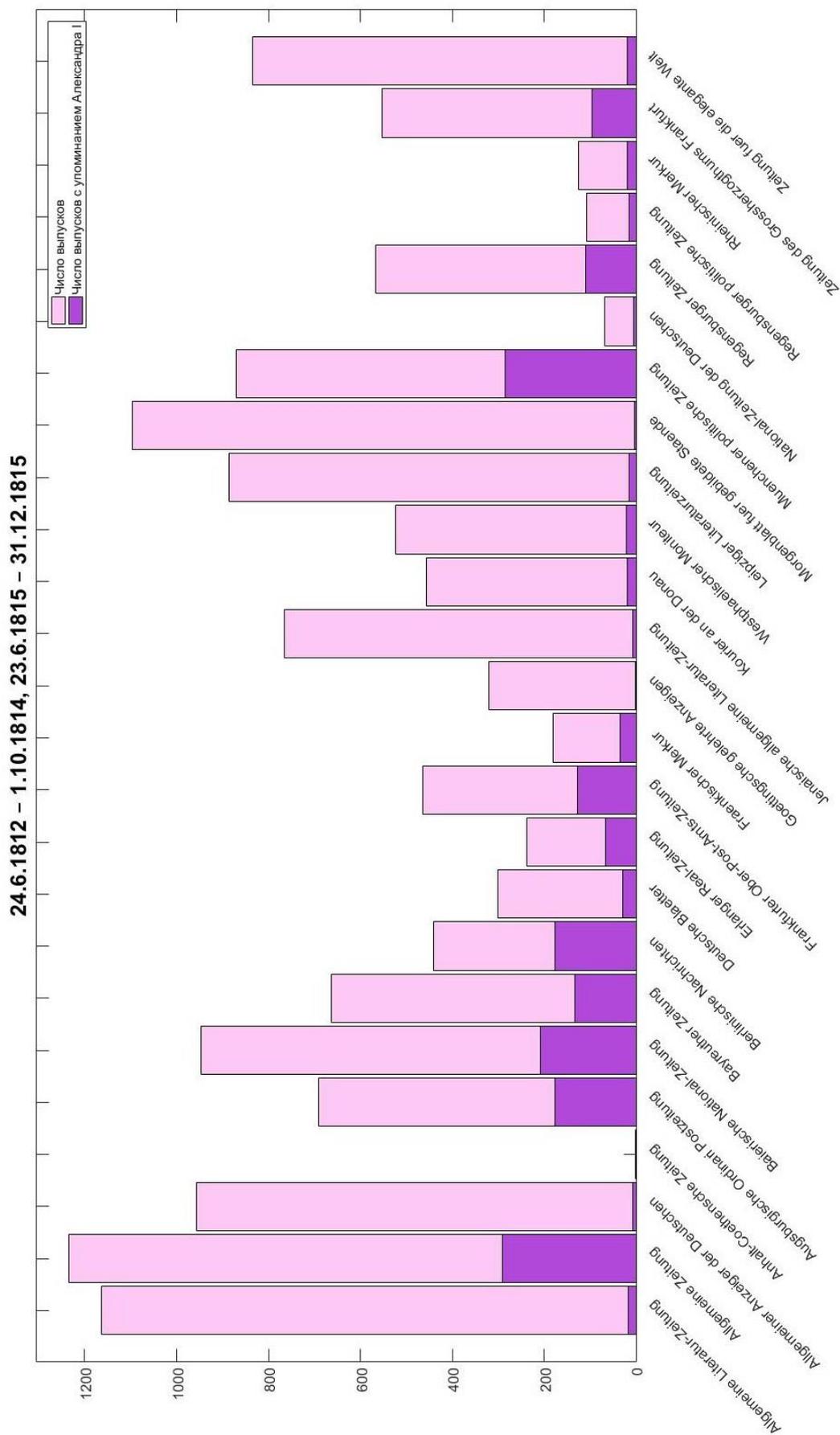

Рисунок 5

05.02.1816 - 31.12.1819

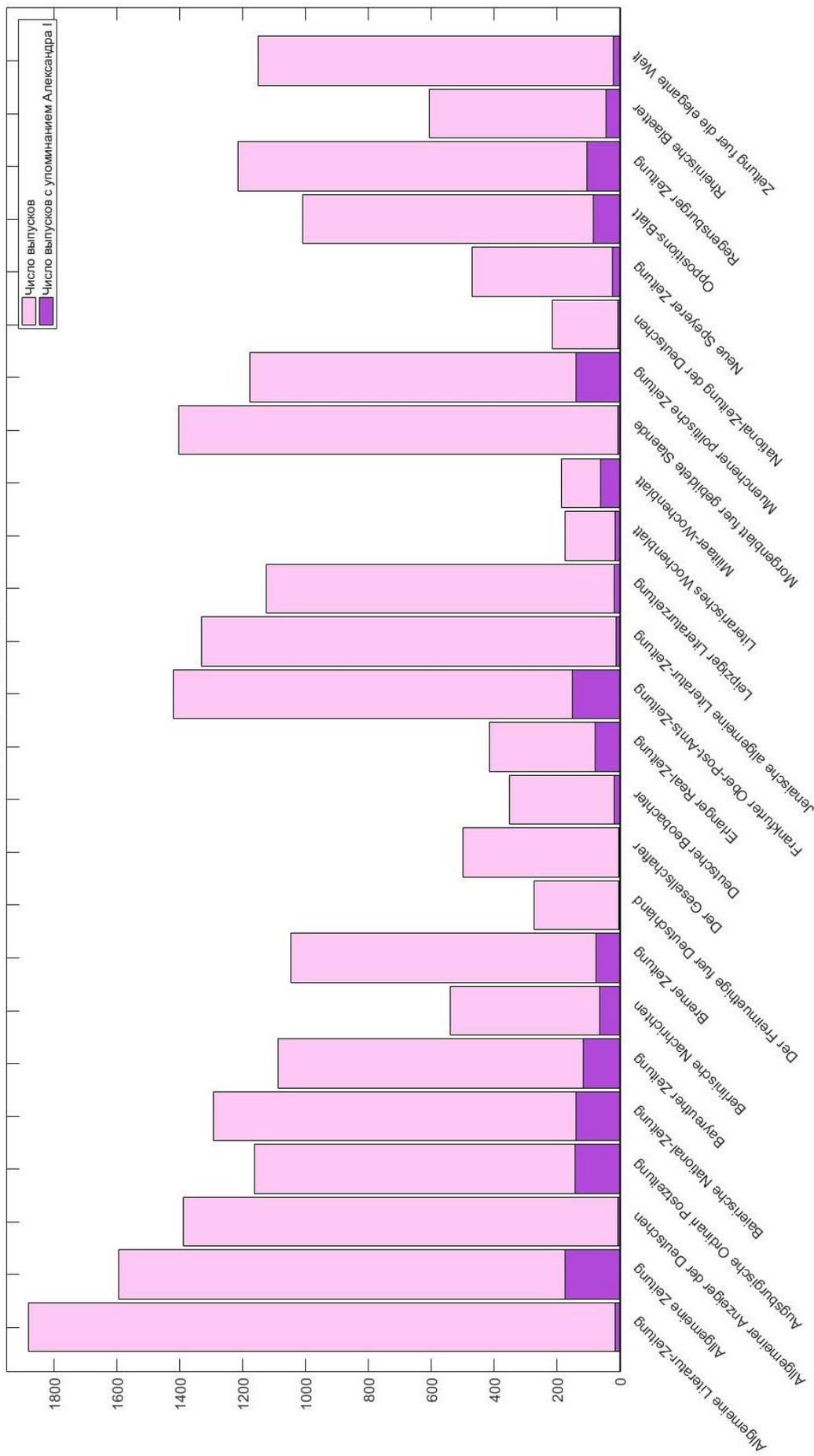

Рисунок 7

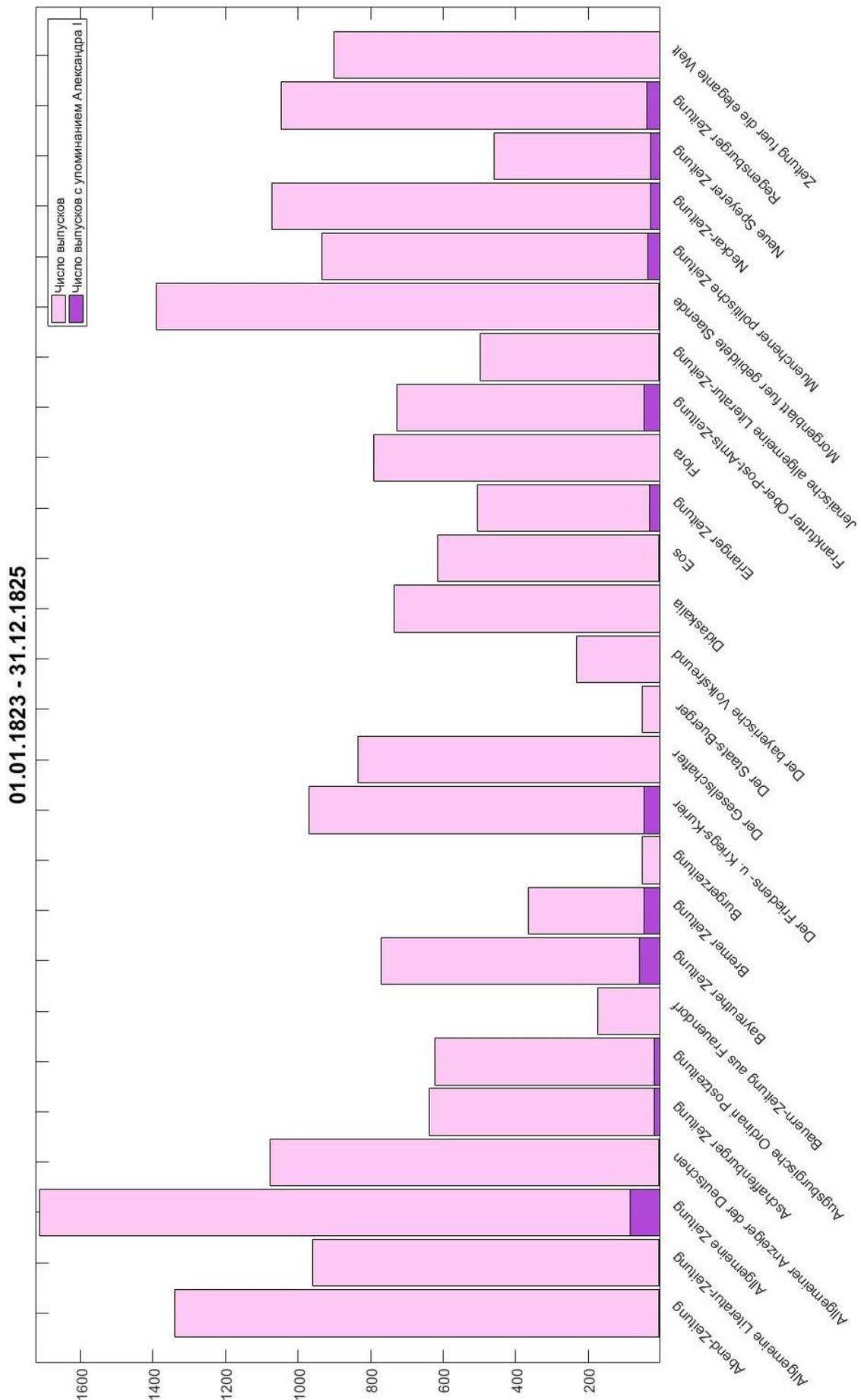

Рисунок 9

24.6.1812 – 1.10.1814, 23.6.1815 – 31.12.1815

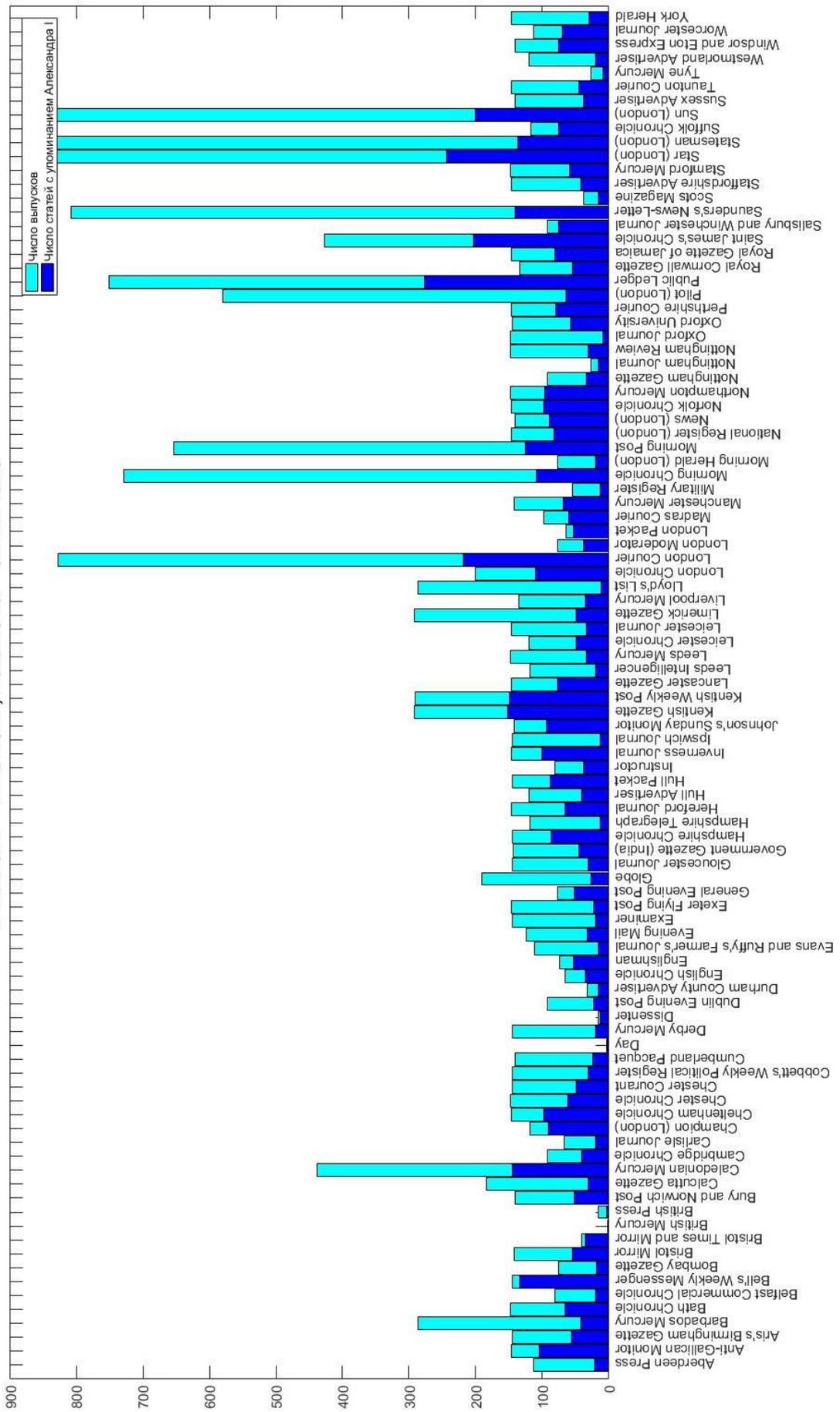

Рисунок 10

01.10.1814 - 23.06.1815

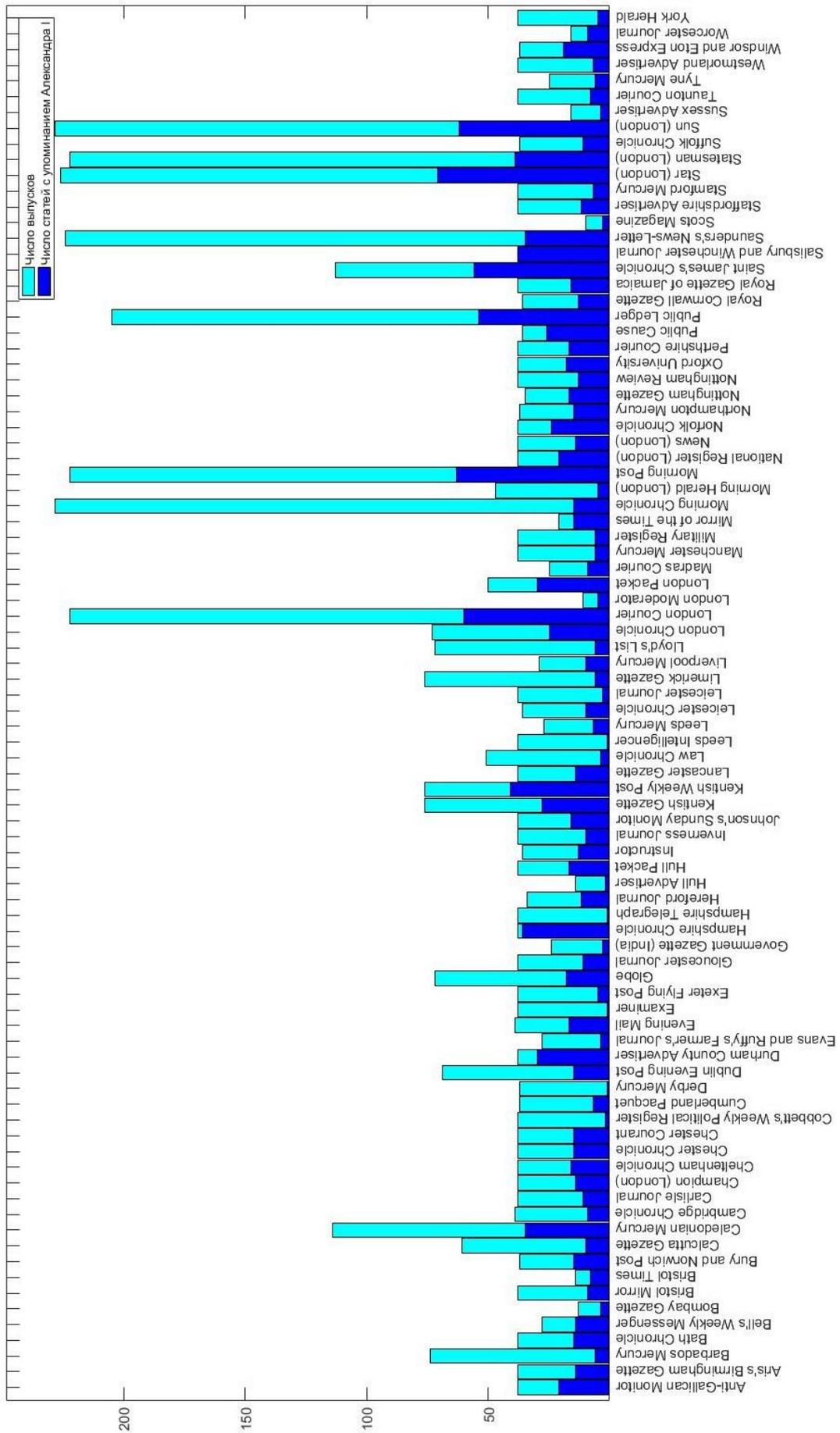

Рисунок 11

05.02.1816 - 31.12.1819

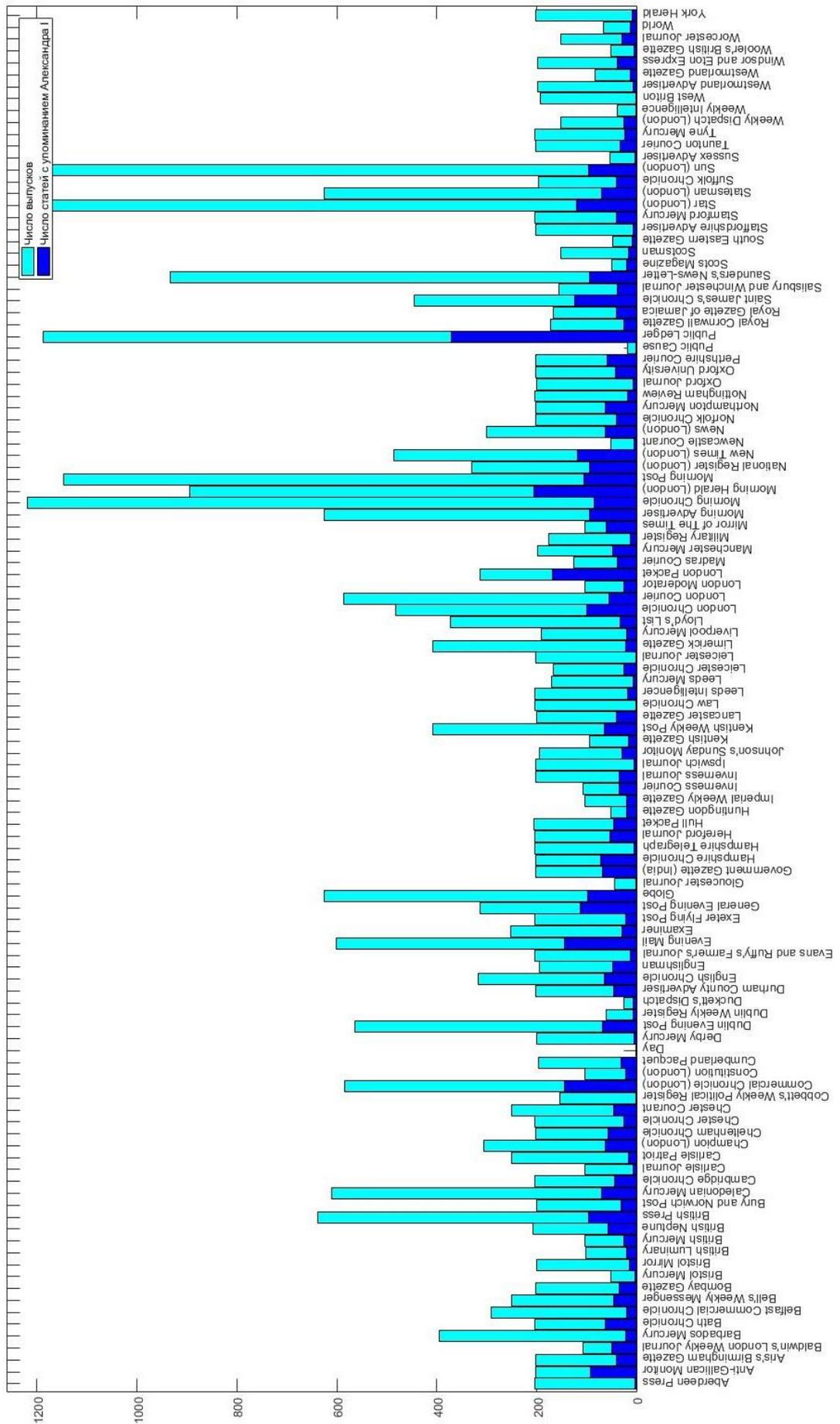

Рисунок 12

01.01.1820 - 31.12.1822

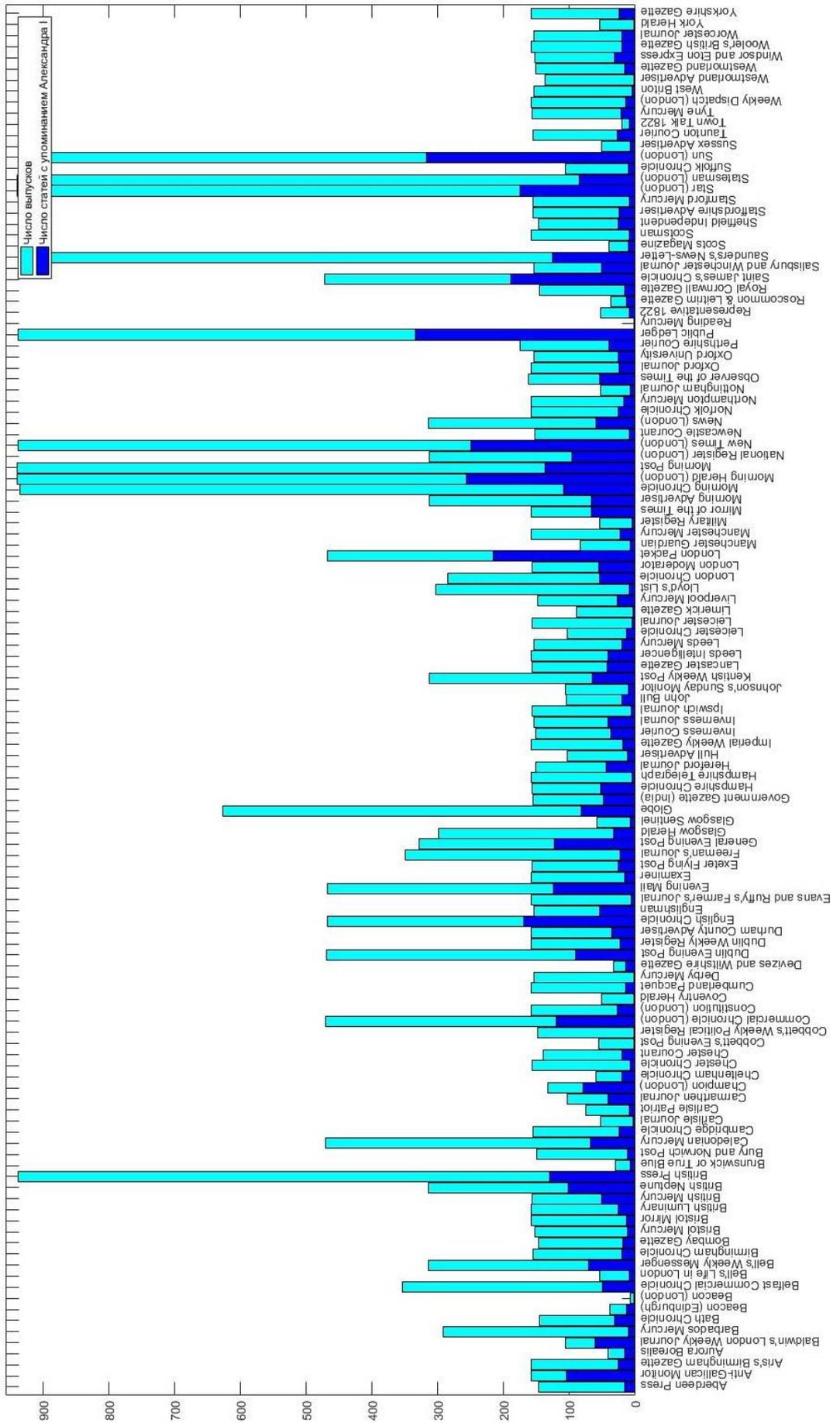

Рисунок 13

Список используемых в графиках сокращений газетных названий

Немецкие газеты:

- Augsburgerische Ordinari Postzeitung – Augsburgerische Ordinari Postzeitung von Staats-, gelehrten, historisch- u. ökonomischen Neuigkeiten
- Berlinische Nachrichten – Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen
- Der Gesellschafter – Der Gesellschafter oder Blätter für Geist und Herz
- Deutscher Beobachter – Deutscher Beobachter oder privilegierte hanseatische Zeitung
- Oppositions-Blatt – Oppositions-Blatt oder Weimarische Zeitung

Английские газеты:

- Barbados Mercury – Barbados Mercury and Bridge-town Gazette
- Bath Chronicle – Bath Chronicle and Weekly Gazette
- British Mercury – British Mercury or Wednesday Evening Post
- Cambridge Chronicle – Cambridge Chronicle and Journal
- Cumberland Pacquet – Cumberland Pacquet, and Ware's Whitehaven Advertiser
- English Chronicle – English Chronicle and Whitehall Evening Post
- Huntingdon Gazette – Huntingdon, Bedford & Peterborough Gazette
- Inverness Journal – Inverness Journal and Northern Advertiser
- Kentish Weekly Post – Kentish Weekly Post or Canterbury Journal
- Law Chronicle – Law Chronicle, Commercial and Bankruptcy Register
- London Courier – London Courier and Evening Gazette
- London Moderator – London Moderator and National Adviser
- London Packet – London Packet and New Lloyd's Evening Post
- Oxford University – Oxford University and City Herald
- Public Ledger – Public Ledger and Daily Advertiser
- Taunton Courier – Taunton Courier and Western Advertiser
- Tyne Mercury – Tyne Mercury; Northumberland and Durham and Cumberland Gazette
- West Briton – West Briton and Cornwall Advertiser
- Westmorland Advertiser – Westmorland Advertiser and Kendal Chronicle

- World – World and Fashionable Sunday Chronicle

